

ISSN 2542-1514 (Print)

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

2023

Том 7 № 4

Dostoevsky Omsk State University

LAW ENFORCEMENT REVIEW

2023

Vol. 7 no. 4

ISSN 2658-4050 (Online)

ПРАВОО ПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 7, № 4 • 2023

Выходит четыре раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Главный редактор – А.Н. Костюков, заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.В. Маслов, доцент кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, канд. юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.А. Пономарева, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.А. Азаров – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Н. Бабурин – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Ассоциации юридических вузов России, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

А.В. Габов – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, научный руководитель юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Москва, Россия)

Е.В. Гриценко – профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Л.В. Зайцева – заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, д-р юрид. наук, доц. (г. Тюмень, Россия)

И.А. Исаев – заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

М.П. Клейменов – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Д. Князев – профессор кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, судья Конституционного Суда Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

С.А. Авакьян – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, лауреат премии имени А.Ф. Кони Российской академии наук (г. Москва, Россия)

К.В. Арановский – судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, д-р юрид. наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

А.В. Бутаков – профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

В.В. Векленко – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ю.В. Голик – профессор кафедры юриспруденции Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, д-р юрид. наук, проф., академик Международной Славянской Академии, академик Сербской академии наук и образования (г. Елец, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.Б. Исаков – ординарный профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, академик МАН ИПТ (г. Москва, Россия)

А.Д. Керимов – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, главный редактор научного журнала «Российский журнал правовых исследований», д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

А.И. Коробеев – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Владивосток, Россия)

С.Э. Несмелюва – профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор института дополнительного образования, д-р юрид. наук, проф. (г. Екатеринбург, Россия)

В.В. Сонин – научный сотрудник кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, канд. юрид. наук (г. Владивосток, Россия)

Е.С. Шугрина – профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., член Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления (г. Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Г.А. Василевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Стефания Карневале – ассоциированный профессор кафедры уголовного процесса Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Мария Карфикова – профессор кафедры финансового права и финансовой науки Карлова университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Прага, Чехия)

В.А. Малиновский – член Конституционного Совета Республики Казахстан, д-р юрид. наук, проф. (г. Астана, Казахстан)

Горазд Мешко – директор института уголовного правосудия и безопасности Университета Марибора, д-р юрид. наук, проф., Президент Европейского общества кримиологов (г. Марибор, Словения)

Махеш Налла – профессор Школы уголовного правосудия Мичиганского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Лансинг, США)

Срето Ного – профессор факультета права, государственного управления и безопасности Университета Джона Несбитта, доктор права, президент Сербской королевской академии наук и искусств, генеральный секретарь Международной ассоциации международного уголовного права (г. Белград, Сербия)

Славомир Преснарвич – судья Высшего административного суда, д-р юрид. наук, проф. (г. Варшава, Польша)

Элизабетта Сильвестри – профессор кафедры гражданского процессуального права Университета Павии, д-р юрид. наук, член Комитета Министерства юстиции Италии по реформе гражданского процесса (г. Павия, Италия)

Бронис Судавичюс – профессор кафедры публичного права Вильнюсского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Вильнюс, Литва)

Лю Сяньвэнь – заведующий Центром российского права Института права Чжэнчжоуского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Чжэнчжоу, Китай)

Серена Форлати – директор Центра европейских правовых исследований международной организованной преступности, профессор факультета права Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Лю Хунянь – заведующий Исследовательским центром экологического права Института права Академии общественных наук КНР, д-р юрид. наук, проф. (г. Пекин, Китай)

Андреас Штайнингер – профессор экономического права в Университете г. Висмара, д-р юрид. наук (г. Висмар, Германия)

Адрес редакции: 644065, Россия, Омская область, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзоз, д. 100/1, каб. 311. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-73726 от 21 сентября 2018 года.

Журнал включен в перечень ВАК.

Объединенный подписной каталог «Пресса России». Индекс 41286. Свободная цена.

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте <http://enforcement.omsu.ru>.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статье; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Дата выхода: 20.12.2023. Ризографическая печать. Формат 60x84 1/8. Заказ 366. Тираж 25 экз.

Редактор Д.С. Нерозник. Технический редактор Е.В. Лозовая. Дизайн обложки З.Н. Образова.

Отпечатано в типографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Адрес издателя и типографии: 644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 7, no. 4 • 2023

Published four times a year

FOUNDER AND PUBLISHER

Dostoevsky Omsk State University

Chief editor – Alexander N. Kostyukov, Head, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Kirill V. Maslov, Associate Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Law (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Karina A. Ponomareva, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Law (Omsk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Vladimir A. Azarov – Head, Department of Criminal Process and Criminalistics, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey N. Baburin – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, President, Association of Law Universities of Russia, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Sergey Yu. Chucha – Chief Researcher, Sector of Procedural Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, retired President of Moscow Arbitration Court, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Andrey V. Gabov – Corresponding member, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Academic Director, Law Institute of Belgorod State University, Doctor of Law, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elena V. Gritsenko – Professor, Department of Constitutional Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Igor A. Isaev – Head, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Mikhail P. Kleymenov – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey D. Knyazev – Professor, Department of Administrative and Financial Law, St. Petersburg University, Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Marina V. Sentsova (Karaseva) – Head, Department of Finance Law, Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Worker of Higher School of Russia (Voronezh, Russia)

Elena G. Shablova – Head, Academic Department of Legal Regulation of Economic Activities, Ural Federal University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia)

Vladimir L. Slesarev – Head, Contract Law Department, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lydia A. Terekhova – Head, Department of Civil and Arbitration Process, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher School (Omsk, Russia)

Tatyana F. Yashchuk – Head, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, member of Russian Higher Qualification Collegium of Judges, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Larisa V. Zaitseva – Head, Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Doctor of Law, Associate Professor (Tyumen, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Konstantin V. Aranovsky – Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Suren A. Avakyan – Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Russian Academy of Science Award (Koni Prize) winner (Moscow, Russia)

Alexander V. Butakov – Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Yuriy V. Golik – Professor, Department of Jurisprudence, Bunin Yelets State University, Doctor of Law, academician of International Slavic Academy, academician of Serbian Academy of Science and Education (Elets, Russia)

Vladimir B. Isakov – Distinguished Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Higher School of Economics, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, academician of International Academy of Science, Information and Information Technologies (Moscow, Russia)

Alexander D. Kerimov – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, chief editor, scientific journal "Russian journal of legal studies", Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Alexander I. Korobeev – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Vladivostok, Russia)

Svetlana E. Nesmeyanova – Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Director of the Institute of Further Education, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Ekaterina S. Shugrina – Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University; Doctor of Law, Professor, member of Presidential Council on Local Self-Government Development (Moscow, Russia)

Victor V. Sonin – Researcher, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, PhD in Law (Vladivostok, Russia)

Vasily V. Veklenko – Professor, Department of Criminal Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

INTERNATIONAL MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Stefania Carnevale – Associate Professor, Department of Criminal Procedure, University of Ferrara, PhD (Ferrara, Italy)

Serena Forlati – Director, Centre for European Legal Studies on Macro-Crime, Department of Law, University of Ferrara, Professor, PhD (Ferrara, Italy)

Liu Hongyan – Head, Environmental Law Research Center, Institute of Law, Chinese Academy of Social Sciences, Doctor of Law, Professor (Beijing, China)

Marie Karfikova – Professor, Department of Financial Law and Financial Science, Charles University in Prague, Doctor of Law, Professor (Prague, Czech Republic)

Victor A. Malinowsky – member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor (Astana, Kazakhstan)

Gorazd Mesko – Director, Institute of Criminal Justice and Security, University of Maribor, Doctor of Law, Professor, President of the European Society of Criminology (Maribor, Slovenia)

Mahesh Nalla – Professor, School of Criminal Justice, Michigan State University, PhD, Professor (Lansing, USA)

Sreto Nogo – Professor, Faculty of Law, Public Administration and Security, John Naisbitt University, PhD (Belgrade, Serbia)

Slawomir Presnarowicz – Judge, Supreme Administrative Court, Doctor of Law, Professor (Warsaw, Poland)

Liu Xiangwen – Head, Centre of Russian Law, Law School, Zhengzhou University, Doctor of Law, Professor (Zhengzhou, China)

Elisabetta Silvestri – Professor, Department of Civil Procedural Law, University of Pavia, PhD, Professor, member of Italian Ministry of Justice Committee for the reform of Italian civil procedure (Pavia, Italy)

Andreas Steininger – Professor of business law, University of Wismar, Doctor of Law (Wismar, Germany)

Bronius Sudavičius – Professor, Department of Public Law, Vilnius University, Doctor of Law (Vilnius, Lithuania)

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding member, National Academy of Sciences of Belarus, Head, Department of Constitutional Law, Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Address of editorial board: off. 311, 100/1, 50 let Profsoyuzov ul., Omsk, Omsk Oblast, 644065, Russia. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration number ПИ № ФС 77-73726 of September 21, 2018.

Included in HAC list.

United subscription catalog "The Russian Press". Index 41286. Free price.

Full text version of the Journal is available at its website <http://enforcement.omsu.ru>.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

Manuscripts are not returned to the authors.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

Copyright. All rights protected.

Date of publication: December 20, 2023. Risograph printing. Format 60×84 1/8. Order 366. Circulation of 25 copies.

Editor D.S. Neroznik. Technical editor E.V. Lozovaya. Design of cover Z.N. Obrazova.

Published by Dostoevsky Omsk State University.

Address of publisher and printing house: 55-A, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 7, № 4 • 2023

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Бутаков А.В.</i> От социального противоречия к социальной конкуренции – базовому правовому режиму (способу) жизнедеятельности государства (Часть II).....	5
<i>Гамбарян А.С.</i> Принцип законности и положение «судья подчиняется закону» в контексте доктрины развития права <i>contra legem</i>	15
<i>Иваненко В.С.</i> Перипетии трансформации университетского юридического образования в первый период советской власти (1917 – 1920-е гг.)	25

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

<i>Пономарева К.А., Симонов А.О.</i> Налогообложение операций с цифровыми финансовыми активами в контексте классических правил налогообложения	35
<i>Бачурин Д.Г.</i> Интеграция законодательства о противодействии налоговым преступлениям в Европейском Союзе: возможности и ограничения	45
<i>Корытин А.В., Кострыкина Н.С., Малинина Т.А.</i> Опыт налогообложения выбросов углерода в европейских странах	55
<i>Громова Е.А.</i> Оценка эффективности моделей стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий	66
<i>Васильев А.А., Караванов Б.Е.</i> Правовой статус «молодой ученый» в Российской Федерации.....	76
<i>Бурцева С.С.</i> Оценочные понятия – необходимое средство достижения конституционной идеи правовой определенности или фактор, приводящий к ее нарушению?.....	86

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

<i>Дитятковский М.Ю.</i> О доступной среде в муниципальных образованиях Российской Федерации	96
<i>Ольховик В.В., Юхневич Э.</i> Правовое регулирование межмуниципальной кооперации в европейских странах	106

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

<i>Степашин В.М., Шеховцов И.А.</i> Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности	116
<i>Глазунова И.В., Никитина А.В.</i> Досрочное прекращение полномочий судьи как мера юридической ответственности: проблемы правового регулирования и правоприменения	126

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

<i>Лаптев В.А.</i> Директивная модель управления корпорациями с участием государства в сфере оборонно-промышленного комплекса	136
<i>Ходырева Е.А., Ходырев П.М.</i> Болезнь как уважительная причина восстановления срока принятия наследства	146
<i>Клепалова Ю.И., Щербакова О.В.</i> Современные тенденции в правовом регулировании медицинских осмотров работников, обеспечивающих движение транспорта	156

Правила для авторов	166
----------------------------------	-----

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 7, no. 4 • 2023

Published four times a year

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

<i>Butakov A.V.</i> From social contradiction to social competition as the basic legal regime (mode) of statehood (Part II)	5
<i>Ghambaryan A.S.</i> The principle of legality and the provision “the judge is subject to the law” in the context of the doctrine of the development of law contra legem	15
<i>Ivanenko V.S.</i> The vicissitudes of the transformation of university legal education in the first years of Soviet power (1917-1920s)	25

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

<i>Ponomareva K.A., Simonov A.O.</i> Taxation of digital financial assets in the context of classical rules of taxation	35
<i>Bachurin D.G.</i> Integration of legislation on countering tax crimes in the EU: opportunities and limitations	45
<i>Korytin A.V., Kostrykina N.S., Malinina T.A.</i> Carbon taxation in Europe	55
<i>Gromova E.A.</i> Evaluating the effectiveness of models of incentive legal regimes of entrepreneurial activity in the sphere of digital innovations and technologies	66
<i>Vasiliev A.A., Karavanov B.E.</i> Legal status of young scientists in the Russian Federation.....	76
<i>Burtseva S.S.</i> The evaluation concepts – a necessary means of achieving the constitutional idea of legal certainty or a factor leading to its violation?	86

THE LAW ENFORCEMENT BY LOCAL AUTHORITIES

<i>Dityatkovsky M.Yu.</i> Accessible environment in municipalities of the Russian Federation	96
<i>Olkhovik V.V., Juchnevicius E.</i> Legal regulation of inter-municipal cooperation in European countries	106

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

<i>Stepashin V.M., Shekhovtsov I.A.</i> Qualification of a crime jointly committed with a criminally unliable person	116
<i>Glazunova I.V., Nikitina A.V.</i> Early termination of a judge's powers as a measure of legal responsibility: problems of legal regulation and law enforcement	126

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

<i>Laptev V.A.</i> Directive model of corporation management with the participation of the state in the sphere of the military-industry complex	136
<i>Khodyreva E.A., Khodyrev P.M.</i> Illness as a valid reason for restoring the term of inheritance acceptance	146
<i>Klepalova Yu.I., Shcherbakova O.V.</i> Current trends in medical examinations of traffic-related workers	156
Author guidelines	166

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 312

DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(4).5-14

ОТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ К СОЦИАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ – БАЗОВОМУ ПРАВОВОМУ РЕЖИМУ (СПОСОБУ) ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА (Часть II)

А.В. Бутаков

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

21 июня 2022 г.

Дата принятия в печать –

20 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Контрадикторное социальное противоречие, контрарное социальное противоречие, антагонистическое социальное противоречие, социальная конкуренция, господство, базовый правовой режим (способ) жизнедеятельности государства

Представлена вторая часть исследования социальной конкуренции как естественного механизма разрешения социальных противоречий, которые возникают и существуют в обществе. Автор отмечает, что собственность как основополагающая цель существования государства посредством социальной конкуренции – базового правового режима (способа) его жизнедеятельности – предопределяет первопричинность структурной организации власти в качестве средства реализации этой цели. Разрушение же социальной конкуренции в качестве базового правового режима (способа) жизнедеятельности государства неизменно декретирует наступление положения, когда власть превращается в основополагающую цель существования государства, а собственность трансформируется лишь в средство обеспечения данной цели. Так любая государственность вступает в начало эпохи социальной деградации.

FROM SOCIAL CONTRADICTION TO SOCIAL COMPETITION AS THE BASIC LEGAL REGIME (MODE) OF STATEHOOD (Part II)

Alexander V. Butakov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2022 June 21

Accepted –

2023 January 20

Available online –

2023 December 20

Keywords

Contradictory social contradiction, contrarian social contradiction, antagonistic social contradiction, social competition, domination, basic legal regime (mode) of statehood

The subject of the article is social competition as the basic legal regime (mode) of statehood as a systemic channel that determines the functioning of property as a goal and the state as a means.

The aim of the article is to confirm or refute hypothesis that the resolution of social contradictions is a kind of legal regime for the realization of property as the fundamental purpose of the existence of the state.

According to the author's methodology of normative structuralism, the assignment to each mode of property organization of a specific function (social development function, social compromise (convergence) function, social security function) generated the corresponding potential for the emergence and existence of social contradictions, where the state as an artificial (reasonable) sufficiency had to direct the energy of the said contradictions into the normative-legal channel and thus ensure the existence of social competition.

The main results. The restriction and leveling of social competition and the transition to domination as the basic legal regime (mode) of statehood destroys the natural mechanism for resolving social contradictions and transfers this mechanism to the plane of directive political and ideological expediency. As a result, the power of the structural organization of the state is transformed into a goal of its existence, and property only into a means of realizing this goal. There is a disavowal of property as a fundamental goal of the existence of

the state; the escalation of its imperialization begins, triggering the destruction of social competition as the basic legal regime (mode) of statehood. There is a danger of an existential rupture between the three most important social institutions of human civilization: property, competition, and the state.

Society, constituting the creation of the state as artificial (reasonable) sufficiency, through the functioning of the structural organization of power has fixed the fundamental purpose of existence - property in the form of an integral structural platform of the main ways of its organization (private (individualized), mixed (corporate), general (collective)), assigning to each of them the execution of the corresponding social function.

Conclusions. Society, realizing the existence of a social contradiction, purposefully forms appropriate ways (rules) to overcome them to ensure its progressive development. The essence of the legal regime as the existence of the resolution of this social contradiction can be defined by the concept of "competition".

3. Конкуренция. Общая понятийная характеристика

Общечеловеческая ценность существования социального противоречия состоит в том, что, не будь оно генетическим потенциалом человеческого развития, жизнь нашей цивилизации, возможно, представляла бы собой что-то вроде таблицы умножения. Социальная же конкуренция в указанных условиях представляла бы собой нечто не родившееся, но уже мертвое. Данную зависимость можно сформулировать проще: если есть социальное противоречие, то есть человеческое развитие в форме конкуренции; если нет социального противоречия, то нет человеческого развития, тогда и конкуренция как форма жизнедеятельности излишня.

В этой ситуации краткий исторический экскурс в исследование социального явления, характеризующего как «конкуренция», просто необходим. Уместно провести его по трем основным направлениям: конкуренция – глобальное явление; конкуренция – всеобщая экономическая категория; конкуренция – правовой феномен.

Начнем с того, что, основоположник методологии диалектического противоречия, Г.В.Ф. Гегель в своей доктрине не использовал понятие «конкуренция», но вместе с тем применил близкую по содержанию понятийную формулу «борьба за признание» [1, с. 241–242].

В глобальности характеристики борьбы за признание Г.В.Ф. Гегеля, которую можно рассматривать как определенное тождество понятия «конкуренция», проявляется главное: посредством этого состояния происходит трансфер от естественной природы человека к созданию его разумной (искусственной) среды обитания, охватывающей весь цивилизационный параметр от «жизни – смерти» индивида до появления гражданского общества в различных фор-

мах искусственного нормирования (государство, право, закон, конституция и т. д.).

Любая социальная норма, любое социальное правило – это искусственный продукт конкуренции, которая одновременно сама является искусственным режимом восприятия и разрешения социального противоречия. Конкуренция – это режим разумной (искусственной) деятельности человека, направленной в конечном счете на преодоление состояния «войны всех против всех» посредством создания соответствующих искусственных форм существования гражданского общества, и прежде всего государства и права, где так же разумный стандарт понимания свободы определяет параметр общественно признанной социальной справедливости [2–4].

Двойственная природа социальной конкуренции состоит в том, что она есть продукт разумной (искусственной) деятельности и в то же время является искусственным режимом создания такой же социальной нормы. Подобная искусственность природы конкуренции стала репродуцировать ее в качестве универсального правового режима разрешения социального противоречия. Если определять проще, то конкуренция – это искусственный инструмент формирования государства и права, посредством которых устанавливается искусственный параметр существования конкуренции. Следовательно, конкуренция – это универсальный режим разумного (искусственного) существования человеческой цивилизации, основанной на репродукции разумной (искусственной) нормы права в ее различных формах существования. В этом и проявляется глобальность понятийной характеристики социальной конкуренции, ярким представителем которой был Г.В.Ф. Гегель. В общем, есть конкуренция – есть человеческая цивилизация, нет конкуренции – нет человеческой цивилизации.

Вторым основным направлением понятийной характеристики социальной конкуренции выступает ее определение в качестве всеобщей экономической категории. Продемонстрировать эту позицию я попытаюсь на исследовании Ф.А. Хайека, посвященном данной теме.

В основании позиции Ф.А. Хайека заложена известная комбинация Зомбарта–Шумпетера о конкуренции как созидательном процессе разрушения старого новым (подробнее см.: [6; 7]), и, несмотря на широкое понятийное содержание, это определение в основном использовалось в экономической теории.

Ф.А. Хайек в своем знаменитом эссе «Смысл конкуренции» сформулировал ряд положений, раскрывающих сущность исследуемого явления: конкуренция «создает процесс единства и согласованности экономической системы»; конкуренция – это непрерывный динамический процесс; конкуренция – это информационный процесс формирования мнения о лучшем и дешевом; конкуренция – это процесс, состоящий из непрерывных изменений, которые, как правило, ставят теорию в тупик, т. е. происходит созидательное разрушение старого новым [8, с. 20–27].

Ф.А. Хайек, развивая идеи К. Маркса и Й. Шумпетера о конкуренции в качестве всеобщей (системной) экономической категории, сформулировал важнейшее теоретическое положение о социально-экономической детерминации общественного развития в условиях XX в. При этом следует отметить, что Ф.А. Хайек являлся убежденным критиком советской модели социалистического строительства (см., напр.: [9; 10]).

Третьим основным направлением рассмотрения понятийной характеристики социальной конкуренции выступает исследование ее содержания как правового явления. В юридических энциклопедических изданиях ее определение либо отсутствует [11; 12], либо сводится к состязательности хозяйствующих субъектов на товарном рынке [13], регулируемому ее правовому институту [14, с. 211].

То есть в российской юридической науке понятие «конкуренция» употребляется в основном в качестве узкоспециализированного инструмента хозяйствующей деятельности субъектов на соответствующем товарном рынке. Это подтверждается Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О

защите конкуренции». Обратим внимание на его название. Если учесть, что основное содержание закрепленного в законе понятия «конкуренция» – это борьба с ее как бы недобросовестным осуществлением, то какую конкуренцию федеральный законодатель защищает? Если в современной России её ВВП примерно на 70–75 % (а по некоторым направлениям и выше) формируется с участием государственной собственности, то о какой конкуренции может идти речь?¹ Между хозяйствующими субъектами с государственной формой собственности? Между хозяйствующим субъектом с государственной формой собственности и хозяйствующим субъектом с частной (индивидуализированной) формой собственности? Нетрудно догадаться, кто в этой «конкуренции» как в хозяйствующем соперничестве победит и кто из них в первую очередь будет преследуем за как бы недобросовестную конкуренцию.

В результате неразработанности правовой доктрины конкуренции в современной России с позиции собственности как основополагающей цели существования государства она во многом по-прежнему реализуется на идеологической базе советского прошлого.

Возвращаемся к рассмотрению предложенных трех основных направлений общей понятийной характеристики конкуренции: как глобального явления; как всеобщей экономической категории; как правового феномена.

Конкуренция в цивилизационной дифференциации инстинкта и разума представляет собой определенную границу – Рубикон, – с которой начинается своеобразное строительство искусственной среды обитания человека как разумной действительности.

Конкуренция как глобальность выступает одновременно в двух ипостасях. Первая: конкуренция – это искусственный способ обеспечения жизнедеятельности государства посредством создания абстрактной социальной нормы. Вторая: приведение этой абстрактной социальной нормы в функциональное (рабочее) состояние. То есть конкуренция как своеобразный объективированный процесс является искусственным (разумным) способом строительства такой же искусственной (разумной) деятельности государства, посредством которого создается такая же искусственная (разумная) абстрактная социальная норма, одновременно сочетая в себе со-

¹ Подробнее см.: Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2017 г. (краткая версия) / Федеральная антимонопольная служба. М., 2018. 50 с. URL: [https://](https://fas.gov.ru/attachment/177886/download?1537796398)

fas.gov.ru/attachment/177886/download?1537796398 (дата обращения: 15.12.2020). (См. также: [15, с. 339–340].)

ответствующий искусственный (разумный) режим приведения этой абстрактной социальной нормы в функциональное (рабочее) состояние, а следовательно, всю искусственную (разумную) среду обитания человека.

Если перефразировать знаменитое утверждение Г.В.Ф. Гегеля: «Всё разумное действительно, а всё действительно разумно», – то в моей интерпретации оно звучит как «всё разумное искусственно, а всё искусственное разумно».

В этой логической определенности конкуренция является продуктом искусственного (разумного) и в то же время таким же средством приведения этого искусственного (разумного) в функциональное (рабочее) состояние, такое же искусственное (разумное). Если формулировать кратко, то конкуренция – это гибрид способа и режима обеспечения и приведения всей искусственной (разумной) жизнедеятельности государства в рабочее функциональное состояние; в этом есть социальное назначение конкуренции как глобального явления.

Если в общей понятийной характеристике конкуренция как глобальное явление представляет собой отражение всего целостного спектра существования искусственной (разумной) человеческой цивилизации, то восприятие ее (конкуренции) в качестве всеобщей экономической категории является в определенном смысле соответствующим результатом существования генерации производства и воспроизводства социальных противоречий, обусловленных созданием потребительной стоимости, т. е. конкретного источника удовлетворения материальных и иных потребностей человека. Именно в экономической сфере при производстве, обмене, распределении и потреблении добавленной стоимости происходит стихийная генерация неуправляемой энергии социальных противоречий, которая посредством конституирования конкуренции (искусственного разумного регулятора) преобразуется в управляемую.

Конкуренция преобразует стихийную энергию социального противоречия в искусственную (разумную) энергию, необходимую для обеспечения социального развития. Эффективность подобного трансформационного перехода определяется параметрами обеспечения пропорциональной достаточности между стихийностью и искусственной рациональностью, допускающей существование максимально возможной степени удовлетворения индивидуального интереса и его оптимального соотношения с интересом групповым и коллективным.

Если же между стихийностью и искусственной рациональностью наступает соответствующая диспропорция, то конкуренция как экономическое явление при обеспечении оптимального соотношения индивидуального интереса с групповым и коллективным в социальном плане просто «умирает». В этом и проявляется значение конкуренции как всеобщей экономической категории, определяющей поступательный алгоритм социального развития или отсутствие оно.

Наряду с характеристикой всеобщности у конкуренции в качестве экономической категории есть еще три важнейших аспекта существования: 1) прежде всего социальное «производство» непосредственной производительной силы в лице непосредственного производителя, его конкурентоспособность на рынке труда; 2) формирование социального волеизъявления выбора, как писал Ф.А. Хайек, между «лучшим и дешевым», определяющего стратегический вектор развития общественного производства; 3) динамичность конкуренции, детерминирующая необходимость перманентного уточнения действующей социальной нормы.

Следующим параметром в общей понятийной характеристике социальной конкуренции является ее ипостась в качестве правового феномена.

Вопрос о рассмотрении конкуренции как правового явления представляется комплексным и чрезвычайно сложным по своим объективным и субъективным причинам. Еще в XIX в. Р. Иеринг в своих работах «Борьба за право» и «Цель в праве» сформулировал определенную идею о том, что право – это продукт конкуренции, а конкуренция – это продукт права (подробнее см.: [16; 17]). Сама постановка Р. Иерингом понятийной определенности цели в праве как «наказания нарушителя» и «поощрения исполнителя» конструирует соответствующий правовой канал, только в котором и может существовать наличное бытие такого явления, как конкуренция. Отсюда многочисленные попытки в практике законодательного регулирования зафиксировать различные понятийные юридические формулы, например: «недобросовестная конкуренция»; «несовершенная конкуренция»; «поддержка конкуренции» и т. д. По моему мнению, это можно рассматривать как правовой казус, но не более. Конкуренция может быть только правовой. Любые интерпретации данного факта законодателем отражают лишь его стремление руководить этим процессом в интересах определенной номенклатурной бюрократии, и называется это протекционизм.

Необходимо как минимум законодательно определить, что такое конкуренция, обеспечив ее существование функционированием соответствующего межотраслевого правового института. Как максимум – процедурно ограничить власть номенклатурной бюрократии по данной теме, выйти за пределы которого она может лишь в особом законодательном порядке.

Процесс монополизации в основных способах организации собственности выступает в определенном смысле цивилизационной угрозой существованию социальной конкуренции. Но об этом в рубрике «Конкуренция и собственность».

Еще один правовой феномен в понятийной характеристике конкуренции: право конституирует комплексный характер социальной конкуренции, нормативно регламентируя ее действия во всех сферах жизнедеятельности государства и общества. То есть социальная конкуренция как многообразное явление может быть экономической, политической, социальной, культурной, правовой и т. д. – в разрезе от межличностной до межгрупповой и межколлективной.

Существование обратно пропорциональной зависимости между конкуренцией и правом порождает их определенную пропорциональную достаточность либо, наоборот, диспропорцию, которая в то же время имеет характеристику юридического факта. Например, чем выше социальная конкуренция, тем выше легитимность права, признаваемого обществом в качестве социально справедливого; в то же время чем ниже социальная конкуренция, тем ниже легитимность права, а значит, и ниже уровень признания обществом его в качестве социально справедливого.

Стремление номенклатурной бюрократии не учитывать в своей практической деятельности существование данной обратно пропорциональной зависимости объективно ведет к социальной деградации ее режима. Стратегическим вопросом в правовом обеспечении функционирования социальной конкуренции выступает проблема соответствия перехода социальной конкуренции, сложившейся в экономической сфере деятельности, в сферу политическую в параметрах определенной пропорциональной достаточности. Другими словами, если в системе экономических отношений есть одно качество социальной конкуренции, а в политической оно другое, то это право приобретает свойство нелегитимного.

Следует учитывать исключительную роль социальной конкуренции в обеспечении наличности бы-

тия таких цивилизационных форм, как право и государство. Если цель в праве – это «наказание нарушителя» и «поощрение исполнителя», то собственность является основополагающей целью существования государства. Здесь исключительность социальной конкуренции проявляется в том, что она обеспечивает формирование режима искусственной (разумной) жизнедеятельности государства как правового и признаваемого обществом социально справедливым.

Таким образом, социальная конкуренция, после признания ее обществом справедливой, приобретает положение правового режима формирования искусственной (разумной) жизнедеятельности государства и, собственно, права как социального регулятора. Это обеспечивает консолидацию двухцелевого единства государства и права в общую цель – существование искусственной (разумной) человеческой цивилизации.

Можно констатировать, что общая понятийная характеристика конкуренции по указанным направлениям реализуется неравномерно и неравнозначно в условиях конца XX – начала XXI в. Межличностная, межгрупповая, межколлективная конкуренция, обусловленная действием соответствующих социальных противоречий, постепенно начинает менять свою естественную природу функционирования.

4. Конкуренция и собственность

Собственность – это универсальный правовой источник удовлетворения материальных и иных потребностей человека, формируемый на практике в реализации его целевого интереса. По сравнению с множественностью человеческих потребностей и интересов возможность их удовлетворения несравненно меньше. Это несоответствие генерирует возникновение неопределенной массы социальных противоречий; общество, чтобы преобразовать их энергию в потенциал развития, приступает к созданию искусственной (разумной) среды своего существования.

Государство и право как формы искусственной (разумной) деятельности призваны нормировать процесс удовлетворения материальных и иных потребностей человека и гражданина в режиме функционирования социальной конкуренции. Собственность как источник удовлетворения материальных и иных потребностей человека и гражданина превращается в основополагающую цель нормированного существования государства, в правовом пространстве которого социальная конкуренция как режим деятельности приводит его в функциональное (рабочее) состояние. Этот режим (способ) жизнедеятель-

ности государства детерминирован в своем функционировании реализовать его основополагающую цель существования – собственность. Собственность, представляющая собой целостную структурную платформу основных способов ее организации: частного (индивидуализированного); смешанного (корпоративного); общего (коллективного), – впрямую влияет на формирование этого режима (способа) жизнедеятельности государства (см., напр.: [18]).

Социальная конкуренция как режим (способ) жизнедеятельности государства в процессе цивилизационного строительства искусственной (разумной) среды обитания выступила своеобразным механизмом разграничения собственности на ее основные способы организации по целевому критерию осуществления ими соответствующих социальных функций, реализация которых создает условия для консолидации действия данного режима. Дело в том, что социальная конкуренция, если провести параллель с медицинским снабжением, в определенной пропорции конструирует социальный позитив, а в другой – социальный негатив.

Социальная конкуренция, предопределяя дифференциацию основных способов организации собственности, обусловила их расщепление по разности потенциала существования в каждом из них себя самой.

Например, высший потенциал существования социальной конкуренции предполагает действие частного (индивидуализированного) способа организации собственности, в котором аккумулируется производство и воспроизводство неопределенной массы социальных противоречий. Если оставить в цивилизации один способ организации собственности – частный (индивидуализированный), то он, образно говоря, ее разорвет, поскольку будет не в состоянии обеспечить баланс внутри социальной конкуренции как режима (способа) жизнедеятельности государства.

Иными словами, частному (индивидуализированному) способу организации собственности, чтобы обеспечить сбалансированность действий данного режима, необходимо существование его противоположности – общего (коллективного) способа организации собственности, действие которого будет целенаправленно на всемерное ограничение и нивелирование социальной конкуренции. Это допускает на одном полюсе посредством частного (индивидуализированного) способа организации собственности генерировать наивысший потенциал социальной конкуренции, а на другом – при помощи

общего (коллективного) способа ее всемерно ограничивать и нивелировать, что не исключает их достаточности при реализации соответствующих социальных функций – функции социального развития и функции социального обеспечения.

Появление смешанного (корпоративного) способа организации собственности в решающей степени было обусловлено стремлением общества сформировать определенную гарантию существования сбалансированности режима социальной конкуренции, придав ему структурированное качество, достаточное для генерации функции социального компромисса (конвергенции).

Конкуренция как способ осуществления искусственной (разумной) жизнедеятельности государства посредством расщепления собственности на основные способы ее организации: частный (индивидуализированный); смешанный (корпоративный); общий (коллективный) – создает потенциальный режим для обеспечения пропорциональной достаточности соответствующих социальных функций (социального развития, социального компромисса (конвергенции), социального обеспечения). Это позволяет успешно реализовать как основополагающую цель существования государства – собственность, так и сбалансировать определенную пропорциональность осуществления указанных социальных функций. Тем самым конкуренция как способ жизнедеятельности государства обеспечивается возможность поиска режима оптимального существования.

Конкуренция как определенный камертон в руках государства помогает ему конструировать параметры допустимого расщепления существования основных способов организации собственности в зависимости от того, какая из социальных функций в условиях реального времени приобретает стратегическое значение по сравнению с иными.

Если государству жизненно необходимо определить в качестве стратегической прерогативы своего существования всемерную реализацию функции социального развития, то оно, создав режим для наибольшего благоприятствования частного (индивидуализированного) способа организации собственности, открывает своеобразный клапан для соответствующего стимулирования социальной конкуренции в допустимом законом параметре.

Если же государство при наступлении массовых бедствий, катастроф, пандемий, войн и др. использует собственность в качестве мощнейшего мобилизационного ресурса, позволяющего преодолеть указанные социальные невзгоды, то оно создает режим

наибольшего благоприятствования для общего (коллективного) способа организации собственности с его функцией социального обеспечения, законом ограничивая и нивелируя существование социальной конкуренции в определенных параметрах.

Если же государству в качестве стратегической прерогативы необходимо одновременно создать условия как для социального развития, так и для социального обеспечения, то оно создает режим наибольшего благоприятствования для смешанного (корпоративного) способа организации собственности с его функцией социального компромисса (конвергенции), стимулирующего возникновение баланса пропорциональной достаточности между вышеуказанными социальными функциями посредством ограничения высоко- и низкополюсного состояния существования социальной конкуренции, в то же время достаточного для его (государства) устойчивого развития и социальной стабильности.

Как уже отмечалось, ликвидация любого способа организации собственности с его социальной функцией ведет к разрушению режима конкуренции в качестве сбалансированного способа жизнедеятельности государства в обеспечении устойчивого развития и социальной стабильности. Несмотря на то, что социальная конкуренция своим режимом существования создает потенциальную возможность для расщепления собственности на основные способы ее организации и предполагает пропорциональную достаточность взаимодействия их социальных функций, она (конкуренция) всё равно вторична по отношению к собственности как основополагающей цели государства.

Только собственность как источник удовлетворения материальных и иных потребностей и интересов человека и гражданина порождает существование социальной конкуренции, и в этом проявляется ее социальный приоритет. Нарушение этой социальной доминанции неизбежно ведет к разрушению собственности как целостного структурного явления, а социальной конкуренции – как соответствующего режима (способа) жизнедеятельности государства, что предопределяет наступление его деградации.

Собственность и конкуренция, в общем-то, представляют собой неразрывный целостный круг существования человеческой цивилизации; вместе с тем первое – это источник удовлетворения материальных и иных потребностей человека и гражданина, а второе – это своеобразный цивилизационный локомотив в обеспечении данного удовлетворения.

Обратно пропорциональная цивилизационная зависимость между собственностью и социальной конкуренцией особенно ярко демонстрируется в процессе достижения первой монопольного состояния. На практике эта зависимость рельефно проявляется в следующем: чем выше уровень монополизации собственности, тем ниже уровень существования социальной конкуренции; чем выше уровень социальной конкуренции, тем ниже потенция возможности существования монополизации собственности. Это общее правило. Специальное же правило состоит в том, что каждый способ организации собственности: частный (индивидуализированный); смешанный (корпоративный); общий (коллективный) – генерирует свой потенциал и уровень существования социальной конкуренции. От высшего – частного способа – до низшего – общего, где социальная конкуренция целенаправленно ограничивается и нивелируется.

В процессе монополизации основных способов организации собственности происходит трансформация соответствующих социальных функций, каждая из которых начинает приобретать отрицательное значение. Любая монополия, входящая в состояние ренты, начинает прежде всего разрушать естественный механизм генетического преобразования социального противоречия в конкуренцию как определенную искусственную (разумную) среду обитания человека.

В итоге монополизация собственности – основополагающей цели существования государства – разрушает целостность единой структурной платформы основных способов ее организации, и, соответственно, происходит дегенерация каждой социальной функции. Функция социального развития начинает приобретать значение противоположения этому развитию. Функция социального компромисса (конвергенции) теряет качество своего существования. Функция социального обеспечения, в силу деградации функций социального развития и компромисса, в принципе начинает терять способность осуществлять свое объективно заданное целевое назначение. При этом процесс монополизации собственности в любом из основных способов ее организации начинает разрушать прежде всего режим социальной конкуренции как способ жизнедеятельности государства.

Главное здесь заключается в том, что в процессе монополизации собственности начинает разрушаться естественный интерес человека. Монопо-

лизация уничтожает режим социальной конкуренции, таким образом отчуждая человека от собственности как источника удовлетворения его материальных и иных личных потребностей. В результате собственность в качестве основополагающей цели существования государства и основного источника удовлетворения материальных и иных личных потребностей начинает терять для человека значение и смысл своего существования.

Монополизация собственности, самым естественным образом разрушая режим социальной конкуренции в качестве способа жизнедеятельности государства, продуцирует метаморфозу, т. е. коренное изменение его социальной природы. Монополия как катализатор начинает стимулировать отчуждение человека от собственности, отчуждение человека от труда, отчуждение человека от власти. Дальнейшее же разрушение режима социальной конкуренции в качестве способа жизнедеятельности государства посредством его ограничения и нивелирования постепенно превращает человечество в стандартизированное объединение социобиороботов (см.: [19]).

5. Заключение

Социальная конкуренция при данном подходе обеспечивала для социума решение следующих стратегических проблем:

1. Контролировать и регламентировать деятельность государства как искусственной (разумной) достаточности, а значит, определять конфигурацию существующей структурной организации власти.

2. Координировать деятельность государства как искусственной (разумной) достаточности при определении соответствующих пропорций в реализации той или иной социальной функции.

3. Формулировать для государства как искусственной (разумной) достаточности параметр восприятия его деятельности посредством реализации политики социальной справедливости.

4. Преодолевать состояние «войны всех против всех» в человеческой цивилизации посредством государства как института искусственной (разумной) достаточности (подробнее см.: [20; 21]).

Следовательно, уход государства от социальной конкуренции как базового правового режима (способа) его жизнедеятельности обуславливает наступление следующих негативных последствий для существования вышеуказанных социальных институтов:

1. Разрушается собственность как целостная структурная платформа основных способов ее организации, поскольку господство в качестве базового правового режима (способа) жизнедеятельности неотвратимо создает положение дисфункции как между основными способами ее организации, так и их соответствующими социальными функциями. Собственность в качестве основополагающей цели существования государства теряет целевое назначение и социальный смысл.

2. Разрушается государство как институт искусственной разумной достаточности в лице соответствующей структурной организации власти, которая посредством сформировавшейся бюрократической олигархии превращает его в цель существования корпоративной диктатуры.

3. Разрушение социальной конкуренции, т. е. ее ограничение и нивелирование посредством конституирования господства в качестве базового правового режима (способа) жизнедеятельности государства, одновременно разрушает собственность как его основополагающую цель существования и само государство как институт искусственной разумной достаточности.

Всё это предопределяет неотвратимость наступления социальной деградации для данной государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1977. – Т. 3 : Философия духа. – 470 с.
2. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс // Гоббс Т. Избр. произведения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1964. – Т. 2. – С. 3–590.
3. Локк Д. Два трактата о правлении / Д. Локк // Локк Д. Соч. : в 3 т. / Д. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 35–406.
4. Монтескьё Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескьё. – М. : Мысль, 1999. – 674 с.
5. Милль Дж. С. Основы политической экономии : в 3 т. / Дж. Милль. – М. : Прогресс, 1981. – Т. III. – 450 с.

6. Зомбарт В. Война и капитализм / В. Зомбарт // Зомбарт В. Собр. соч. : в 3 т. / В. Зомбарт. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – Т. 3 : Исследования по истории развития современного капитализма. – С. 237–476.
7. Шумпетер И. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / И. Шумпетер. – М. : Эксмо, 2007. – 861 с.
8. Хайек Ф. А. Смысл конкуренции / Ф. А. Хайек // Современная конкуренция. – 2009. – № 3 (15). – С. 18–27.
9. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. А. Хайек. – М. : Новости : Catallaxy, 1992. – 304 с.
10. Хайек Ф. А. Общество свободных / Ф. А. Хайек. – Лондон : Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. – 309 с.
11. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М. : Юристъ, 2001. – 1270 с.
12. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т / пред. редкол. С. А. Балашенко. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. – Т. 2 : К–О. – 584 с.
13. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 703 с.
14. Марченко М. Н. Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственно-правовых систем в XXI веке / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2019. – 296 с.
15. Бутаков А. В. К исследованию новейшей истории российской государственности: Собственность и государство. Всеобщее и единичное / А. В. Бутаков. – Омск, 2018. – 414 с.
16. Иеринг Р. Борьба за право / Р. Иеринг // Иеринг Р. Избр. тр. : в 2 т. / Р. Иеринг. – СПб. : Юридический центр – Пресс, 2006. – Т. 1. – С. 13–86.
17. Иеринг Р. Цель в праве / Р. Иеринг // Иеринг Р. Избр. тр. : в 2 т. / Р. Иеринг. – СПб. : Юридический центр – Пресс, 2006. – Т. 1. – С. 87–436.
18. Энгельс Ф. Коммунисты и Карл Гейнцен / Ф. Энгельс // Маркс К. Соч. : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 4. – С. 268–285.
19. Яницкий О. Н. Глобализация и гибридикация: к новому социальному порядку / О. Н. Яницкий // Социологические исследования. – 2019. – № 8. – С. 8–18.
20. Власенко Н. А. Современное российское государство : очерки / Н. А. Власенко. – М. : Норма, 2022. – 152 с.
21. Бабурин С. Н. Интеграционный конституционализм / С. Н. Бабурин. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 264 с.

REFERENCES

1. Hegel G.W.F. *Encyclopedia of the Philosophical Sciences*, in 3 volumes. Moscow, Mysl' Publ., 1977. Vol. 3: Philosophy of spirit. 470 p. (In Russ.).
2. Hobbes T. *Leviathan*, in: Hobbes T. *Selected works*, in 2 volumes. Moscow, Mysl' Publ., 1964, vol. 2, pp. 3–590. (In Russ.).
3. Locke J. *Two treatises on government*, in: Locke J. *Works*, in 3 volumes, Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 3, pp. 135–406. (In Russ.).
4. Montesquieu Ch.L. *About the spirit of laws*. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 674 p. (In Russ.)
5. Mill J.S. *Fundamentals of Political Economy*, in 3 volumes. Moscow, Progress Publ., 1981. Vol. 3. 450 p. (In Russ.).
6. Sombart W. *War and capitalism*, in: Zombart V. *Collected works*, in 3 volumes. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2008, vol. 3: Research on the history of the development of modern capitalism, pp. 237–476. (In Russ.).
7. Schumpeter J. *Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy*. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 861 p. (In Russ.).
8. Hayek F.A. The meaning of competition. *Sovremennaya konkurenciya*, 2009, no. 3, pp. 18–27. (In Russ.).
9. Hayek F.A. *Pernicious arrogance. The mistakes of socialism*. Moscow, Novosti Publ., Catallaxy Publ., 1992. 304 p. (In Russ.).
10. Hayek F.A. *The Political Order of a Free People*. London, Overseas Publications Interchange Ltd Publ., 1990. 309 p. (In Russ.).

11. Topornin B.N. (ed.). *Legal encyclopedia*. Moscow, Yurist Publ., 2001. 1270 p. (In Russ.).
12. Balashenko S.A. (ed.). *Belorussian legal encyclopedia*, in 4 volumes. Minsk, State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University Publ., 2009. Vol. 2. 584 p. (In Russ.).
13. Sukharev A.Ya., Krutskikh V.E. (ed.). *Big legal dictionary*, 2nd ed. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. 703 p. (In Russ.).
14. Marchenko M.N. *Globalization and the Main Trends in the Development of National and Supranational State Legal Systems in the XXI Century*. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 296 p. (In Russ.).
15. Butakov A.V. *To the study of the recent history of Russian statehood: Property and the state. Universal and singular*. Omsk, 2018. 414 p. (In Russ.).
16. Jhering R. *Fight for the right*, in: Jhering R. *Selected works*, in 2 volumes, St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr – Press Publ., 2006, vol. 1, pp. 13–86. (In Russ.).
17. Jhering R. *Purpose in law*, in: Jhering R. *Selected works*, in 2 volumes, St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr – Press Publ., 2006, vol. 1, pp. 87–436. (In Russ.).
18. Engels F. *The Communists and Karl Heinzen*, in: Marx K., Engels. F. *Works*, in 50 volumes, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, vol. 4, pp. 268–285. (In Russ.).
19. Yanitskii O.N. Globalization and hybridization: towards a new social order. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2019, no. 8, pp. 8–18. (In Russ.).
20. Vlasenko N.A. *The modern Russian state*, Essays. Moscow, Norma Publ., 2022. 152 p. (In Russ.).
21. Baburin S.N. *Integration constitutionalism*. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 264 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бутаков Александр Владимирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: anvikulowa@yandex.kz
SPIN-код РИНЦ: 9843-0789; AuthorID: 683256

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander V. Butakov – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation; Professor, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: anvikulowa@yandex.kz
RSCI SPIN-code: 9843-0789; AuthorID: 683256

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бутаков А.В. От социального противоречия к социальной конкуренции – базовому правовому режиму (способу) жизнедеятельности государства (Часть II) / А.В. Бутаков // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/1514.2023.7(4).5-14.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Butakov A.V. From social contradiction to social competition as the basic legal regime (mode) of statehood (Part II). *Pravoprimeniye = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 5–14. DOI: 10.52468/1514.2023.7(4).5-14. (In Russ.).

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ И ПОЛОЖЕНИЕ «СУДЬЯ ПОДЧИНЯЕТСЯ ЗАКОНУ» В КОНТЕКСТЕ ДОКТРИНЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА CONTRA LEGEM

А.С. Гамбарян^{1,2}

¹ *Российско-Армянский (Славянский) университет, г. Ереван, Армения*

² *Академия государственного управления Республики Армения, г. Ереван, Армения*

Информация о статье

Дата поступления –

10 июля 2023 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Принцип права, максима права, *contra legem*, законность, «судья действует в соответствии с законом», «судья подчиняется закону», «*pererat mundus et, fiat justitia*»

Рассматривается соотношение доктрины развития права *contra legem* и принципа законности, положения «судья подчиняется закону». Анализируя принцип законности с точки зрения максимы «пусть гибнет мир, но торжествует закон», автор приходит к выводу, что неукоснительное выполнение требований закона (законность) – не цель, а средство. Если неукоснительное соблюдение принципа законности может иметь для общества губительное значение, то из принципа законности нужно сделать исключение и заявить: «пусть закон проигрывает, но мир не погибнет».

Все принципы права, включая принцип законности, имеют исключения. Единственным допустимым исключением из принципа законности и положения «судья подчиняется закону» является доктрина развития права *contra legem*.

Постсоветский судья, основываясь на доктрине развития права *contra legem*, может оценить вопиющую нелогичность или несправедливость законодательного регулирования по формуле «четырнадцатилетнего ребенка», стандарты которого настолько низки, что избавят судью от возможной «агрессии» политической власти.

THE PRINCIPLE OF LEGALITY AND THE PROVISION “THE JUDGE IS SUBJECT TO THE LAW” IN THE CONTEXT OF THE DOCTRINE OF THE DEVELOPMENT OF LAW CONTRA LEGEM

Artur S. Ghambaryan^{1,2}

¹ *Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia*

² *Public Administration Academy of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia*

Article info

Received –

2023 July 10

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Principle of law, maxim of law, *contra legem*, legality, “judge acts according to law”, “judge obeys the law”, “*pererat mundus et, fiat justitia*”

The research subject. This study focuses on the correlation between the doctrine of development of law *contra legem* and the principle of legality, with a specific emphasis on the position that “judge submits to the law”.

The purpose of the research. The objective of this research is to examine the compatibility of the doctrine of development of law *contra legem* with the principle of legality and evaluate the applicability of the “fourteen-year-old child” formula in assessing legislative regulations.

Methodology. This research utilizes a legal analysis and conceptual examination of the doctrine of development of law *contra legem* and the principle of legality. It also involves a comparative analysis of legal principles within the post-Soviet context.

Main results of the research. The analysis reveals that strict adherence to the principle of legality may not always align with societal interests. The doctrine of development of law *contra legem* provides an exception to the principle, allowing judges to evaluate and challenge the illogicality or unfairness of legislative regulations. The “fourteen-year-old child” formula, with its low standards for determining such flaws, safeguards judicial independence and shields judges from potential political pressures.

Scope of application. The findings of this research can be applied within the legal framework, particularly in post-Soviet jurisdictions, where the interplay between the principle of legality and the doctrine of development of law *contra legem* is of significant relevance.

Conclusion. The strict fulfillment of the requirements of the law (legality) is not a goal, but a means of ensuring the certainty and stability of the rule of law, the harmonization of public life. Based on the doctrine of the development of law *contra legem*, the communication of the post-Soviet judge and legislator should be viewed from the perspective of a three-layered relationship of “subordination – cooperation – opposition”.

1. Введение

1.1. Общие положения

В контексте доктрины развития права *contra legem*, при обсуждении принципа законности и положения «судья подчиняется закону», будет использоваться формулировка «судья постсоветского государства (постсоветский судья)», подразумевающая судей тех постсоветских государств, в политической системе которых всё еще сохраняются строгие этактические и легистские подходы к праву.

В данной статье не рассматривается институциональная система применения доктрины развития права вопреки закону, поэтому из общей формулировки «постсоветский судья» не следует делать вывод, что адресатами этой доктрины являются судьи всех инстанций (это вопрос отдельного обсуждения).

1.2. Принцип законности и положение «судья действует в соответствии с законом» в Конституции Республики Армения

В Конституции Республики Армения (в ред. 2015 г.) закреплены принципы как законности, так и независимости судьи. Так, ч. 1 ст. 6 Конституции Республики Армения гласит: «Государственные органы, органы местного самоуправления и должностные лица правомочны выполнять только те действия, на которые они уполномочены Конституцией или законами» (принцип законности). Это положение касается всех государственных органов, а по части судей в Конституции Республики Армения несколько раз отмечается, что судьи независимы и действуют в соответствии с законами. Так, в ч. 1 ст. 162 Конституции Республики Армения установлено: «В Республике Армения правосудие осуществляют только суды – **в соответствии с Конституцией и законами**», – а в ч. 1 ст. 164 вновь отмечается: «судья при осуществлении правосудия независим, беспристрастен и действует только **в соответствии с Конституцией и законами**».

В ст. 6 Судебного кодекса Республики Армения отмечается, что правосудие осуществляется **в соответствии с Конституцией и законами**, а в ч. 2 ст. 7 под заголовком «Независимость судов» вновь отмечается, что суд рассматривает и решает дело или вопрос **в соответствии с Конституцией и законом**.

Чем обусловлено то, что государство (политическая власть) в отношении самих судей несколько раз подчеркивает, что они действуют в соответствии с законом? Политическая власть даже в статьях, касающихся принципа независимости судьи, последо-

вательно напоминает, что судья, будучи независимым, зависит от закона, что фактически означает зависимость от воли самой политической власти (закон, тем не менее, является формой фиксации воли политической власти). Между тем для других государственных органов было сочтено достаточным один раз заявить, что они уполномочены совершать только те действия, на которые они уполномочены Конституцией или законами.

Многочисленное использование формулировки «судья действует в соответствии с законом» в текстах законов свидетельствует о том, что политическая власть в завуалированной форме, посредством формулировки «судья зависит только от закона», пытается подтолкнуть судью к инертности, чтобы он не был способен противопоставиться вопиющей (доходящей до безумия или изуверства) нелогичности или несправедливости политической власти, чтобы судья считал это делом выше своих полномочий, чтобы судье никогда не приходило в голову, что он может рассмотреть вопрос о соответствии регулирования закона, принятого органом, наделенным первичным мандатом, принципам права, в том числе правовым аксиомам, максимам, а в случае выявления вопиющих несоответствий между ними – никогда не осмелился бы действовать вопреки конкретному положению закона.

При этом политической власти удалось сформировать у постсоветского судьи такое мышление, согласно которому в случае противопоставления положению закона, находящемуся в вопиющем противоречии с принципами права, судья совершит непростительный «грех» – поставит себя против народа и избранной им власти.

Всё это свидетельствует о том, что политическая власть любой ценой пытается оторвать судью от своей естественной и онтологической основы – права (принципов права, правовых аксиом, максимумов¹).

1.3. «Пусть гибнет мир, но торжествует закон» или «Пусть закон проиграет, но мир не погибнет»

Формалистическая строгость соблюдения законности (ригоризм) ярко проявляется в имеющей многовековую историю правовой максиме *Pereat mundus et, fiat justitia* («Пусть гибнет мир, но торжествует закон»), суть которой в том, что требования позитивного права (закона) должны неукоснительно выполняться, независимо от того, какие последствия

¹ Незначительные различия между этими понятиями в данной работе неважны.

на практике повлечет выполнение требований закона для общества и государства.

Хотя эта правовая сентенция в основном читается и толкуется в смысле закона (позитивного права), однако в латинском тексте этой формулировки говорится не о *lex*, а о *justi*. Однако, если прочесть эту максиму именно в смысле *justi* (справедливость, правосудие, право), то она лишится смысла по той причине, что право (справедливость) не может предъявлять требования, выполнение которых «погубит мир».

Эта правовая максима имеет практическое значение, когда речь идет о законе (позитивном праве). Опасность «разрушения мира» может возникнуть только в случае проявления ригоризма в вопросе соблюдения установленного государством закона (позитивного права), когда закон сам по себе считается не средством, а целью. Не случайно в трактовках этой правовой максимы она преимущественно представлена в контексте неукоснительного выполнения требований закона (позитивного права).

Неуклонное выполнение требований закона (законность) – не *цель*, а *средство* обеспечения определенности и стабильности правопорядка, гармонизации общественной жизни. Об этом говорили многие. Так, Г.В.Ф. Гегель отмечал: «Благо при отсутствии права не есть добро. Точно так же право не есть добро при отсутствии блага: *fiat justitia* (да творится правосудие) не должно иметь своим последствием *pereat mundus* (да погибнет свет)» [1, с. 111].

Эту мысль Г.В.Ф. Гегеля позднее более полно изложил немецкий ученый Р. Иеринг. Он отметил, что возможны необычные ситуации, когда государство стоит перед дилеммой: принести в жертву закон или благо общества? Он критикует максиму «Пусть гибнет мир, но торжествует закон», потому что выходит, будто бы мир существует ради закона, между тем в действительности, наоборот, закон существует ради мира. Если бы закон и мир находились в противоречии, то правило должно было бы гласить: *pereat justitia, vivat mundus* («Закон гибнет, мир живет») [2, с. 308].

Р. Иеринг задается вопросом, должно ли государство во всех случаях и без каких-либо исключений соблюдать действующий закон, затем на свой вопрос отвечает: «Я не стесняюсь ответить вполне отрицательно» [2].

Таким образом, человеческий ум со временем переформулировал максиму «Пусть гибнет мир, но торжествует закон» и перешел к максиме «Пусть закон торжествует для того, чтобы мир не погиб».

А что делать в тех случаях, когда в результате выполнения формального требования закона «мир может гибнуть»? Ответ ясен: ни одно формальное требование закона не должно соблюдаться, если вследствие этого государственная и общественная система могут быть «разрушены». Подход к законности должен быть пересмотрен, когда ее сохранение не только не служит своей цели, но и может иметь разрушительное значение для общества.

2. Принцип законности и допустимое исключение из него

2.1. Общие положения

В разных правовых системах подходы к содержанию законности могут различаться. Например, в зависимости от содержания понятия «закон» в правовой системе понимание законности может быть разным. Во всех случаях суть законности в том, что адресаты принятых государством нормативных правовых актов должны **неукоснительно** выполнять требования, установленные этими актами.

История права свидетельствует о том, что принцип законности ценился государством не во всех ситуациях. Речь идет не о нарушении государственных органами отдельных требований закона, а о тех случаях, когда государство, например в революционных ситуациях, в своих же официальных документах давало возможность государственным органам действовать вопреки законодательным предписаниям. Например, после Октябрьской революции, при становлении советской власти или при распаде Советского Союза государство официальными документами разрешало соответствующим государственным органам и должностным лицам в определенных ситуациях нарушить закон.

2.2. Исключение из принципа законности

2.2.1. Принципы права и исключения из него

Вопрос об исключениях из принципов права всесторонне обсуждался в постсоветский период [3, с. 139]. То, что принципы права могут иметь исключения, признают многие [4–6], однако споры ведутся вокруг вопроса о том, у всех ли принципов есть исключения. В частности, спорящим сторонам интересен вопрос о том, может ли принцип законности иметь исключения или это просто нарушение закона.

М.Л. Давыдова является сторонником того подхода, что правовые исключения не являются обязательным или существенным признаком всех принципов права, некоторые принципы права могут иметь исключения, которые, по сути, правомерно опровергают этот принцип, а также могут не иметь таких исключений [7].

С точки зрения данной статьи интересно то, что автор в качестве примера принципа, не предусматривающего исключения, приводит следующее уголовно-процессуальное положение: «При осуществлении правосудия по уголовным делам судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону» (ч. 1 ст. 8.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ). На самом деле указанный принцип сам по себе (*per se*) предусматривает исключение. Формулировка «суд независим и подчиняется...» уже содержит исключение: с одной стороны, говорится, что судьи независимы, с другой стороны, в качестве исключения из идеи независимости предусматривается, что они подчиняются закону.

В отличие от М.Л. Давыдовой, С.Ю. Суменков считает, что все принципы права имеют исключения, при этом соотношение принципов и исключений он рассматривает в диалектическом единстве [8, с. 26].

Принципы права не могут не иметь исключений, в противном случае будет заблокирована возможность дифференцированного регулирования общественных отношений.

2.2.2. Неудачные попытки установить исключение из принципа законности

Если исключения присущи всем принципам права, то возникает вопрос: что является исключением из принципа законности? На первый взгляд, кажется, что утверждение об исключении из принципа законности – это, по сути, суждение о допущении нарушения закона.

Даже теоретикам, которые считают, что все принципы права имеют исключения, не удалось четко и понятно показать, какие исключения из принципа законности в конечном счете возможны. Так, Р.Х. Якупов лишь отмечает, что целесообразность, т. е. предоставленная законом свобода выбора государственных органов, является составной частью принципа законности [9, с. 62]. Считает ли автор целесообразность исключением из принципа законности? Положительно ответить на этот вопрос невозможно, так как в цитируемой работе он не выразил позицию по данному вопросу с достаточной ясностью.

С.Ю. Суменков отмечает: «Исключения из принципа законности вероятны, но они априори имеют противоправный характер, поэтому даже в терминологическом плане они обозначаются не как исключения, а как правонарушения. <...> Вместе с тем проблема соотношения принципа законности и исключений имеет более сложный характер, чем просто констатация факта правонарушения» [8, с. 25].

Этот автор, внесший большой вклад в изучение правовых исключений, не смог ответить на вопрос о том, какое исключение возможно из принципа законности. С одной стороны, он упоминает о правонарушении, с другой стороны, отрицает, что нарушение может быть правовым исключением.

Другой российский автор справедливо рассматривает принцип законности и исключения из него с аксиологической точки зрения и задается вопросом, какие ценности лежат в основе требования соблюдения законов. Он отмечает: «...Однако, если бы закон действительно обладал абсолютной самоценностью, то и его обязательность была бы безусловной и принцип законности не знал никаких исключений. Вместе с тем, например, российская правовая система предусматривает целый веер случаев, когда закон может вполне легально не исполняться» [10, с. 105–106].

Если попытаться показать концептуальный подход к вопросу об исключении из принципа законности, то можно отметить, что единственным допустимым исключением из принципа законности является учение о действиях вопреки закону в условиях вопиющего несоответствия между принципами права (аксиомами, максимами) и конкретным регулированием права – доктрина развития права *contra legem* [11, с. 223; 12–18].

2.3.3. Доктрина развития права *contra legem* как допустимое исключение из принципа законности

В условиях легистского правопонимания принцип законности и доктрина развития права вопреки закону находятся в недопустимом противоречии, т. е. отклонение от принципа законности квалифицируется не развитием права, а простым нарушением закона. Между тем при широком правопонимании соотношение принципа законности и доктрины развития права *contra legem* можно рассматривать с точки зрения «принципа-исключения», получившего доктринальное признание.

Исключение из принципа законности (доктрина развития права *contra legem*) следует отличать от воспротивления конкретному положению закона, на основе доктрины развития права *contra legem*. Последнее нельзя квалифицировать как исключение из конкретной нормы. Исключением из принципа законности является доктрина развития права *contra legem*, на основе которой суд воспротивился регулированию конкретной нормы права. Предположим, что в какой-либо правовой системе доктрина развития права вопреки закону, как исключение из принципа законности, получила общее признание. Если

положение X какого-либо закона в этой системе вопиюще нелогично или несправедливо, то судья, основываясь на доктрине развития права *contra legem* (допустимое исключение из принципа законности), противопоставляется положению X закона и действует на основе принципа права (выводит из этого принципа другое правило). В этом случае судья не делает исключения из положения X закона, а действует вопреки ему.

А постсоветский судья психологически готов прямо указать в судебном акте, что он противопоставляется тому или иному положению закона? Заранее отметим, что ответ отрицательный.

3. Постсоветский судья – возможный адресат доктрины развития права *contra legem*

3.1. Общие положения

Постсоветский судья всячески будет избегать указания в судебных актах того, что он развивает право вопреки положению закона. Он будет использовать различные формулировки и уловки, чтобы скрыть реальное явление, например, заявит, что раскрывает действительную волю законодателя через толкование или напишет об исключении из закона, хотя такое исключение не предусмотрено законом, но никогда не будет говорить о реальности. Постсоветский судья хоть и осознаёт, что развивает право вопреки положению закона, но никогда прямо об этом не упомянет. Таково юридическое мышление постсоветского судьи, таково постсоветское юридическое образование.

Подобный психологический подход, разумеется, с более мягкими и умеренными проявлениями, характерен и для судов романо-германской системы, когда они осуществляют деятельность *extra legem* и *contra legem*, прикрываемую различными лицемерными формулировками. В свое время это обстоятельство лучше всего описал С.И. Раевич [19, с. 73].

Судья имеет два пути юридического оправдания поведения, противоречащего требованиям закона: закрепление в правоприменительном акте не предусмотренного законом «разумного исключения» или обращение к доктрине развития права вопреки закону (*contra legem*). Способ юридического обоснования «разумное исключение», на первый взгляд, кажется более лояльным (корректным) в политическом плане, поскольку постсоветский судья, сугубо в плане словопользования, не выступает открыто против законодательной (политической) власти, наделенной первичным мандатом. На самом деле вывод «разумных исключений», не предусмотренных в тексте закона, обусловлен не столько со-

хранением политической лояльности, сколько желанием держаться на безопасном расстоянии от политической власти. Подобные доводы судов можно понять, но принять их нельзя, поскольку это всего лишь средство сокрытия реальности или способ избежать позитивной ответственности.

Наиболее приемлемым способом обоснования позиции судьи, противоречащей положению закона, является доктрина развития права *contra legem*, когда судья, основываясь на принципах права, действует правомерно, а в судебном акте о действии вопреки закону пишет прямо, т. е. действует наиболее честно и открыто.

Если постсоветский судья всё же решит по конкретному делу обсудить вопрос применения / неприменения доктрины развития права *contra legem*, то он должен выяснить для себя также суть конституционной нормы «судья действует в соответствии с законом».

3.2. Общественное постсоветского судьи с законодателем: подчинение – сотрудничество – противопоставление

Критики доктрины концепции судейского права отмечают, что она пытается устранить принцип «судья подчиняется закону» [20, с. 112]. Доктрина развития права *contra legem* не пытается отменить принцип «судья подчиняется закону», а пытается интерпретировать его в свете правила «принцип-исключение».

Как уже отмечалось, в Конституции Республики Армения несколько раз отмечается, что судья (суд) осуществляет правосудие в соответствии с законом (ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 164). Эти конституционные положения, в свете доктрины развития права *contra legem*, следует читать следующим образом:

1) судья *подчиняется* законодателю, если его воля, сформулированная законом, достаточно правильна (соответствует принципам права, минимальной логике и справедливости);

2) судья *сотрудничает* с законодателем, если его воля выражена в оценочных правовых понятиях или он допустил законодательный пробел (по правилам толкования или на основе аналогии он выявляет волю законодателя);

3) судья *противопоставляется* законодателю, если его воля, сформулированная законом, вопиюще (доходя до безумия или изуверства) нелогична или несправедлива – в случае такого противопоставления судья развивает право вопреки закону (доктрина развития права *contra legem*), т. е. из общего конституционного правила делается исключение.

Даже постсоветский судья не должен *подчиняться* вопиющей нелогичности и несправедливости политической власти или *сотрудничать* с такой нелогичностью и несправедливостью. Судья, в силу своей природы, просто не может считаться продолжателем аменции (безумия) или изуверства политической власти. Судья потеряет свою сущность и превратится в безумца или изувера (бешеного), если он безоговорочно подчинится безумию политической власти или будет сотрудничать с изуверством политической власти.

Правда, судья является частью механизма государства и подчиняется общим закономерностям этого тела, однако судья, в силу своей сущности, должен «отделиться» от превратившегося в монстра тела «Левиафана». Это не что иное, как «отделение ради спасения». Суд утратит свою естественную сущность – сущность того, кто действует на основе здравого смысла или минимальной справедливости, если по конкретному случаю не отделится от тела «Левиафана», превратившегося в безумца или изувера.

Отделение судьи от тела «Левиафана», т. е. действие судьи вопреки конкретному положению принятого «Левиафаном» закона, легитимируется именно принципами права, концентрированно отражающими аксиологическую сторону правосудия. Правы те, кто утверждает, что «справедливость должна быть смыслообразующим ядром всего законодательного обеспечения механизма правосудия» [21, с. 47].

Учитывая особенности развития судебного права в советских и постсоветских государствах, нельзя обойти стороной вопрос, имеющий экзистенциальное значение для личности и семьи судьи, отделившихся от тела «Левиафана». Редкая активность постсоветского судьи, как правило, вызывала и вызывает гнев и грубую реакцию политической власти, что может поставить судью перед экзистенциальным выбором: придерживаться принципов права вопреки регулированию закона или выступить против принципов права, сохраняя вопиюще противоправный закон и обеспечивая безопасность собственную и своей семьи (в том числе финансовую, основанную на заработной плате судьи).

Чтобы смягчить эту ситуацию, нужно понять, на основании какой формулы постсоветский судья должен решить, когда он может противостоять (противопоставляться) политической власти (сформулированной законом политической воле) и развивать право вопреки закону, чтобы это противопоставление не имело судьбоносного значения для него и его

семьи. Критерием определения вопиющей нелогичности и несправедливости закона является формула «четырнадцатилетнего ребенка».

3.3. Формула «четырнадцатилетнего ребенка»

Если у постсоветского судьи хватит смелости развить право против воли политической власти, то ему нужно предложить такую формулу решения вопиющей нелогичности или несправедливости законодательного регулирования, на основе которой принятое им решение смягчит или нейтрализует «гнев» политической власти и вытекающие из этого опасности.

Судья противопоставляется сформулированной законом воле политической власти на основе принципов права. Содержание этих принципов может быть оценено по формуле «разумного человека» (*reasonable person standard*), т. е. считает ли среднестатистический человек регулирование закона вопиюще нелогичным или несправедливым. Однако в тех постсоветских государствах, где всё ещё преобладает этатизм, вопиющая нелогичность или несправедливость регулирования закона, даже по формуле «разумного человека», может привести к трагическим последствиям для судьи, поэтому вынуждены снижать стандарт.

В тех случаях, когда развитие права вопреки закону может вызвать резкое противодействие политической власти, тогда постсоветский судья может оценить нелогичность или вопиющую несправедливость законодательного регулирования по формуле «четырнадцатилетнего ребенка». То есть судья может действовать вопреки предписанию закона, если он уверен, что его решение выражает простую истину, доступную даже ребенку, достигшему четырнадцатилетнего возраста, такую истину, которая получит безоговорочное общественное признание.

Для того чтобы судья по формуле «четырнадцатилетнего ребенка» определил, является ли законодательная норма вопиющей нелогичностью или несправедливостью, он может обсудить этот простой вопрос на основе эмпирической методологии исследования (в не процессуальной форме) с ребенком (детьми), достигшим четырнадцатилетнего возраста. Если решения и подходы ребенка к проблеме также будут противоречить идее, лежащей в основе законодательного регулирования, то судья с уверенностью может квалифицировать данное регулирование как «вопиюще нелогичное или несправедливое» и на основе доктрины развития права вопреки закону противопоставиться воле политической власти.

С точки зрения применения формулы «четырнадцатилетнего ребенка» важны следующие обстоятельства:

1) она не может применять к сложному юридическому вопросу, поскольку в таких случаях вопиющей может быть *сложность* дела, а не *нелогичность* или *несправедливость* законодательной нормы;

2) ее низкий стандарт освобождает постсоветского судью от сложных дебатов по морально-философским обоснованиям законодательных положений – постсоветский судья не проникает (пожалуй, и не может) в морально-философские глубины законодательного регулирования.

Требования формулы «четырнадцатилетнего ребенка» настолько низки, что действующий на ее основе постсоветский судья не подумает, что доктрина развития права вопреки закону возлагает на него чрезмерную ответственность, в то время как он (постсоветский судья) не обладает такими сверхспособностями, как упомянутый Р. Дворкиным «судья-философ Геркулес» [22, с. 450–456]. Кстати, армянские судьи иногда отмечают, что ученые-юристы требуют от них героизма, в то время как они судьи, а не герои.

Требования формулы «четырнадцатилетнего ребенка» настолько низки, что от постсоветского судьи, столкнувшегося с вопиющей нелогичностью или несправедливостью регулирования закона, не требуется ни сверхчеловеческих способностей, ни героизма. Когда судья действует на основе *jus* (принципов права), он осуществляет юстиционную (*justitia*) деятельность, обусловленную его природой: это не сверхчеловеческая способность, не говоря уже о героизме. Да, действовать вопреки вопиюще нелогичному или несправедливому регулированию закона – это смелость. От постсоветского судьи требуется смелость, чтобы он смог противопоставиться политической власти и развить право вопреки закону, но такова суть правосудия (*justitia*), таково требование к профессиональному достоинству судьи.

Судья не совершает героизма, когда противопоставляется политической власти и принятому ею регулированию вопиюще нелогичного или несправедливого закона, когда, например, политическая власть законом запрещает вещателю во время прямого эфира в любом случае транслировать ругатель-

ства, или когда требует от хозяйствующего субъекта платить государственную пошлину за такую деятельность, осуществление которой из-за пандемии та же политическая власть временно запретила, или когда, с одной стороны, требует от субъекта выполнить налоговое обязательство, а с другой – налагает арест на банковские счета и имущество организации, или когда требует от избирательной комиссии хранить бюллетени в сейфе, однако из-за большого количества бюллетеней они физически не уместятся в сейфе, и т. д. Вопиющую нелогичность или несправедливость этих законодательных норм подтвердит даже четырнадцатилетний ребенок.

Предположим, мать четырнадцатилетних детей устанавливает для них общее правило возвращения домой со двора до 20:00 (старое правило), а на следующее утро сообщает, что дети должны вернуться домой со двора до 19:00 (новое правило). В случае противоречия старых и новых правил о возвращении домой, установленных матерью, даже ребенок поймет, что должен руководствоваться новым, более поздним правилом, т. е. должен вернуться домой до 19:00. А как в подобной ситуации поступил армянский судья, как он отнесся к вопиющему (до безумия) нелогичному регулированию законодателя о даче предпочтение старому закону в случае противоречия старого и нового законов? Он просто подчинился и долгое время (с 2002 по 2021 г.) разделял безумие законодателя [23].

Если судья сочтет регулирование закона по формуле «четырнадцатилетнего ребенка» вопиющей нелогичностью или несправедливостью, то наделенной минимальным разумом и нравственностью политической власти не останется ничего другого, как признать вопиющую ошибку своей воли, закрепленную в законодательстве.

4. Выводы

Неукоснительное выполнение требований закона (законность) – не *цель*, а *средство* обеспечения определенности и стабильности правопорядка, гармонизации общественной жизни.

Основываясь на доктрине развития права *contra legem*, общение постсоветского судьи и законодателя следует рассматривать с точки зрения трехслойных отношений «подчинение – сотрудничество – противопоставление».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г. Философия права / Г. Гегель ; пер. Б. Г. Столпнер. – М. : Юрайт, 2023. – 292 с.
2. Иеринг Р. фон. Цель в праве. Т. 1 / Р. фон Иеринг ; пер. В. Р. Лицкого, Н. В. Муравьева, Н. Ф. Дерюжинского ; под ред. В. Р. Лицкого. – СПб. : Н. В. Муравьев, 1881. – II, VIII, 408 с.

3. Якупов Р. Х. Правоприменение в уголовном процессе России. Юридические проблемы / Р. Х. Якупов. – М. : Изд-во МВШМ МВД РФ, 1993. – 195 с.
4. Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ : моногр. / С. Ю. Суменков ; под ред. А. В. Малько. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 372 с.
5. Гамбарян А. С. Внесистемные коллизии и внутрисистемные конфликты принципов права: доктрина, практика, техника / А. С. Гамбарян // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 39–40.
6. Байдаров М. А. Имплементация исключений в принципы законодательства: технико-юридический аспект / М. А. Байдаров // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 551–552.
7. Давыдова М. Л. Правовой принцип как нормативно-правовое предписание: техника закрепления и механизм действия / М. Л. Давыдова // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – М. : РГУП, 2017. – Ч. 1 : Разделы I–IV. – С. 205–216.
8. Суменков С. Ю. Принципы права и исключения в праве: аспекты соотношения / С. Ю. Суменков // Государство и право. – 2009. – № 5. – С. 23–30.
9. Якупов Р. Х. Уголовный процесс : учеб. для вузов / Р. Х. Якупов ; под ред. В. Н. Галузо. – М. : Зерцало, 1998. – 448 с.
10. Принцип законности: современные интерпретации : моногр. / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. А. Малиновского. – М. : Проспект, 2019. – 168 с. – DOI: 10.31085/9785392297214-2019-168.
11. Радбрух Г. Философия права : пер. с нем. / Г. Радбрух. – М. : Международные отношения, 2004. – 240 с.
12. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекси ; пер. с нем. Ф. Кальшойер, А. Лаптев. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.
13. Гамбарян А. С. Развитие права вопреки закону (*contra legem*) в Республике Армения / А. С. Гамбарян // Государство и право. – 2023. – № 5. – С. 145–157. – DOI: 10.31857/S102694520025195-5.
14. Ясинская-Казаченко А. В. Интерпретация юридических фактов в суде при движении трудового спора / А. В. Ясинская-Казаченко // Ежегодник трудового права. – 2023. – Т. 13. – С. 180–194. – DOI: 10.21638/spbu32.2023.112.
15. Аллахвердиев И. Г. Толкование *contra legem*: место в системе видов толкования / И. Г. Аллахвердиев // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 40–48.
16. Демидова И. С. Правовое ограничение государства: эволюция и содержание основных теорий / И. С. Демидова // Российский юридический журнал. – 2009. – № 3 (66). – С. 21–26.
17. Бабурин С. Н. Современное общество между несправедливым законом и справедливым беззаконием / С. Н. Бабурин // Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. А. Сошникова. – М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2016. – С. 19–25.
18. Федотов А. В. Возможно ли применение *contra legem* в демократическом правовом государстве? / А. В. Федотов // Журнал российского права. – 2002. – № 8. – С. 92–99.
19. Раевич С. И. Из вопросов учения о толковании и применении права / С. И. Раевич // Советское право. – 1924. – № 3. – С. 57–78.
20. Туманов В. А. К критике концепции «судейского права» / В. А. Туманов // Советское государство и право. – 1980. – № 3. – С. 111–118.
21. Клеандров М. И. Правосудие и справедливость : моногр. / М. И. Клеандров. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 364 с.
22. Дворкин Р. Империя права / Р. Дворкин ; пер. с англ. С. Моисеева ; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. – 592 с.
23. Гамбарян А. С. Коллизионное правило «*lex posterior*» в армянском праве / А. С. Гамбарян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т. 24, № 4. – С. 1224–1239. – DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-1224-1239.

REFERENCES

1. Hegel G. *The Philosophy of Right*, transl. by B.G. Stolpner. Moscow, Yurait Publ., 2023. 292 p. (In Russ.).
2. Jhering R. von. *Purpose in the right*, transl. by V.R. Litsky, N.V. Murav'ev, N.F. Deryuzhinsky, ed. by V.R. Litsky. St. Petersburg, N.V. Murav'ev Publ., 1881. II + VIII + 408 p. (In Russ.).

3. Yakupov R.Kh. *Law enforcement in the criminal process in Russia. Legal Problems*. Moscow, Moscow Higher School of Militia of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1993. 195 p. (In Russ.).
4. Sumenkov S.Yu. *Exceptions in law: theoretical and instrumental analysis*, Monograph, ed. by A.V. Mal'ko. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 372 p. (In Russ.).
5. Ghambaryan A.S. Extra-systemic conflicts and intra-systemic conflicts principles of law: doctrine, practice, technique. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2020, no. 14, pp. 36–45. (In Russ.).
6. Baydarov M.A. The implementation of exceptions to the principles of law: A technical-legal aspect. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2020, no. 14, pp. 551–552. (In Russ.).
7. Davydova M.L. Legal principle as a normative-legal prescription: technique of fixation and mechanism of action, in: *Printsipy prava: problemy teorii i praktiki*, Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference, in 2 parts, Moscow, Russian State University of Justice Publ., 2017, Pt. 1: Chapter I–IV, pp. 205–216. (In Russ.).
8. Sumenkov S.Yu. Principles of law and legal exceptions: aspects of the relationship. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2009, no. 5, pp. 23–30. (In Russ.).
9. Yakupov R.Kh. *Criminal Procedure*, Textbook for Higher Education Institutions, ed. by V.N. Galuzo. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 448 p. (In Russ.).
10. Belyaev M.A., Denisenko V.V., Malinovskiy A.A. (eds.). *Legality: Modern Interpretations*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 168 p. DOI: 10.31085/9785392297214-2019-168. (In Russ.).
11. Radbruch G. *Philosophy of Law*, transl. from German. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004. 240 p. (In Russ.).
12. Alexy R. *The Concept and Validity of Law (a Response to Legal Positivism)*, transl. from German by F. Kalscheuer, A. Laptev. Moscow, Infotropik Media Publ., 2011. 173 p. (In Russ.).
13. Ghambaryan A. Development of law contrary to the legal acts (contra legem) in the Republic of Armenia. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 5, pp. 145–157. DOI: 10.31857/S102694520025195-5. (In Russ.).
14. Yasinskaya-Kazachenko A.V. Interpretation of legal facts in court in the course of a labour dispute. *Ezhedovnik trudovogo prava = Russian Journal of Labour & Law*, 2023, vol. 13, pp. 180–194. DOI: 10.21638/spbu32.2023.112. (In Russ.).
15. Allahverdiyev I.H. Interpretation of contra legem: place in the system of types of interpretation. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of State and Law*, 2022, no. 4 (29), pp. 48–56.
16. Demidova I.S. Legal limitation of state: evolution and basic theories content. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian judicial journal*, 2009, no. 3 (66), pp. 21–26. (In Russ.).
17. Baburin S.N. Modern Society between an unjust law and just lawlessness, in: Soshnikova T.A. (ed.). *Sotsial'naya spravedlivost' i pravo: problemy teorii i praktiki*, Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, Moscow Humanities University Publ., 2016, pp. 19–25. (In Russ.).
18. Fedotov A.V. Is it possible to applicate «contra legem» in a democratic constitutional state?. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2002, no. 8, pp. 92–99. (In Russ.).
19. Raevich S.I. From questions of the doctrine of the interpretation and application of law. *Sovetskoe pravo*, 1924, no. 3, pp. 51–75. (In Russ.).
20. Tumanov V.A. Toward a Critique of the Concept of «Judicial Law». *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1980, no. 3, pp. 111–118. (In Russ.).
21. Kleandrov M.I. *Justice and equity*, Monograph. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2022. 364 p. (In Russ.).
22. Dvorkin R. *Empire of Law*, transl. from English by S. Moiseev, ed. by S. Koval', A. Pavlov. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2020. 592 p. (In Russ.).
23. Ghambaryan A.S. The conflict rule “lex posterior” in Armenian law. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskije nauki = RUDN Journal of Law*, 2020, vol. 24, no. 4, pp. 1224–1239. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-1224-1239. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гамбарян Артур Суреканович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Армения, ¹заведующий кафедрой теории права и конституционного права, ²профессор
¹ *Российско-Армянский (Славянский) университет*

² *Академия государственного управления Республики Армения*

¹ 0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123

² 0028, Армения, г. Ереван, ул. Киевян, 8

E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: 5302-1598; AuthorID: 876506

ORCID: 0000-0002-6322-4664

ResearcherID: AAT-8467-2021

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Artur S. Ghambaryan – Doctor of Law, Full Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia; ¹Head, Department of Theory of Law and Constitutional Law; ²Full Professor

¹ *Russian-Armenian University*

² *Public Administration Academy of the Republic of Armenia*

¹ 123, Ovsepa Emina ul., Yerevan, 0051, Armenia

² 8, Kuevyan ul., Yerevan, 0028, Armenia

E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

RSCI SPIN-code: 5302-1598; AuthorID: 876506

ORCID: 0000-0002-6322-4664

ResearcherID: AAT-8467-2021

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гамбарян А.С. Принцип законности и положение «судья подчиняется закону» в контексте доктрины развития права contra legem / А.С. Гамбарян // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 15–24. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).15-24.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ghambaryan A.S. The principle of legality and the provision “the judge is subject to the law” in the context of the doctrine of the development of law contra legem. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 15–24. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).15-24. (In Russ.).

ПЕРИПЕТИИ ТРАНСФОРМАЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917 – 1920-е гг.)

В.С. Иваненко

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

12 июля 2023 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Юридические факультеты университетов России / СССР, реформы юридического образования, факультеты общественных наук, факультеты советского права

Юридическое образование в первые годы советской власти подверглось большим испытаниям как правотворческого, так и правоприменительного характера. В статье раскрываются причины, формы и конфронтационный характер взаимоотношений между советской властью и университетским сообществом в первое время после Октябрьской революции, негативное отношение новой власти и профессорского корпуса друг к другу. Проанализирована череда структурных экспериментов, часть из них проиллюстрирована на материалах, в том числе архивных, Петроградского / Ленинградского университета, являвшегося в то время одним из крупнейших вузов страны. Прослежены особенности преобразования юридических факультетов в правовые отделения факультетов общественных наук, в том числе изменения условий приема и содержания обучения, статуса преподавателей. Проанализирована деятельность сменивших факультеты общественных наук факультетов советского права, раскрыты причины и последствия их закрытия в 1930 г.

THE VICISSITUDES OF THE TRANSFORMATION OF UNIVERSITY LEGAL EDUCATION IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER (1917-1920s)

Vitaly S. Ivanenko

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2023 July 12

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Law faculties of universities of Russia / USSR, experiments with organizational forms and content of legal education, faculties of social sciences, faculties of Soviet law

The subject. The article examines the history of the formation of university legal education in a very difficult period of the first years of Soviet power (1917-1930), in which it was subjected to great trials.

The purpose of the article is to reveal the causes, forms and confrontational nature of the relationship between the Soviet government and the university community in the first time after the October Revolution.

Methodology. A series of structural experiments is analyzed, some of them are illustrated on materials, including archival ones, of Petrograd (Leningrad) University, which was at that time one of the largest universities in the country.

Main results. The difficulties of transformation in 1918-1919 of law faculties of universities into legal departments of a new organizational form – faculties of social sciences are shown. Legal departments structurally included, as a rule, two cycles: judicial and administrative. The term of study was reduced to 3 years. Legal departments were created with the aim of forming new legal personnel for "socialist construction". The conditions of admission and the content of students' education are changing. In the beginning, absolutely everyone could study at universities, regardless of citizenship and gender, who had reached the age of 16. Entrance exams were canceled, even documents on secondary education were optional. The status of teachers has changed significantly. Lectures and seminars were mostly replaced by the "brigade-laboratory method" of teaching: the teaching material was studied by teams of a dozen students led by a foreman; the tasks involved independent study of literature and analysis of practical incidents; the teacher was involved in the process only if students had difficulties. Another innovation was the practice of students in justice institutions organized since 1922. However, the faculties of social sciences did not meet the expectations of the Soviet government and in the mid-1920s they were closed. Instead, faculties of Soviet law were opened at universities with two departments – judicial and economic and administrative. They were also

closed in 1930-1931. Instead, specialized legal institutions were created under the jurisdiction of the People's Commissariat of Justice.

Conclusions. Despite all the government search experiments with their mistakes and failures, the liquidation of university law faculties in the 1930s and early 1940s, since the 1940s, the training of lawyers at universities has nevertheless been resumed, continuing the traditions of the centuries-old domestic law school to provide the country with highly qualified legal personnel.

1. Введение

Драматические события двух революций в России 1917 г., гражданская война 1918–1922 гг., последовавшая перестройка всех основ социальной, политической, культурной и правовой жизни российского государства, кардинальный пересмотр правопонимания как такового не могли не сказаться на деятельности университетов и их юридических факультетов (см.: [1–3]).

Университеты и их юридические факультеты изначально не приняли Октябрьскую революцию 1917 г. и не признали советскую власть. В 1917–1918 гг. отношения между университетами и новой властью складывались сложно и конфронтационно: университеты, не веря в долговечность новой власти, стремились сохранить свой статус и традиционную автономию, а советская власть старалась поставить их под свой контроль, подчинить себе университетское сообщество, удалив из университетов неудобных ей «чуждых элементов», прежде всего старую, дореволюционную, профессуру. Началась многолетняя организационная и даже лингвистическая чехарда университетских преобразований и экспериментов, крайне негативно сказавшаяся на учебно-научном процессе.

Особенно трудными для юридического образования были первые годы советской власти. Полное отрицание новой властью прежней системы права и правового обучения и отсутствие четкого представления о том, какими должны быть новое право, новое образование и новые учебные и научные заведения, отбросили юридическое образование далеко назад (см.: [4–6]).

Вопросы становления юридического образования в ранний период советской истории страны периодически находили и находят отражение на страницах научной печати как в общем контексте исследования процесса развития юридического образования, так и применительно к отдельным вузам (см.: [7–9]). Однако в существующих публикациях (многие из

которых в советский период носили явно идеологическую направленность) недостаточно отражены перипетии поискового нормативного правотворчества и практического правоприменения в первые годы советской власти, выразившихся в длительной череде организационных реформ и содержательных экспериментов, сотрясавших систему подготовки юридических кадров, в том числе в университетах.

Впервые приводимые в настоящей статье архивные материалы позволяют более остро осознать многие драматические моменты становления советского юридического образования рассматриваемого периода, что весьма поучительно (см.: [10]).

2. Нормативное регулирование юридического образования в декретах и постановлениях Советского государства в 1918 – середине 1920-х гг.

Правовое регулирование юридического образования началось через несколько месяцев после Октябрьской революции в рамках общих государственных мер в области просвещения и образования (см.: [11–14]). Согласно Декрету Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР № 507 от 5 июня 1918 г. «О передаче в ведение Народного комиссариата просвещения учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств» все учебные заведения страны, включая университеты, передавались в ведение Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса)¹.

Изменялось и отношение к приему и содержанию обучения. Согласно Декрету СНК № 82 от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения»², в вузах страны, включая и университеты, могли учиться все желающие, независимо от гражданства и пола, достигшие 16 лет. Отменялись вступительные экзамены, необязательны были документы о среднем образовании, устанавливалось бесплатное обучение, вводилась государственная стипендия студентам – выходцам из среды пролетариата и беднейшего крестьянства. (Декрет был отменен в 1921 г.)

¹ Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/348413> (дата обращения: 15.09.2023).

² Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12389> (дата обращения: 15.09.2023).

В первое время в университетах были также упразднены экзамены, сессии, балльная система оценок.

Кардинально изменялся и в научный статус ученых. Декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики» в стране отменялись «ученые степени доктора, магистра и все связанные с этими степенями права и преимущества»³. Все лица, самостоятельно ведущие преподавание в вузах, стали носить единое звание профессора. Было отменено тайное голосование при замещении вакантных должностей. Право занятия профессорских кафедр предоставлялось по всероссийскому конкурсу всем лицам, известным своими научными трудами, научно-педагогической деятельностью или другой профессиональной деятельностью по специальности.

Система юридического образования также не избежала кардинальных и болезненных изменений – начался демонтаж сложившихся за несколько десятилетий форм и содержания учебного и научного процессов.

После Октябрьской революции в правительственных кругах Советского государства воцарилось убеждение, во-первых, о необходимости ломки всей системы юридического образования и науки как верной «прислужницы», кадровой «кузницы» и научно-идеологического «апологета» прежних царского и буржуазного режимов, а во-вторых, о ненужности для новой власти огромной армии юристов. Предполагалось, что в новом бесклассовом Советском государстве отпадет необходимость в юридических кадрах, поскольку общественные отношения будут регулироваться нормами «коммунистической морали», а должностные лица, в том числе и судьи, при принятии решений будут руководствоваться «революционным правосознанием», «революционной целесообразностью» и чувством «классовой справедливости». Поэтому первоначально отношение советской власти к юридическим факультетам было негативным.

К тому же и сами факультеты вначале не проявляли особого желания перестраивать свою работу.

Например, учебные курсы, объявленные юридическим факультетом Петроградского университета на 1918/19 учебный год, включали в себя предметы, читавшиеся и до революции. Среди специальных курсов были «Право земельной собственности и его развитие на пространстве Полного Собрания Законов», «Гражданское права Царства Польского», «Общие начала тюрьмоведения». Вызывающим было и преподавание церковных дисциплин: «Церковное право», «Московский церковный собор 1917–1918 гг.», «Церковь и государство в их взаимных отношениях» [15, с. 19]. Очевидно, что демонстративное преподавание церковно-правовых дисциплин нарушало декреты советской власти о введении светского образования, так как преподавалось каноническое право по учениям апостолов, Отцов Церкви и т. д.

Аналогичная ситуация сложилась и в Московском университете, где работала кафедра церковного права [16, с. 74].

Поэтому сложившаяся аномальная ситуация во взаимоотношениях советской власти и юридических факультетов разрешилась принятием новой властью решения об их ликвидации. 23 октября 1918 г. Наркомпрос РСФСР принял постановление «О закрытии юридических факультетов университетов», содержащее следующие весьма решительные меры и их обоснование:

«Ввиду совершенной устарелости учебных планов юридических факультетов... а также полного несоответствия этих планов как требованиям научной методологии, так и потребности Советских учреждений в высококвалифицированных работниках, постановляется:

1) факультеты как особые подразделения университетов или аналогичных им высших учебных заведений упраздняются;

2) все кредиты, предназначенные на содержание этих факультетов как таковых... закрываются с 15 января 1919 года;

3) из отдельных кафедр названных факультетов (кафедры политической экономии и статистики, финансового права, международного права) временно, впредь до образования факультетов общественных наук, перечисляются в состав исторического отделе-

³ Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12522> (дата обращения: 15.09.2023). Ученые степени вновь были введены постановлениями СНК СССР «Об ученых степенях и званиях» № 79 от 13 января 1934 г. (Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/>

nodes/12522 (дата обращения: 05.09.2023)) и № 464 от 20 марта 1937 г. (СПС «КонсультантПлюс»). В Постановлении № 464 приведен перечень из 18 отраслей наук (в том числе и юридические науки), по которым присуждались ученые степени.

ния историко-филологических факультетов, кафедра государственного права преобразуется в кафедру советского законодательства, со введением этого предмета в нормальную программу всех факультетов, остальные кафедры упраздняются и занимающие их преподаватели оставляются за штатом с 15 января 1919 года»⁴.

Позднее срок ликвидации факультетов был продлен до 15 марта 1919 г. Но в ряде университетов они продолжали работать вплоть до установления советской власти в этих регионах (например, в Томском университете в Сибири – до декабря 1919 г., а в Таврическом университете в Крыму – до декабря 1920 г.).

В условиях развернувшейся гражданской войны и разрухи, постоянных революционных реформ, организационной неразберихи, идейно-политического размежевания начался и отток университетских кадров в относительно более спокойные регионы страны, а также в военные формирования Белого движения или в эмиграцию за рубеж.

Ситуацию осложнили и настигшие многие города России и вузовские центры холод, голод и болезни. Известный ученый – юрист и социолог Питирим Сорокин, работавший в тот период на юридическом факультете Петроградского университета, описывает в своих мемуарах ужасающие условия жизни, которые доводили многих ученых до смерти или самоубийства. «Умирают от тифа, гриппа, воспаления легких, холеры, истощения и всех десяти казней египетских. Друга, которого сегодня видел живым, завтра найдешь мертвым. Собrania профессорско-преподавательского состава теперь немногим отличаются от поминок по нашим коллегам» [17, с. 131].

⁴ Текст Постановления см.: Приложение к п. IV протокола заседания Коллегии Наркомпроса РСФСР № 112 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/79985> (дата обращения: 05.09.2023).

⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 151 об.–152; Д. 132. Л. 72. См. также: История СПбГУ. Хронология событий. URL: <http://spbu.ru/about-us/arc/chronicle/chronicle/1914-1919.html>.

⁶ Так, на заседании политико-юридического отделения ФОН Петроградского университета 29 декабря 1919 г. было принято решение о командировании большой группы профессоров и преподавателей отделения в г. Лугу Петроградской губернии на каникулярное время по 20 января 1920 г. «для культурно-просветительской деятельности». – Протокол заседания политико-правового отделения ФОН от 29 декабря 1919 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 85 «Петроградский государственный университет. Юри-

Совет Петроградского университета даже принимал обращение «К высшей власти» в связи с бедственным положением и гибелью ученых от голода⁵. В итоге преподавателям для облегчения положения были разрешены командировки в другие регионы России в научных, просветительских и, главное (завуалированно), в продовольственно-заготовительных целях⁶.

Однако вскоре оставшаяся часть юридической общественности университетов, с одной стороны, стала понимать, что происходящие кардинальные изменения государственных устоев – надолго, что объективно требуется перестройка правовых основ государства, но, с другой стороны, стремилась максимально сохранить базовые основы сложившегося правового образования, сохранив их в рамках существующих юридических факультетов. Так, Совет Петроградского университета в ответ на решение Наркомпроса поручить Социалистической академии общественных наук разработать учебный план юридических факультетов принял решение в спешном порядке разработать свой план преподавания на факультете, чтобы его «противопоставить тому плану, который разрабатывает Академия в Москве» [9, с. 14–15].

Но, несмотря на возражения общественности, юридические факультеты всё же были упразднены. Постановлением Наркомпроса от 3 марта 1919 г. вместо упраздняемых юридических факультетов и исторических отделений историко-филологических факультетов университетов создавался новый вид учебно-научных подразделений – факультеты общественных наук (далее – ФОНы)⁷.

дический факультет. Протоколы заседания факультета» – (1919 г.). Л. 43 об.

⁷ См.: Приложение № 3 к протоколу заседания № 30 (п. Vd) Коллегии Наркомпроса РСФСР – «Положение о факультете общественных наук» (Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78681> (дата обращения: 20.09.2023)). Атмосферу закрытия юридических факультетов и создания ФОН ярко описал великий русский философ И.А. Ильин, профессор МГУ в 1918–1922 г.: «Помню “отмену” юридического факультета: должен был быть создан факультет “общественных наук”, к которому пристегивались все историки, отделенные от историко-филологического факультета.

Началось с факультетского собрания юристов, на которое от Наркомпроса явился плюгавый мальчишка наглого тона: “Товарищи профессора! – картавил он, брызгал слюной и кокетничал шоферским шлемом. – Октябрьская революция овладевает университетом; если вы не захотите

ФОНЫ были созданы с целью обучения и формирования «кадров научно-подготовленных практических работников социалистического строительства»⁸, начав коренную реорганизацию юридического образования в стране.

Согласно вышеуказанному постановлению, все студенты ФОН независимо от их специализации в течение первых двух лет изучают цикл общих предметов, «преподавание коих стремится дать им общее социологическое образование, являющееся необходимой предпосылкой образования специального»⁹. При этом учебный план был весьма многопредметным. Начиная с III курса, факультет делился на три отделения: политико-юридическое¹⁰, экономическое и историческое, – в пределах которых могла осуществляться и более узкая специализация.

Так, юридический факультет Петроградского университета был закрыт 2 июня 1919 г., а на его основе открыт ФОН [19, с. 301]. В этот день на заседании факультета был рассмотрен вопрос «О переименовании факультета юридического в факультет общественных наук» и принято следующее решение: «Ввиду изменения учебного плана факультета принять наименование факультета общественных наук и уведомить об этом ректора»¹¹. ФОН был открыт в составе двух отделений: политико-юридического (с двумя циклами: судебным и административным) и социально-экономического.

Аналогичная ситуация складывалась и в Московском университете. Постановлением Наркомпроса юридический факультет МГУ был упразднен еще 23 декабря 1918 г., а 14 апреля 1919 г. отдельным постановлением Наркомпроса был создан ФОН в составе трех отделений: политико-юридического, социально-экономического и исторического. 5 мая начались учебные занятия, однако 14 ноября решением президиума ФОН лекционные занятия с 1 декабря 1919 г. по 1 апреля 1920 г. были прекращены (ввиду отсутствия дров для обогрева аудиторий, см.: [20, с. 63]).

В Казанском университете юридический факультет 11 июля 1919 г. также был преобразован в

ФОН в составе трех отделений: юридико-политического, исторического и экономического, – но в 1922 г. был закрыт (см.: [21, с. 145–149]).

Учебный процесс в рамках ФОН был рассчитан на четыре года: два из них отводились на изучение общеобразовательных дисциплин и еще два – на обучение избранной специальности. На политико-юридическом отделении ФОН учебный план включал в себя следующие предметы по специальности: «История права и государства»; «Эволюция политической и юридической мысли»; «Публичное право Советской республики»; «Социальное право»; «Криминальная социология и политика»; «Рабочее право и социальная политика»; «Социальная гигиена и санитария», «История международного права в связи с историей международных отношений» [4, с. 37].

Но эксперименты продолжались и с новой учебно-научной формой. Так, 13 сентября 1919 г. Наркомпрос утвердил «Временное положение о факультете общественных наук (ФОН) Петроградского университета» уже в составе шести отделений: социально-экономического, философского, исторического, филологического, этнолого-лингвистического и политико-юридического¹².

В учебном отношении политико-юридическое отделение ФОН, в свою очередь, делилось на предметные группы, объединяющие «родственные» или близкие учебные дисциплины. Изначально были созданы три предметные группы: публично-правовая, цивилистическая и криминалистическая. Так, на заседании политико-юридического отделения Петроградского университета 6 октября 1919 г. было принято решение образовать и четвертую предметную группу, куда вошли история права, теория права, история политических учений и социология¹³. Предметные группы обеспечивали не только содержание учебного процесса, но и предварительно решали вопрос о приеме на работу и допуске того или иного преподавателя к учебным занятиям, вносили представление о распределении предметов между «наличными преподавателями», об оплате сверхустановленного лимита часов учебных занятий и др.¹⁴

признать этого и подчиниться, то вы будете завтра же на улице» [18, с. 20].

⁸ Приложение № 3 к протоколу заседания № 30 (п. Vd) Коллегии Наркомпроса РСФСР – «Положение о факультете общественных наук».

⁹ Там же.

¹⁰ В последующих документах и литературе встречаются и иные названия отделения: «политико-правовое», «правовое», «юридическое».

¹¹ Протокол заседания юридического факультета от 2 июня 1919 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 85. Л. 7.

¹² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 132. Л. 3, 43–61. См. также: [19, с. 302].

¹³ Протокол заседания отделения от 6 октября 1919 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 132. Л. 26–26 об.

¹⁴ См., напр.: Протокол заседания отделения от 13 октября 1919 г. // Там же. Л. 27 об.

Но через полтора года – снова преобразования: согласно Декрету СНК РСФСР от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов» политико-юридические отделения ФОН преобразовывались в правовые отделения (с судебным и административным циклами, а в МГУ – еще и с отделением внешних сношений)¹⁵.

Новый учебный план для правового отделения уже отличался более четкой специализацией циклов, были исключены многие неюридические предметы, вводились общие и специальные дисциплины, теоретические курсы и семинары, обязательные и факультативные курсы [22, с. 113]. Срок обучения по сравнению с 4 годами юридического факультета был сокращен до 3 лет.

Важным нововведением стала впервые организованная в 1922 г. практика студентов-правоведов в учреждениях юстиции, ставшая неотъемлемым элементом процесса подготовки юридических кадров. По сложившимся планам данная практика должна была осуществляться не менее пяти месяцев, на большинстве факультетов она начиналась с 3-го курса [23, с. 121].

В 1922–1924 гг. стали издаваться первые советские учебники по юридическим дисциплинам. Это дало возможность в 1924 г. Наркомпросу в директивном порядке обязать университеты полностью отказаться от использования дореволюционных учебных программ, учебников и учебных пособий.

Еще одним нововведением было то, что лекции и семинары в большинстве своем были заменены «бригадно-лабораторным методом» обучения: учебный материал изучался бригадами из примерно десятка студентов во главе с бригадиром; задания предполагали самостоятельное изучение литературы и разбор практических казусов; преподаватель включался только в случае возникших у студентов затруднений.

3. Трансформация системы юридического образования во второй половине 1920-х – 1930-е гг.

Однако вскоре стало очевидным, что создание ФОН не оправдало себя, слабым было их обеспечение квалифицированными научно-педагогическими кадрами, финансово-экономическими и материальными средствами. С 1924 г. ФОНы университетов стали закрываться или преобразовываться в иные

учебные подразделения [4, с. 111–122]. Постановлением СНК от 8 августа 1924 г. «Об изменении сети высших учебных заведений» факультеты общественных наук в ряде университетов были закрыты, либо сокращен их состав, либо они были преобразованы¹⁶. Например, в 1-м МГУ было сохранено только правовое отделение. ФОНы Ленинградского, Ростовского и Саратовского университетов были закрыты. При этом, например, правовое отделение ФОН ЛГУ по мере выпуска студентов подлежало ликвидации к 1 октября 1926 г., последний выпуск состоялся весной 1926 г. [9, с. 20–21].

Как пишет работавший в тот период на факультете ЛГУ профессор В.М. Догадов, первоначально в связи с закрытием правовых отделений ФОН не предполагалось открытия в университетах самостоятельных факультетов юридического профиля. Считалось, что потребность страны в юридических кадрах сможет обеспечить создаваемый факультет советского права МГУ. Однако после обсуждения этого вопроса с участием Наркомюста, утверждавшего об огромной потребности таких кадров, директивными органами было принято решение открыть в университетах факультеты советского права [24, с. 115–117]. В пределах РСФСР такие факультеты были образованы в пяти университетах: Московском, Ленинградском, Казанском, Иркутском и Саратовском (в последних двух – советского права и хозяйства). Свободный конкурс для поступления был отменен: прием осуществлялся только по направлению государственных органов.

Согласно Декрету СНК РСФСР от 28 апреля 1925 г. ФОН МГУ трансформировался в два факультета – советского права и этнологический¹⁷. Факультет советского права МГУ включал в себя четыре отделения: судебное, хозяйственно-правовое, государственно-административное и международное [4, с. 44].

В ЛГУ Постановлением Совнаркома РСФСР от 23 апреля 1926 г. с осени 1926 г. образуется факультет советского права с двумя отделениями – судебным и хозяйственно-административным (с двумя циклами: административным и хозяйственным) – и осенью осуществляется прием на первый курс¹⁸. На факультете были созданы предметные комиссии – публично-правовая, хозяйственно-правовая и криминологическая.

¹⁵ Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/17637>.

¹⁶ Декрет СНК РСФСР от 8 августа 1924 г. «Об изменении сети высших учебных заведений» // СПС «Консультант Плюс».

¹⁷ Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/361555>.

¹⁸ История СПбГУ. Хронология событий. URL: <http://spbu.ru/about-us/arc/chronicle/chronicle/1920-1929.html> (дата обращения: 25.08.2023).

2 августа 1928 г. Совнарком РСФСР утвердил новую структуру ЛГУ, предусматривавшую, в частности, систему организации учебного процесса на основе предметных циклов и комиссий¹⁹.

В 1928 г. в Казанском университете открыт факультет советского строительства и права в составе трех отделений: советского права, советского строительства и экономического²⁰.

С конца 1920-х гг. складывается новая форма организации высшего юридического образования – заочная. Ее внедрение началось в октябре 1927 г. с МГУ (учреждено бюро заочного юридического образования – факультет советского права на дому), учебный план был рассчитан на 4-летний срок обучения [23, с. 115].

Но и факультеты советского права просуществовали недолго. Инициатором перестройки юридического образования выступил Наркомюст [24], который забил тревогу относительно низкого профессионального уровня практикующих юристов и массового уклонения от работы по распределению выпускников факультетов советского права. Использование в органах юстиции выпускников, окончивших правовые вузы и факультеты университетов, в 1929 г. составило 13 %, в 1930 г. – 55 % [25, с. 22]. По данным Наркомюста, в его системе лишь 6 % сотрудников имели высшее юридическое образование. А в целом в стране среди прокуроров, следователей и судей высшее юридическое образование имели только 10 %. Как признавал А.Я. Вышинский, прежде данному вопросу уделялось мало внимания, так как сильны были представления, что «юридическое образование не нужно, что можно обойтись не только без римского права, но и без советского права, которое кое-кто хоронил по первому разряду, протаскивая гнилые теории об отмирании права, об отмирании юстиции, об отмирании суда. Мы распылили наши кадры: новых не создали, старые потеряли» [26, с. 83].

Учитывая сложившееся неблагоприятное положение, Наркомат юстиции рассчитывал, что, переподчинив себе все юридические вузы страны, он сможет переломить эту негативную ситуацию.

28 июня 1930 г. СНК РСФСР своим постановлением признал целесообразным выделить факультеты советского права из состава университетов и создать на их основе самостоятельные специализиро-

ванные юридические институты. 23 июля 1930 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР № 237 «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» данная реорганизация была узаконена²¹.

В 1930–1931 гг. факультеты советского права в университетах Москвы, Ленинграда, Казани, Саратова, Иркутска были реорганизованы в самостоятельные институты советского права и переданы в ведение Наркомата юстиции. Следует сказать, что и многие из этих институтов в 1930-е гг. неоднократно подвергались реформам, делились, объединялись, подвергались структурным и содержательным преобразованиям.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. внесла свои коррективы в работу юридических институтов, ряд из них были эвакуированы вглубь страны, большинство преподавателей и студентов ушли на фронт, многие не вернулись.

Восстановление юридических факультетов в структуре университетов страны началось уже по окончании Великой Отечественной войны.

4. Выводы

Проведенный анализ реорганизаций и становления советского юридического образования в 1918–1930 гг. свидетельствует о том, что оно прошло сложный концептуальный и организационно-правовой путь как радикально революционного, так и эволюционного характера – от полного отрицания новой советской властью необходимости в стране юридического образования до противоречивого поиска его наиболее оптимальных и действенных форм.

Но, несмотря на все правительственные поисковые эксперименты с их ошибками и неудачами, на массовый отток дореволюционной профессуры в эмиграцию, ликвидацию в 1930-е – начале 1940-х гг. юридических факультетов университетов, всё же советской власти удалось консолидировать оставшиеся в стране прежние научно-педагогические юридические кадры и сформировать новое поколение преподавателей-юристов, а начиная с середины 1940-х гг. возобновить подготовку юристов и в университетах, продолжив тем самым многовековые традиции отечественной правовой школы по обеспечению страны высококвалифицированными юридическими кадрами университетского уровня.

¹⁹ История СПбГУ. Хронология событий.

²⁰ См.: Казанский федеральный университет. Из истории юридического факультета. URL: <https://kpfu.ru/law/uznat-bolshe-o-fakultete/istoriya-juridicheskogo-fakulteta-kfu> (дата обращения: 25.08.2023).

²¹ Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/352281> (дата обращения: 25.08.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мороз Е. В. Отечественное правопонимание 1920-х гг. (некоторые аспекты проблемы) / Е. В. Мороз // Право и образование. – 2012. – № 11. – С. 146–155.
2. Аврус А. И. История российских университетов / А. И. Аврус. – М., 2001. – 85 с.
3. Алексеев Н. С. 50 лет советского высшего юридического образования / Н. С. Алексеев, Л. А. Шилов // Правоведение. – 1967. – № 5. – С. 7–17.
4. Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР / отв. ред. В. М. Курицын, А. Ф. Шебанов. – М., 1976. – 238 с.
5. Олейник И. И. Становление системы подготовки юридических кадров в Советской России / И. И. Олейник, О. Ю. Олейник // Вестник ИГЭУ. – 2005. – Вып. 2. – С. 81–91.
6. Ящук Т. Ф. Юридическое образование в советской России, 1917 – 1920-е годы / Т. Ф. Ящук // Юридическое образование и наука. – 2004. – № 2. – С. 39–45.
7. Шадрин В. М. Теоретическая юриспруденция и юридическое образование в первые годы Советской власти / В. М. Шадрин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 27 : Право. – Вып. 32. – С. 45–49.
8. Шамсумова Э. Ф. Трансформация советского юридического образования в 1920-х – середине 1940-х гг. и ее отражение в отечественной литературе тех лет / Э. Ф. Шамсумова // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 1. – С. 73–79. – DOI: 10.34076/2410_2709_2021_1_73.
9. Шилов Л. А. Юридический факультет Ленинградского университета в первые годы советской власти / Л. А. Шилов // Правоведение. – 1969. – № 1. – С. 13–21.
10. Смыкалин А. С. Юридическое образование в СССР и Российской Федерации: исторический аспект / А. С. Смыкалин // Юридическое образование и наука. – 2000. – № 2. – С. 41–42.
11. Ашенова Т. М. Формирование системы законодательства об образовании в Советской России в 1917–1930 гг. : автореф. дис ... канд. юрид. наук / Т. М. Ашенова. – Омск, 2015. – 25 с.
12. Никитина А. А. Первые советские законодательные акты о высшем образовании / А. А. Никитина // История государства и права. – 2021. – № 11. – С. 28–31.
13. Ящук Т. Ф. Правовое регулирование в сфере высшего образования в России (историко-правовой аспект) / Т. Ф. Ящук // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 4. – С. 14–27. – DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(4).14-27.
14. Сборник декретов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. – М., 1921. – Вып. 2 : С 7 ноября 1918 г. по 7 ноября 1919 г. – 236 с.
15. Обзор преподавания наук на юридическом факультете Петроградского университета в осеннем полугодии 1918 года и весеннем полугодии 1919 года. – Петроград, 1918. – 24 с.
16. Полянский П. Л. Юридический факультет Московского университета в первое десятилетие советской власти / П. Л. Полянский // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2004. – № 6. – С. 72–93.
17. Сорокин П. А. Дальняя дорога / П. А. Сорокин. – М., 1992. – 302 с.
18. Ильин И.А. Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин ; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М., 1996. – Т. 1. – 398 с.
19. Санкт-Петербургский государственный университет : летопись : 1724–1999. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – 421 с.
20. Новицкая Т. Е. Юридический факультет МГУ в первые годы Советской власти (1917–1919 гг.) / Т. Е. Новицкая // Вестник Московского университета. – 1983. – № 2. – С. 59–69.
21. Садыков Ш. Ф. Реорганизация гуманитарного образования в Казанском университете в 1919–1922 годы / Ш. Ф. Садыков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2018. – № 12 (ч. 1). – С. 145–149.
22. Новый учебный план Правового отделения Факультета общественных наук // Право и жизнь. – 1922. – Кн. 1. – С. 113.
23. Исаев М.М. О высшем юридическом образовании в РСФСР / М.М. Исаев // Советское право. – 1927. – № 6 (30). – С. 111–122.
24. Догодов В.М. Факультет советского права Ленинградского государственного университета // Революция права. – 1929. – № 1. – С. 115–117.

25. Тишков А. Итоги распределения студентов, окончивших в 1932 г. правовые вузы / А. Тишков // Советская юстиция. – 1933. – № 4. – С. 22.

26. Совещание в Прокуратуре Союза ССР с районными следователями // Социалистическая законность. – 1936. – № 7. – С. 83.

REFERENCES

1. Moroz E.V. Russian Interpretation of Law in 1920ies (Some Aspects of a Problem). *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2012, no. 11, pp. 146–155. (In Russ.).
2. Avrus A.I. *History of Russian universities*. Moscow, 2001. 85 p. (In Russ.).
3. Alekseev N.S., Shilov L.A. 50 years of Soviet higher legal education. *Pravovedenie*, 1967, no. 5, pp. 7–17. (In Russ.).
4. Kuritsyn V.M., Shebanov A.F. (eds.). *Essays on the history of legal scientific institutions in the USSR*. Moscow, 1976. 238 p. (In Russ.).
5. Oleinik I.I., Oleinik O.Yu. The formation of the system of training legal personnel in Soviet Russia. *Vestnik IGEU*, 2005, iss. 2, pp. 81–91. (In Russ.).
6. Yaschuk T.F. Legal education in Soviet Russia, 1917 – 1920s. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Juridical Education and Science*, 2004, no. 2, pp. 39–45. (In Russ.).
7. Shadrin V.M. Theoretical jurisprudence and legal education in the first years of Soviet power. *Vestnik Vhel'yabinskogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, no. 27: Law, iss. 32, pp. 45–49. (In Russ.).
8. Shamsumova E. The transformation of the soviet legal education in the 1920s and mid-1940s and its reflection in domestic literature of those years. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*, 2021, no. 1, pp. 73–79. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_1_73. (In Russ.).
9. Shilov L.A. Law Faculty of Leningrad University in the early years of Soviet power. *Pravovedenie*, 1969, no. 1, pp. 13–21. (In Russ.).
10. Smykalin A.S. Legal education in the USSR and the Russian Federation: a historical aspect. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Juridical Education and Science*, 2000, no. 2, pp. 41–42. (In Russ.).
11. Ashenova T.M. *Formation of the system of legislation on education in Soviet Russia in 1917–1930*, Cand. Diss. Thesis. Omsk, 2015. 25 p. (In Russ.).
12. Nikitina A.A. The first Soviet legal acts on higher education. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2021, no. 11, pp. 28–31. (In Russ.).
13. Yashchuk T.F. Legal regulation in the sphere of higher education in Russia (historical and legal aspect). *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 4, pp. 14–27. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(4).14-27. (In Russ.).
14. *Collection of decrees and resolutions of the Workers' and Peasants' Government on public education*, Iss. 2. Moscow, 1921. 236 p. (In Russ.).
15. *Review of the teaching of sciences at the Faculty of Law of Petrograd University in the autumn half of 1918 and the spring half of 1919*. Petrograd, 1918. 24 p. (In Russ.).
16. Polyansky P.L. Law Faculty of Moscow University in the first decade of Soviet power. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2004, no. 6, pp. 72–93. (In Russ.).
17. Sorokin P.A. *Long Road*. Moscow, 1992. 302 p. (In Russ.).
18. Il'in I.A. *Collected works*, in 10 volumes, comp., intro. article and comments by Yu.T. Lisitsa. Moscow, 1996. Vol. 1. 398 p. (In Russ.).
19. *St. Petersburg State University, The chronicle, 1724–1999*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1999. 421 p. (In Russ.).
20. Novitskaya T.E. Law Faculty of Moscow State University in the first years of Soviet power (1917–1919). *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 1983, no. 2, pp. 59–69. (In Russ.).
21. Sadykov S.F. Reorganization of humanitarian education in the Kazan University in 1919–1922 years. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy = International Journal of Applied and fundamental research*, 2018, no. 12 (pt. 1), pp. 145–149. (In Russ.).
22. New curriculum of the Legal Department of the Faculty of Social Sciences. *Pravo i zhizn'*, 1922, bk. 1, p. 113. (In Russ.).

23. Isaev M.M. On higher legal education in the RSFSR. *Sovetskoe pravo*, 1927, no. 6 (30), pp. 111–122. (In Russ.).
24. Dogodov V.M. Faculty of Soviet Law of Leningrad State University. *Revolyutsiya prava*, 1929, no. 1, pp. 115–17. (In Russ.).
25. Tishkov A. Results of the distribution of students who graduated from law schools in 1932. *Sovetskaya yustitsiya*, 1933, no. 4, p. 22. (In Russ.).
26. Meeting in the Prosecutor's Office of the USSR with district investigators. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1936, no. 7, p. 83. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иваненко Виталий Семенович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: v.s.ivanenko@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-0823-5501
ResearcherID: G-1886-2015
SPIN-код РИНЦ: 6178-3348

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vitaliy S. Ivanenko – PhD in Law, Associate Professor, Department of International Law
St. Petersburg University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: v.s.ivanenko@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-0823-5501
ResearcherID: G-1886-2015
RSCI SPIN-code: 6178-3348

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Иваненко В.С. Перипетии трансформации университетского юридического образования в первый период советской власти (1917 – 1920-е гг.) / В.С. Иваненко // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 25–34. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).25-34.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ivanenko V.S. The vicissitudes of the transformation of university legal education in the first years of Soviet power (1917-1920s). *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 25–34. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).25-34. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

УДК 346.9

DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(4).35-44

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ С ЦИФРОВЫМИ ФИНАНСОВЫМИ АКТИВАМИ В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКИХ ПРАВИЛ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ*

К.А. Пономарева¹, А.О. Симонов^{1,2}

¹ Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов
Российской Федерации, г. Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

30 августа 2023 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Налоговое право, налоговая
безопасность, криптоактивы,
цифровые финансовые активы,
цифровая экономика, налог на
доходы физических лиц, налог
на прибыль организаций, налог
на добавленную стоимость

Проведен анализ существующих механизмов налогообложения операций с криптоактивами в Российской Федерации. Выбор объекта исследования обусловлен возрастающей ролью криптоактивов в российской экономике, а также необходимостью разработки механизмов обеспечения налоговой безопасности государства в условиях новых вызовов, одним из которых является развитие цифровой экономики. Представлен анализ налоговых проблем, с которыми сталкиваются физические и юридические лица, оперирующие криптоактивами, сформулированы предложения по совершенствованию российского налогового законодательства.

По итогам исследования сделан вывод о том, что действующие подходы к налогообложению операций с криптоактивами аналогичны механизмам, которые применяются к традиционным финансовым инструментам, но при этом за пределами регулирования остается ряд активов, обладающих особыми правовыми свойствами.

TAXATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN THE CONTEXT OF CLASSICAL RULES OF TAXATION**

Karina A. Ponomareva¹, Andrey O. Simonov^{1,2}

¹ Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2023 August 30

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Tax law, tax security, crypto asset,
digital financial asset, digital
economy, personal income tax,

Subject. The existing mechanisms of taxation of transactions with crypto assets on the territory of the Russian Federation are analyzed in the article. The choice of the research object is due to the increasing role of crypto assets in the modern Russian economy, as well as the necessity to propose new mechanisms to ensure the tax security of the state in the face of new challenges.

The purpose of the study. The existing mechanisms of taxation of transactions related to the use and turnover of crypto assets in Russia are considered. Authors analyze both the main problems faced by individuals and legal entities operating with cryptocurrencies. The analysis of the current legislation is provided, possible ways to improve the legislation are suggested.

Methodology. In the course of their work, the researchers were guided by philological and systematic ways of interpreting current legal norms, as well as existing explanations of financial authorities related to current approaches to taxation of transactions with crypto assets.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10160, <https://rscf.ru/project/23-78-10160>.

** The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10160, <https://rscf.ru/project/23-78-10160/>.

corporate income tax, value added tax

Conclusions. It is concluded that the approaches proposed by the legislator to taxation of transactions with crypto assets are similar to the mechanisms that apply to traditional financial instruments, but at the same time, assets that are not similar to traditional ones remain outside the regulation.

1. Введение

Вопрос налогообложения операций с криптоактивами становится всё более актуальным по мере того, как технологии блокчейн становятся частью повседневной жизни. Развивается и правовое регулирование в этой сфере. Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» установлен порядок налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами (далее – ЦФА) и утилитарными цифровыми правами (далее – УЦП)¹. Можно сказать, что ЦФА – это цифровые права, сочетающие в себе черты традиционных биржевых финансовых инструментов, подтверждающих корпоративные права и обязательства, с тенденциями токенизации, а УЦП – цифровые права, наделяющие правом требовать передачи вещи, исключительных прав, а также выполнения работ или оказания услуг.

Также указанным законом установлены:

– особенности определения налоговой базы, исчисления и уплаты налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) по операциям с ЦФА и (или) цифровыми правами, включающими одновременно ЦФА и УЦП;

– особенности исчисления и уплаты НДФЛ налоговыми агентами при осуществлении операций с ЦФА и (или) цифровыми правами, включающими одновременно ЦФА и УЦП;

– особенности определения налоговой базы по налогу на прибыль организаций по операциям с ЦФА и (или) цифровыми правами, включающими одновременно ЦФА и УЦП;

– ставки по налогу на прибыль организаций в отношении доходов, полученных обладателями ЦФА.

На сегодняшний день практически отсутствуют научные труды, посвященные налогообложению цифровых финансовых активов. Это объясняется как новой нормативной базой, по которой еще не сложилась правоприменительная практика, так и отсутствием глубинной теоретической базы для исследо-

ваний по теме. Настоящая статья направлена на восполнение этого пробела: авторами систематизированы подходы к налогообложению операций с криптоактивами, проанализирована обоснованность применения общих и специальных правил налогообложения в отношении таких операций, а также предложены пути совершенствования действующего регулирования.

Рассмотрим эти проблемы применительно к отдельным налогам.

2. Налогообложение операций с криптоактивами для целей НДС

Вопрос налогообложения операций с криптоактивами для целей НДС является одним из наиболее сложных и неоднозначных. Согласно п. 1 ст. 146 Налогового кодекса (далее – НК) РФ² объектом НДС признаётся реализация товаров, работ и услуг на территории Российской Федерации.

При этом далеко не каждая реализация является облагаемой. В частности, от НДС освобождаются отдельные услуги операторов информационных систем, в которых выпускаются ЦФА, операторов обмена ЦФА и (или) операторов инвестиционных платформ, организующих привлечение инвестиций с использованием инвестиционных платформ. Реализация ЦФА не подлежит налогообложению НДС.

Из представленных выше определений ЦФА и УЦП следует, что ключевое разграничение между представленными видами активов заключается в следующем: под ЦФА законодатель понимает цифровой аналог традиционных финансовых инструментов (например, акции) [1, с. 764], а под УЦП – право на товары, работы или услуг [2, с. 515]. При этом криптоактивы, которые не соответствуют признакам ЦФА или УЦП, остаются за рамками действующего регулирования (например, *NFT* – токены, которые подтверждают право собственности на цифровой объект), а также майнинг [3, с. 332] и стейкинг [4, с. 45], регулирование которых может стать следующим шагом на пути совершенствования законодательства.

¹ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5291.

² Налоговый кодекс Российской Федерации: Часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

Данное разграничение порождает и различные последствия для целей налогообложения, в частности, реализация ЦФА не является объектом налогообложения для целей НДС в соответствии с пп. 38 п. 2 ст. 149 НК РФ. Однако актив, который сочетает в себе признаки ЦФА и УЦП, является объектом для целей налогообложения НДС, поскольку НК РФ не содержит иного подхода.

Полагаем, что такое разграничение в части налогообложения ЦФА и УЦП является закономерным решением законодателя: несмотря на внешнюю технологическую схожесть этих явлений, их правовая природа в корне различна в связи с тем, что они представляют собой лишь «токенизированное» воплощение привычных явлений. Основное отличие УЦП состоит в том, что они более приближены к обычным хозяйственным операциям и в их основе лежат обязательства по предстоящей поставке, выполнению работ, оказанию услуг и пр. ЦФА же имеют чисто финансовую направленность.

Порядок налогообложения криптоактивов для целей НДС принципиально не отличается от порядка налогообложения традиционных активов, однако обладает некоторыми особенностями:

- Реализация криптоактива при его выпуске приравнивается к получению предоплаты для целей НДС в соответствии с п. 1 ст. 154 НК РФ. Концептуально данное решение соотносится с природой УЦП и на его основе налогоплательщик в будущем сможет получить товары, работы или услуги.

- При приобретении криптоактива отсутствует возможность вычета предъявленного НДС в соответствии с абз. 3 и 4 п. 12 ст. 171 НК РФ. Иными словами, уплаченный НДС в счет выпуска криптоактива или предстоящей передачи имущественных прав на основании такого криптоактива не может быть учтен для целей вычета. Ограничение возможности вычета уплаченного НДС также подтверждаются положениями пп. 6 п. 2 ст. 170 и п. 2.2 ст. 170 НК РФ.

Наиболее неоднозначным является последнее положение, закрепляющее запрет возможности учета уплаченного НДС для целей последующего вычета, несмотря на возможность учета уплаченного НДС в качестве расхода для целей налога на прибыль организаций.

Данное решение в большей степени защищает интересы бюджета, предоставляя больше времени на использование полученных денежных средств, так как вместо возможности вычета налогоплательщик получает возможность учета расходов только в момент реализации такого актива. Таким образом, момент учета суммы уплаченного НДС в расходах находится существенно дальше, чем момент зачета НДС относительно временной шкалы. Более того, в контексте метода начисления возможность учета расходов, возникших в связи с приобретением криптоактива, связана с последующей реализацией этого актива. Однако момент указанного учета может не наступить.

Таким образом, налогоплательщик теряет возможность учета расхода в момент приобретения актива за счет лишения права на вычет, но при этом сохраняет право на учет данной суммы в расходах в будущих периодах, что несколько сглаживает ситуацию, но с сохранением приоритетного фискального интереса, поскольку доходы поступят в бюджет «раньше времени».

3. Цифровые финансовые активы и налог на доходы физических лиц

Рассмотрим проблемы регулирования цифровых финансовых активов в контексте налогообложения доходов физических лиц.

Объектом для целей налогообложения НДФЛ является доход, полученный налогоплательщиком в соответствии со ст. 209 НК РФ. Под доходом согласно п. 1 ст. 41 НК РФ понимается экономическая выгода в денежной или натуральной форме. Понятие дохода, определенное через концепцию экономической выгоды, представляется не самым удачным: согласимся с В.М. Зариповым, что в случае разделения понятия на валовой и чистый доход ситуация стала бы более прозрачной [5, с. 23].

Высшие судебные инстанции трактуют экономическую выгоду как «улучшение имущественного положения»³ лица. Таким образом, определяя доходы физических лиц, следует руководствоваться как юридической концепцией дохода (перечисленными в НК РФ источниками дохода) [6, с. 15], так и ее экономическим содержанием [7, с. 15] в виде улуч-

³ Определения Конституционного Суда РФ от 2 октября 2019 г. № 2602-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Пономарева Константина Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 41 и пунктом 1 статьи 210 Налогового кодекса Российской Федерации, частью 1 статьи 63, пунктом 6 части 3 статьи 135, ча-

стью 8 статьи 226 и частью 1 статьи 306 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» и от 24 октября 2019 г. № 2913-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бут Надежды Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 41 и статьей 217 Налогового кодекса Российской Федерации».

шения имущественного положения лица, которое выражается в приращении имущества [8, с. 61].

При этом следует отметить, что НК РФ содержит специальные нормы, регулирующие особенности определения налоговой базы в отношении доходов, формирующихся в результате совершения сделок с криптоактивами. В частности, в соответствии с п. 1 ст. 214.11 НК РФ под доходом понимаются:

– выплаты, не связанные с выкупом криптоактива (под такими выплатами законодатель допускает получение дохода в двух случаях: получение квазидивидендных выплат и *airdrop* – безвозмездная передача криптоактивов) (пп. 1 и 2);

– выплаты, связанные с выкупом криптоактива (под такими выплатами законодатель понимает выплаты, которые, в сущности, аналогичны облигациям или фьючерсам) (пп. 3);

– доходы от отчуждения криптоактива или доходы, полученные в результате мены криптоактива (пп. 4).

Наиболее неоднозначным является пп. 4 п. 1 ст. 214.11 НК РФ, предполагающий налогообложение доходов, полученных в результате отчуждения и мены. Неясным представляется разграничение понятий «отчуждение» и «мена», так как юридическая природа договора мены предполагает, что в случае мены также происходит отчуждение одного актива и получение другого актива [9, с. 106]. Полагаем, что данное разграничение было сделано намеренно, так как основной операцией на криптобиржах с юридической точки зрения является именно «мена», а не привычная купля-продажа [10, с. 16].

Пункт 3 ст. 212 НК РФ содержит особый порядок расчета налоговой базы при получении материальной выгоды в результате совершения операций с криптоактивами. В случае приобретения криптоактивов по нерыночным условиям и получения материальной выгоды от такого приобретения у налогоплательщика формируется налоговая база. Величина налоговой базы определяется в виде разницы от суммы произведенных расходов и действительной стоимостью криптоактива, определенной в соответствии со ст. 105.3 НК РФ, которая регулирует порядок налогообложения сделок с взаимозависимыми лицами.

Таким образом, разграничение «отчуждения» и «мены» было сделано в том числе зеркально с положениями п. 3 ст. 212 НК РФ, чтобы закрепить, что

доход может возникнуть не только в результате приобретения криптоактива по условиям ниже рынка, но и в результате приобретения более дорогого материального актива или имущественного права в обмен на менее дорогой криптоактив.

В отношении вопроса определения величины дохода следует обратить внимание на положения п. 2 ст. 214.11 НК РФ, согласно которым стоимость актива определяется на основании цены сделки с криптоактивом. Однако если речь идет о мене, то стоимость актива могла и не быть отражена в договоре.

В таком случае стоимость актива может определяться по рыночной стоимости [11, с. 69], а именно средневзвешенной стоимости криптоактива по сделкам с этим активом в течение дня, когда была совершена сделка, или в течение последнего дня, когда с таким активом проводились сделки в течение последних трех месяцев. В случае если определить средневзвешенную цену не удастся, то стоимость определяется в соответствии с решением о выпуске такого актива в соответствии с абз. 6 п. 2 ст. 214.11 НК РФ.

Говоря о расходах, которые может учесть налогоплательщик при определении налоговой базы, следует отметить, что при определении налоговой базы по операциям с криптоактивами для целей НДФЛ следует ориентироваться не только на специальный порядок учета расходов, закрепленный в п. 3 ст. 214.11 НК РФ, но и на общие правила расчета налоговой базы для целей НДФЛ⁴: налоговая база для целей НДФЛ представляет собой действительную экономическую выгоду налогоплательщика [12, с. 152].

При этом возможность учета расходов, связанных с осуществлением операций с криптоактивами, также закреплена в пп. 2 п. 2 ст. 220 НК РФ: налогоплательщиком могут быть учтены расходы, перечисленные в п. 3 ст. 214.11 НК РФ.

Таким образом, налогооблагаемой базой является положительный финансовый результат, уменьшенный на величину расходов, который получает налогоплательщик в результате совершения операций с криптоактивами [13, с. 36].

Другим не менее важным аспектом при определении налоговой обязанности для целей НДФЛ является вопрос установления момента возникновения дохода и расхода, связанных с осуществляемыми операциями.

⁴ Письмо ФНС России от 26 мая 2023 г. № СД-4-3/6639@. Здесь и далее нормативные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

Начать предлагаем с момента определения дохода. В качестве базового правила следует обратить внимание на п. 1 ст. 210 НК РФ, который закрепляет, что доход возникает в момент непосредственно его фактического возникновения или права на него.

При этом НК РФ также содержит специальный порядок определения даты фактического получения дохода по операциям с криптоактивами. В соответствии с п. 6 ст. 223 НК РФ датой получения дохода признаётся день выплаты дохода или внесения в информационную систему записи о переходе прав на криптоактивы. В данном случае не возникает существенных проблем с моментом определения полученной суммы дохода, так как законодатель связывает момент получения дохода с моментом его фактического попадания в распоряжение налогоплательщика при непосредственной реализации имеющихся криптоактивов по аналогии с ценными бумагами [14, с. 143].

Таким образом, ключевым налоговым событием для целей НДФЛ (за исключением ситуации с договором мены) является не столько сама реализация криптоактива, сколько последующее зачисление фиатных денежных средств на личный счет физического лица [15, с. 240]. В настоящем исследовании делается акцент на трансформации криптоактивов в фиатные средства, поскольку именно в этот момент у налогоплательщика формируется доход, право на распоряжение которым он получает вне зависимости от валюты, в которой он получает доход [16, с. 59].

В случае с заключением договора мены величина дохода должна рассчитываться на дату совершения каждой операции мены, что далеко не самое однозначное решение. Операция мены может быть рассмотрена в нескольких конфигурациях:

1. *Мена криптоактива на материальный актив или имущественное право.* В данном случае определение момента получения дохода является обоснованным, так как информационная система, обслуживающая криптоактивы, может не содержать информации о заключении договора мены за пределами этой системы. В связи с этим решение о том, чтобы привязать момент получения дохода к моменту перехода права собственности на криптоактив позволяет наделить криптобиржу полномочиями по налоговому администрированию физических лиц.

2. *Мена криптоактива на иной криптоактив.* В данном случае необходимость определения финансового результата на момент каждой мены является решением, повышающим административную

нагрузку на операторов площадок. Более того, данное решение в действительности не имеет ни логического, ни экономического обоснования по следующим причинам:

– мена может происходить в рамках одной биржи: в таком случае налогоплательщик не получает в распоряжение доходы в виде фиатных средств, фактически происходит лишь трансформация одного криптоактива в другой – в данном случае налоговая база будет возникать не в связи с получением дохода, а в связи с совершением сделки, что не соответствует объекту налогообложения НДФЛ;

– в абсолютном большинстве случаев мена криптоактивов осуществляется по биржевому курсу: происходит мена одного криптоактива на другой, однако стоимость этих криптоактивов идентична, в связи с этим финансовый результат по такой операции будет равен нулю.

Можно говорить о том, что законодателем было предложено решение, которое облегчает процедуру налогового администрирования операций с криптоактивами путем привлечения ресурсов операторов криптобирж. Однако такое решение зачастую будет лишь создавать дополнительную административную нагрузку на таких операторов, но не будет иметь какой-либо экономической эффективности с точки зрения налогового администрирования, так как операции мены одного криптоактива на другой являются превалирующими и не формирующими положительный финансовый результат, что могло бы в более емкой форме отражаться в итоговом консолидированном отчете за период, как это сделано с ценными бумагами.

Не менее интересным с точки зрения особенностей определения действительной налоговой обязанности для целей НДФЛ выступает вопрос, связанный с моментом определения расходов. Несмотря на то, что пп. 2 п. 2 ст. 220 НК РФ закрепляет право налогоплательщика на учет расходов, связанных с осуществлением операций с криптоактивами, названная норма отсылает к п. 3 ст. 214.11 НК РФ, которая перечисляет допустимые к учету расходы. Иначе говоря, специальный порядок не устанавливает особых требований для определения момента несения расхода.

Полагаем, что в данном случае следует руководствоваться общими принципами налогообложения доходов физических лиц, а также применять аналогию закона в части, применяемой к традиционным финансовым инструментам, в частности к акциям. Согласно позиции Минфина России в качестве момента

формирования расхода для целей НДФЛ должен учитываться не столько момент списания денежных средств с расчетного счета, сколько момент зачисления криптоактивов на счет физического лица⁵.

Таким образом, законом окончательно разведены облагаемые и не облагаемые НДФЛ криптоактивы. При этом, несмотря на некоторую неоднозначность регулирования, возлагающего излишнюю нагрузку на операторов платформ, существующая законодательная ясность позволит масштабировать данный сектор экономики и позволит участникам правоотношений прогнозировать налоговую нагрузку.

4. Цифровые финансовые активы и налог на прибыль организаций

Как и в случае с НДФЛ, доходы, полученные юридическими лицами от операций с криптоактивами, подлежат учету как в соответствии со специальными нормами, так и на общих основаниях. Отсутствие специального порядка налогообложения не означает освобождения от налогообложения⁶.

В случае с налогом на прибыль дополнительно можно обратиться к п. 2 Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99⁷. При анализе можно заметить, что положения ПБУ существенно повторяют положения ст. 41 НК РФ [17, с. 117], что свидетельствует о том, что законодатель ставит экономическую составляющую концепции дохода в приоритет над правовой. Это отражает влияние экономической науки на юридическую в контексте налогообложения [18, с. 20]. Другими словами, при определении доходов в первую очередь необходимо обращаться к экономическим основаниям их возникновения, которые отражаются и в его правовой конструкции.

Особый интерес представляет концепция экономически оправданных затрат, которые могут быть учтены налогоплательщиком для целей налога на прибыль. В данном случае законодателем не был предложен специальный порядок подтверждения расходов. В связи с этим расходы подтверждаются на основании ст. 252 НК РФ и должны соответствовать критериям экономической обоснованности и документальной подтвержденности. Относительно

второго критерия следует отметить, что такая подтвержденность может быть обеспечена как выписками о движении активов с платформ операторов, так и привычными банковскими выписками. В связи с этим более интересной для целей исследования является концепция экономической обоснованности расхода. Положения ст. 252 НК РФ раскрывают понятие «обоснованности» через «экономическую оправданность», что также является оценочной категорией [19, с. 119].

В связи с этим концепция экономической оправданности раскрывается в судебной практике и подразумевает тесную связь расходов с деятельностью, направленной на извлечение доходов⁸: расходы должны быть связаны с действиями, которые потенциально могут привести к возникновению дохода вне зависимости от периода, в котором возникновение дохода предполагается [20, с. 6]. Фактически таким образом законодатель требует соблюдения ключевого для хозяйствующих субъектов правила осуществления деятельности с целью извлечения прибыли.

Вместе с этим следует учитывать и то, что действующее налоговое законодательство не содержит каких-либо ограничений в отношении допустимых расходов: их перечень открыт, и налогоплательщик вправе учитывать любые расходы, отвечающие основополагающим требованиям [21, с. 20]. Именно такой подход позволяет учитывать понесенные расходы, связанные с осуществлением операций с криптоактивами, несмотря на отсутствие специального регулирования в отношении таких операций.

Другим не менее интересным вопросом, связанным с налогообложением операций с криптоактивами, с точки зрения регулирования налога на прибыль организаций является проблема определения момента возникновения дохода и расхода, так как система налога на прибыль позволяет вести учет двумя методами: кассовым методом (ст. 273 НК РФ) и методом начисления (ст. 271, 272 НК РФ).

В положения НК РФ, регулирующие применение кассового метода, не вносились изменения в части установления порядка учета расходов при совершении операций с криптоактивами. Данное реше-

⁵ Письмо Минфина России от 11 ноября 2022 г. № 03-04-09/109862.

⁶ Письмо ФНС России от 11 августа 2023 г. № БВ-4-7/10353@.

⁷ Приказ Минфина России от 6 мая 1999 г. № 32н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99».

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 18 декабря 2019 г. по делу № А34-13859/2018; Постановление Президиума ВАС РФ от 18 февраля 2014 г. по делу № А75-9013/2012.

ние в целом обосновано, так как кассовый метод предполагает использование механизма, аналогичного НДС, который заключается в том, что доходы и расходы возникают в момент фактического возникновения и несения соответственно, что закреплено в п. 3 ст. 273 НК РФ.

Однако использование метода начисления существенно осложняет ситуацию при совершении операций с криптоактивами, так как при применении этого метода доходы признаются в том отчетном периоде, в котором они имели место, независимо от фактического поступления денежных средств в соответствии с п. 1 ст. 271 НК РФ.

Помимо этого общего положения ст. 271 НК РФ содержит и специальные нормы в отношении порядка учета доходов в результате осуществления операций с криптоактивами (п. 3.1, пп. 16 и 17 п. 4). Посредством этих норм законодатель разграничивает доходы юридических лиц, которые получают доходы от операций с криптоактивами, в зависимости от роли, которую они осуществляют: выпускают такие активы или являются их обладателями.

Расходы признаются таковыми в том отчетном (налоговом) периоде, к которому они относятся, независимо от времени фактической выплаты денежных средств в соответствии с п. 1 ст. 272 НК РФ. Более того, данный метод требует установления связи между полученным доходом и произведенным расходом. При этом, как и в случае с доходами, п. 5.3 ст. 272 НК РФ закрепляет специальный порядок признания расходов. Также установлен особый порядок учета расходов в зависимости от роли лица.

Налоговая база по операциям с криптоактивами также представляет собой положительный финансовый результат и рассчитывается на основании п. 22 ст. 274 и ст. 282.2 НК РФ. Ключевая особенность определения налоговой базы заключается в том, что налогоплательщик должен учитывать доходы и расходы по операциям с криптоактивами в различных налоговых базах в зависимости от вида такого актива. В частности, криптоактивы подлежат отнесению к налоговой базе по операциям с необращающимися ценными бумагами и необращающимися производными финансовыми инструментами отдельно от общей налоговой базы. При этом в случае если выкуп таких активов предполагает передачу товаров, работ или услуг, то финансовые результаты по таким операциям подлежат учету в общей налоговой базе.

Отдельно следует отметить и то, что при получении квазидивидендных выплат доход налогопла-

тельщика облагается по ставке 13 % в соответствии со ст. 284 НК РФ. Данное обстоятельство подчеркивает, что законодатель не выделяет криптоактивы в качестве особого объекта, но создает специальное регулирование для приближения криптоактивов к порядку налогообложения традиционных активов, как акции или облигации [22, с. 58].

Таким образом, операции, связанные с криптоактивами, подлежат налогообложению как в соответствии со специальными правилами, разработанными исключительно для криптоактивов, так и в соответствии с общими правилами налогообложения прибыли юридических лиц. При этом порядок налогообложения криптоактивов существенным образом не отличается от традиционных правил налогообложения.

5. Заключение

Согласимся с представленным в литературе мнением о том, что «длительная и противоречивая история регулирования рынка криптовалют обусловлена угрозами для финансовой стабильности Российской Федерации» [23, с. 11]. Разработка и совершенствование правил налогообложения криптоактивов представляются важными с точки зрения обеспечения налоговой безопасности государства в контексте ответов на вызовы цифровой экономики.

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

- порядок налогообложения операций с криптоактивами регулируется как общими положениями НК РФ, которые не утрачивают своего значения в контексте налогообложения операций с криптоактивами [24, с. 43], так и специальными нормами, которые были созданы исключительно для целей налогообложения операций с криптоактивами;

- нормы налогового законодательства о налогообложении криптоактивов соотносятся с существующими подходами к налогообложению традиционных инструментов (ценных бумаг, договоров купли-продажи и т. д.);

- законодатель закрепил упрощенную систему классификации криптоактивов, предложив порядок налогообложения только для тех явлений, которые наиболее приближены к традиционным финансовым инструментам, оставив неурегулированными прочие виды криптоактивов, такие как *NFT* или платежные токены, которые также распространены и представляют собой существенную долю рынка криптоактивов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перетолчин А. П. Генезис и перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации / А. П. Перетолчин // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2023. – Т. 1, № 3. – С. 752–774. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.33.
2. Халикова С. М. Налоговые аспекты оборота цифровых прав в Российской Федерации / С. М. Халикова, Т. Р. Хамидуллин // *Вопросы российской юстиции*. – 2023. – № 24. – С. 510–523.
3. Радхи А. К. Р. Формирование подразделения финансовой разведки для целей налогообложения операций с криптовалютой в Российской Федерации / А. К. Р. Радхи, М. И. Львова // *Естественно-гуманитарные исследования*. – 2023. – № 3. – С. 331–338.
4. Титоренко С. К. Правовое регулирование налогообложения оборота криптовалют: сравнительно-правовое исследование налогово-правового регулирования Республики Индия и Российской Федерации / С. К. Титоренко // *Право и политика*. – 2023. – № 1. – С. 41–47. – DOI: 10.7256/2454-0706.2023.1.39703.
5. Зарипов В. М. Понятие и структура налоговой льготы / В. М. Зарипов // *Налоговед*. – 2012. – № 10. – С. 18–27.
6. Пепеляев С. Г. Налогово-правовое понятие дохода / С. Г. Пепеляев // *Налоговед*. – 2014. – № 11. – С. 14–25.
7. Васильева Н. В. Доход как категория финансового права / Н. В. Васильева // *Налоги и финансовое право*. – 2015. – № 5. – С. 13–18.
8. Ахметшин Р. И. Понятие дохода: проблемы правоприменения / Р. И. Ахметшин // *Налоговед*. – 2010. – № 3. – С. 58–67.
9. Невзгодина Е. Л. Договор мены недвижимости и преимущественное право покупки / Е. Л. Невзгодина // *Вестник Омского университета*. – 2005. – № 3. – С. 106–108.
10. Камышанский В. П. О цифровых финансовых активах / В. П. Камышанский // *Власть закона*. – 2019. – № 4. – С. 13–18.
11. Кучеров И. И. Налоговые последствия использования альтернативных платежных средств (теоретико-правовые аспекты) / И. И. Кучеров, И. А. Хаванова // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2017. – Вып. 1 (35). – С. 66–72. – DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-66-72.
12. Малкова Ю. В. К вопросу о налогообложении криптовалюты и цифровых активов: российский и зарубежный опыт / Ю. В. Малкова, А. В. Тихонова // *Экономика. Налоги. Право*. – 2020. – № 5. – С. 141–153.
13. Титоренко С. К. Правовое регулирование налогообложения доходов физических лиц по операциям с цифровыми правами (криптовалютами) / С. К. Титоренко // *Налоги и налогообложение*. – 2023. – № 2. – С. 33–44. – DOI: 10.7256/2454-065X.2023.2.40517.
14. Качур О. В. О цифровом налоге в глобальной экономике / О. В. Качур // *Современная экономика: проблемы и решения*. – 2022. – Т. 8. – С. 135–147. – DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2022/8/135-147.
15. Искандарян Т. А. Налоговое регулирование в сфере цифровой валюты в РФ / Т. А. Искандарян // *Молодежь, наука, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации* : сб. ст. IV Междунар. науч. конф. : в 2 ч. – Пенза : Наука и Просвещение, 2021. – Ч. 1. – С. 239–241.
16. Иванова Н. А. Особенности применения цифровых финансовых активов и цифровой валюты в современных условиях / Н. А. Иванова, А. А. Дворянчикова // *Транспортное дело России*. – 2023. – № 1. – С. 58–61. – DOI: 10.52375/20728689_2023_1_58.
17. Драгунова А. Д. Бухгалтерский и налоговый учет финансовых результатов: сходство и отличие / А. Д. Драгунова // *Социально-экономические и гуманитарные науки* : сб. избр. ст. по материалам междунар. науч. конф. – СПб. : Нацразвитие, 2020. – С. 116–120.
18. Еременко Е. А. К вопросу об определении дохода по российскому налоговому праву / Е. А. Еременко // *Налоговед*. – 2014. – № 8. – С. 18–21.
19. Тахтомысова Д. А. Налоговый учет материальных расходов / Д. А. Тахтомысова // *Современные инновации социально-экономических систем* : материалы научно-практической конференции с международным участием. – Саратов : Амирит, 2022. – С. 118–120.
20. Турдиев Д. А. Модели учета финансовых результатов и их влияние на показатели эффективности деятельности / Д. А. Турдиев, Т. К. Медведская // *Достижения науки и образования*. – 2019. – № 10. – С. 4–7.

21. Синельников-Мурылев С. Г. Цифровизация налогового администрирования в России: возможности и риски / С. Г. Синельников-Мурылев, Н. С. Милоголов, А. Б. Берберов // Экономическая политика. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 8–33. – DOI: 10.18288/1994-5124-2022-2-8-33.
22. Безручкин Е. А. К вопросу о государственной политике в области инвестирования и налогообложении / Е. А. Безручкин, О. Н. Васильева // Legal Bulletin. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 52–63.
23. Староверова О. В. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты / О. В. Староверова // Цивилист. – 2022. – № 3 (39). – С. 6–15.
24. Хаванова И. А. Экономическое основание налога как принцип «надзаконного» значения / И. А. Хаванова // Налоги. – 2013. – № 5. – С. 42–45.

REFERENCES

1. Peretolchin A.P. Genesis and Prospects of Development of Legal Regulation of Digital Financial Assets in the Russian Federation. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol. 1, no. 3, pp. 752–774. DOI: 10.21202/jdtl.2023.33.
2. Khalikova S., Khamidullin T. Tax aspects of digital rights circulation in the Russian Federation. *Voprosy rossiskoi yustitsii*, 2023, no. 24, pp. 510–523. (In Russ.).
3. Radhi A.K.R., Lvova M.I. Of taxation of cryptocurrency transactions in the Russian Federation. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*, 2023, no. 3, pp. 331–338. (In Russ.).
4. Titorenko S.K. Legal regulation of taxation of cryptocurrency turnover: a comparative legal study of the tax and legal regulation of the Republic of India and the Russian Federation. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2023, no. 1, pp. 41–47. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.1.39703. (In Russ.).
5. Zaripov V.M. The concept and structure of tax benefits. *Nalogoved*, 2012, no. 10, pp. 18–27. (In Russ.).
6. Pepelyaev S.G. Tax and legal concept of income. *Nalogoved*, 2014, no. 11, pp. 14–25. (In Russ.).
7. Vasil'eva N.V. Income as a category of financial law. *Nalogi i finansovoe pravo = Taxes and financial law*, 2015, no. 5, pp. 13–18. (In Russ.).
8. Akhmetshin R.I. The concept of income: problems of law enforcement. *Nalogoved*, 2010, no. 3, pp. 58–67. (In Russ.).
9. Nevzgodina E.L. Real estate barter agreement and pre-emptive right of purchase. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2005, no. 3, pp. 106–108. (In Russ.).
10. Kamyshansky V.P. Digital rights in Russian civil law. *Vlast' zakona*, 2019, no. 4, pp. 13–18. (In Russ.).
11. Kucherov I.I., Khavanova I.A. Tax Consequences of Using Alternative Means of Payment (Theoretical and Legal Aspects). *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2017, iss. 1 (35), pp. 66–72. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-66-72. (In Russ.).
12. Malkova Y.V., Tichkonova A.V. To the Question on Taxation of Cryptocurrencies and Digital Assets: Russian and Foreign Experience. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*, 2020, no. 5, pp. 141–153. (In Russ.).
13. Titorenko S.K. Legal regulation of income taxation of individuals on transactions with digital rights (cryptocurrencies). *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and Taxation*, 2023, no. 2, pp. 33–44. DOI: 10.7256/2454-065X.2023.2.40517. (In Russ.).
14. Kachur O.V. About digital tax in the global economy. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern economics: problems and solutions*, 2022, vol. 8, pp. 135–147. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2022/8/135-147. (In Russ.).
15. Iskandaryan T.A. Tax regulation in the field of digital currency in the Russian Federation. *Molodezh', nauka, obrazovanie: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii*, Collection of articles of IV International scientific and practical conference, in 2 parts, Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2021, pt. 1, pp. 239–241. (In Russ.).
16. Ivanova N., Dvoryanchikova A. Features of digital assets and digital currencies in modern conditions. *Transportnoe delo Rossii = Transport business in Russia*, 2023, no. 1, pp. 58–61. DOI: 10.52375/20728689_2023_1_58. (In Russ.).
17. Dragunova A.D. Accounting and tax accounting of financial results: similarity and difference. *Sotsial'no-ekonomicheskie i gumanitarnye nauki*, Collection of selected articles on the proceeding of the International scientific conference, St. Petersburg, Natsrazvitie Publ., 2020, pp. 116–120. (In Russ.).

18. Eremenko E.A. On the issue of determining income under Russian tax law. *Nalogoved*, 2014, no. 8, pp. 18–21. (In Russ.).
19. Takhtomysova D.A. Tax accounting of material expenses. *Sovremennye innovatsii sotsial'no-ekonomicheskikh system*, Proceeding of the scientific and practical conference with international participation, Saratov, Amirit Publ., 2022, pp. 118–120. (In Russ.).
20. Turdiev D.A., Medvedskaya T.K. Comparative standard method of cost calculation and standard-cost method. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya*, 2019, no. 10, pp. 4–7. (In Russ.).
21. Sinelnikov-Murylev S.G., Milogolov N.S., Berberov A.B. Digitalization of Tax Administration in Russia: Opportunities and Risks. *Ekonomicheskaya politika*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 8–33. DOI: 10.18288/1994-5124-2022-2-8-33. (In Russ.).
22. Bezruchkin E.A., Vasilyeva O.N. On the issue of state policy in the field of investment and taxation. *Legal Bulletin*, 2022, no. 1, pp. 52–63. (In Russ.).
23. Staroverova O.V. Legal regulation of digital financial assets and digital currency. *Tsivilist*, 2022, no. 3, pp. 6–15. (In Russ.).
24. Khavanova I.A. Economic ground for a tax as a principle of extralegal significance. *Nalogi = Taxes*, 2013, no. 5, pp. 42–45. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пономарева Карина Александровна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации
127006, Россия, г. Москва, Настасьинский пер., 3/2
E-mail: kponomareva@nifi.ru
ORCID: 0000-0002-2951-3067
ResearcherID: N-7562-2016

Симонов Андрей Олегович – ¹эксперт Центра налоговой политики, ²аспирант факультета права
¹ Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации
² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
¹ 127006, Россия, г. Москва, Настасьинский пер., 3/2
² 109028, Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., 3
E-mail: aosimonov@hse.ru
ORCID: 0000-0001-6590-6856
ResearcherID: JFS-9280-2023

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пономарева К.А. Налогообложение операций с цифровыми финансовыми активами в контексте классических правил налогообложения / К.А. Пономарева, А.О. Симонов // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 35–44. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).35-44.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karina A. Ponomareva – Doctor of Law, Associate Professor; Leading academic researcher, Center of Tax Policy
Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation
3/2, Nastas'inskii per., Moscow, 127006, Russia
E-mail: kponomareva@nifi.ru
ORCID: 0000-0002-2951-3067
ResearcherID: N-7562-2016

Andey O. Simonov – ¹Expert, Center of Tax Policy; ²Postgraduate student, Faculty of Law
¹ *Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation*
² *HSE University*
¹ 3/2, Nastas'inskii per., Moscow, 127006, Russia
² 3, Bol'shoi Trekhsvyatitel'skii per., Moscow, 109028, Russia
E-mail: aosimonov@hse.ru
ORCID: 0000-0001-6590-6856
ResearcherID: JFS-9280-2023

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ponomareva K.A., Simonov A.O. Taxation of digital financial assets in the context of classical rules of taxation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 35–44. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).35-44. (In Russ.).

ИНТЕГРАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НАЛОГОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Д.Г. Бачурин

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
27 октября 2022 г.
Дата принятия в печать –
10 октября 2023 г.
Дата онлайн-размещения –
20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Гармонизация налогового
законодательства, НДС,
Европейский Союз, ЕАЭС,
наднациональное налоговое
законодательство, уклонение от
уплаты налогов, налоговое
мошенничество

Рассматриваются нормы налогового и уголовного законодательства ЕС, опыт применения которых в перспективе может быть востребован в процессе интеграции систем правового регулирования государств ЕАЭС при разработке вопросов противодействия налоговым преступлениям. Исследование показывает, что при условии тщательного предварительного анализа и практической проверки успешные решения в сфере борьбы с уклонением от уплаты налогов и налоговыми мошенничествами, принятые в одних юрисдикциях, могут быть использованы для совершенствования законодательных положений других государств.

INTEGRATION OF LEGISLATION ON COUNTERING TAX CRIMES IN THE EU: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Dmitry G. Bachurin

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Article info

Received –
2022 October 27
Accepted –
2023 October 10
Available online –
2023 December 20

Keywords

Harmonization of tax legislation,
VAT, European Union, EAEU,
supranational tax legislation,
tax evasion, tax fraud

The subject. The article examines the norms of the current tax and criminal legislation of the EU, the experience of which in the future may be in demand in the process of integrating the legal regulation systems of the EAEU states when developing issues of countering tax crimes. The subject of the article is to analyze the problems of: methodology of tax crime research in the EU and data sampling criteria; integration of national tax systems; definition of tax crime in the EU; spread of VAT fraud.

Modern law enforcement practice is analyzed using the system-logical method, which indicates the complication of forms of tax evasion and concealment of actual financial and economic transactions.

The main results. It is noted that the need for effective law enforcement to ensure the financial stability of states, to counteract distortions of competition resulting from tax evasion is due to the organized and highly structured nature of a significant part of tax crimes, the expansion of the scale of cross-border tax crimes involving foreign elements. The European legislation does not contain a definition of a tax offense as such, but contains a list of types of behavior with specific descriptions of prohibited behavior. It seems that national legislators deliberately preserve a certain amount of ambiguity between prohibited and permitted tax evasion, offering a broad definition of tax evasion, since narrow specifics in the definition of such offenses can lead to undesirable impunity, exclude a flexible approach in responding to changes in this area of legal relations.

As a result of the application of the formal legal approach and comparative analysis, conclusions were obtained that, subject to careful preliminary research and practical verification, successful decisions in the field of combating tax evasion and tax fraud adopted in some jurisdictions can be used to improve the legislative provisions of other states.

1. Введение

Действующая более 30 лет налогово-бюджетная система Российской Федерации нацелена на преимущественное обложение оборотов хозяйственной деятельности. Это ведет к непропорциональному распределению налогового бремени между различными сферами народного хозяйства, фискальному поощрению торговли и финансов, сдерживанию промышленного производства, что, в свою очередь, провоцирует отток средств не только в торгово-финансовый, но и в теневой сектор, стимулируя рост налоговых нарушений и связанной с ними экономической и коррупционной преступности.

Зарубежные авторы указывают, что такое положение имеет широкое распространение. Связи между коррупцией и теневой экономикой отмечаются в государствах – членах Европейского Союза (далее также – Союз, ЕС) [1, р. 19], особенно в странах с «постпереходной» экономикой [2]. В частности, в Греции теневая экономика считается лишь атрибутом коррупции [3].

С одной стороны, логика длительного сближения с Западом ориентирует российскую налоговую систему на налоговое законодательство Европейского Союза (в особенности это заметно на примере правового регулирования налогообложения добавленной стоимости) и тем самым предопределяет использование европейских правил не только в национальном законодательстве и конституционно-правовой оценке его положений, но и текущем судебном правоприменении.

В частности, Конституционный Суд РФ обращается к п. 62 Постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Булвес АД» (*Bulves AD*) против Болгарии¹, аргументируя в своем определении² возможность ограничения федеральным законом права владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности. Ранее к положениям данного постановления апеллирует Арбитражный суд г. Москвы, обосновывая свое решение от 4 августа 2016 г. по делу № А40-189785/2015³.

С другой стороны, негативные тенденции, имеющие место в российской экономике, задачи развития интеграционного пространства Евразийского

экономического союза (далее – ЕАЭС) [4] в условиях правовой неурегулированности в сфере налогообложения, а также необходимость выстраивания более оптимальных структур экономических отношений в рамках группы БРИКС требуют всестороннего осмысления.

В данном контексте имеют значение сведения об опыте противодействия налоговой преступности и правоприменительных практиках в Европейском Союзе, объединяющем в 2023 г. 27 государств.

Самостоятельной ценностью может стать знание о возможностях современного государства в борьбе с налоговыми преступлениями; комплексах мер для решения проблем, предпринимаемых на правовом, политическом и организационном уровнях против международных криминальных сообществ. Данные обстоятельства определяют тематику предлагаемого исследования.

2. Современные исследования налоговой преступности в Европейском Союзе: методология, критерии выборки и характеристики данных

Формирование государственной политики в любой сфере отношений, а тем более в сфере налогово-бюджетного перераспределения создаваемого в обществе материального блага и его правовой защиты, требует напряженной и систематически осуществляемой деятельности по критическому переосмыслению норм права в контексте экономических, социальных, политических и цивилизационных факторов, в совокупности обуславливающих конкретный исторический фон такого распределения.

К исследованиям, проводимым с целью выработки эффективных мер противодействия налоговым преступлениям, в полной мере можно отнести слова Р. Иеринга о том, что право есть непрерывная работа, и не только исключительная работа государственной власти, но и каждого индивидуума, который принимает участие в этой национальной работе, приносит свою лепту для осуществления правовой идеи. Он пишет: «Высшая задача состоит в том, чтобы найти границы и установить равновесие между отдельными лицами и общественными группами, которые над ними возвышаются» [5, s. 25]. Поэтому не случайно, что европейские исследователи выбирают комплексно-системный подход, позволяющий

¹ Постановление Европейского Суда по Правам Человека от 22 января 2009 г. «Дело “Булвес АД” (“Bulves” AD) против Болгарии» (жалоба № 3991/03).

² Определение Конституционного Суда РФ от 4 июля 2017 г. № 1440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению

жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247–249 и 274 НК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/RvYsgNw0BT5v/>.

решать задачи выявления элементов, внутренних взаимосвязей и качественных характеристик широкой географии налоговых преступлений.

Рассматриваемые ими случаи налоговых преступлений подбираются по следующим критериям: корпоративное участие; значительный ущерб – более 500 тыс. евро; доступность информации по судебным решениям; транснациональный и трансграничный аспект; вовлечение широкого круга действующих лиц (профессиональных посредников); привлечение внимания общественности и средств массовой информации [6].

Исследования налоговых преступлений [7], которые позволяют глубже понять специфику национальных налоговых режимов, имеющую значение в контексте предупреждения, административного противодействия и судебного преследования налоговой преступности, проводятся на материалах наиболее значимых государств – членов ЕС. Наибольшее внимание исследователи уделяют следующим характеристикам:

(1) правовая база налогообложения и ее применимость для разрешения налогового конфликта без возбуждения судебного преследования (например, путем соглашения об отсрочке судебного преследования);

(2) определение налогового преступления в национальном законодательстве;

(3) наличие юридической концепция корпоративной ответственности и ее применимость к налоговым преступлениям; виды деятельности, подверженные корпоративным налоговым преступлениям, и виды налоговых преступлений, связанных с корпоративным сектором;

(4) правовые нормы, используемые для судебного преследования за налоговые преступления, и наличие в законодательстве досудебного признания вины;

(5) пороговые значения уголовной ответственности за налоговые преступления;

(6) диапазон санкций при вынесении приговоров за наиболее распространенные виды налоговых преступлений;

(7) лица и организации, ответственные за правоприменение и судебное преследование за налоговые преступления;

(8) основные проблемы в судебном преследовании за налоговые преступления и применяемый тип судебного преследования (гражданский или уголовный);

(9) роль профессиональных посредников в налоговых преступлениях;

(10) регулирование сотрудничества между различными уполномоченными органами и публикация статистических данных, измеряющая их эффективность (количество вынесенных обвинительных приговоров, количество дел, информация возвращенных активах);

(11) роль информирования и разведывательной информации, предоставляемой «изнутри» (правовой статус информатора).

3. Вопрос о методе интеграции систем правового регулирования: унификация или гармонизация

Вопрос о методе сближения правовых систем налогообложения национальных государств, на наш взгляд, напрямую зависит от способа их формирования. В том случае, если в первую очередь создается наднациональное правовое регулирование, то вполне логична унификация, когда примерно равные по экономическому положению участники союза выстраивают свое национальное законодательство с целью достижения полного единства по существу и деталям.

Примером в данном случае может ныне служить наднациональная система правового регулирования налогообложения добавленной стоимости государств – участников Совета сотрудничества стран Персидского залива (далее – СССПЗ) [8]. Ее основу разрабатывает Комитет финансово-экономического сотрудничества СССПЗ в виде Конвенции⁴ о налоге на добавленную стоимость по основной ставке в размере 5 %, которую 24 июля 2016 г. подписывают Объединенные Арабские Эмираты, Королевство Бахрейн, Королевство Саудовская Аравия, Султанат Оман, Государство Катар и Государство Кувейт.

В случае ЕАЭС, когда государства-члены имеют существенным образом различающиеся между собой системы налогообложения, их сближение возможно на основе целенаправленной гармонизации норм национального законодательства. В связи с этим вызывает интерес анализ европейского опыта

⁴ Единое соглашение по НДС для стран Совета сотрудничества стран Персидского залива // Умм аль-Кура. 2016. № 4667 от 24.07.1438 Аль-Хаджри. (На араб. яз.)

выстраивания единой системы НДС, который позволяет всесторонне осмыслить сложности проблемного и многотрудного процесса гармонизации налогообложения добавленной стоимости.

Многолетние усилия европейского законодателя за период с момента принятия первой директивы Совета ЕС от 11 апреля 1967 г. № 67/227/ЕЕС «О гармонизации законодательства государств-членов относительно налогов с оборота»⁵, который устанавливает порядок имплементации и общие принципы НДС, до сих пор не достигают цели эффективной интеграции правового регулирования НДС.

В целом идея европейского НДС состоит в экономико-правовом воздействии на сложную систему общественных отношений с целью умножения общего блага на основе согласования интересов различных социальных групп. До тех пор, пока в экономически развитых странах ЕС фискальная функция НДС не рассматривалась в качестве доминирующей, а выступала лишь в качестве обеспечительной составляющей налогово-бюджетного регулирования, управляющие элиты примирялись с многочисленными изъятиями в самой конструкции НДС, а также с высоким уровнем налогового уклонения и налогового мошенничества. Однако под влиянием турбулентного обострения экономической ситуации в последние годы фискальные задачи вновь становятся доминирующими [9, р. 75–76], а борьба с уклонением от уплаты налогов выступает главным политическим вызовом в государствах ЕС. Эффективность такой борьбы находится в прямой зависимости от степени интеграции налогового и уголовного законодательства государств, национальные хозяйства которых тесно взаимодействуют в рамках общего экономического пространства.

В Евросоюзе до сих пор не сложилось общих правил борьбы с уклонением от уплаты налогов, в отличие от других экономических преступлений [10, р. 527], таких как отмывание денег [11, р. 815], коррупция и организованная преступность [12].

Неспособность 27 государств – членов ЕС эффективно бороться с налоговыми преступлениями из-за разных юридических и институциональных рамок объективно затрудняет трансграничное сотрудничество между национальными органами власти и может привести к возникновению очагов безнаказанности в отдельных регионах ЕС. Недостатки пра-

вового регулирования одной юрисдикции создают риски для всего Союза.

Выбирая средства противодействия налоговой преступности, брюссельская бюрократия отдает явное преимущество не унификации, а гармонизации [13, с. 32; 14, р. 385], представляющей собой процесс постепенного сближения различных национальных уголовных норм с целью устранения противоречий и повышения их согласованности [15, р. 149].

4. Налоговые преступления в ЕС: характерные черты и национальные особенности в определении понятия

Государства при осуществлении уголовной политики в области налогообложения исторически определяют уклонение от уплаты налогов и оценивают последствия их совершения с помощью чрезвычайно разнообразных правовых подходов и инструментов [16]. Однако универсального или общепринятого в ЕС определения не существует.

Закон о налоговых преступлениях должен соответствовать принципу законности и вытекающим из него последствиям, которые признаются в государствах ЕС. При этом определение налоговых правонарушений должно отражать современную деловую практику, быть точным и недвусмысленным, чтобы каждый мог уяснить их значение и соответствующим образом направлять свои действия.

В некоторых юрисдикциях (например, в Италии) нормативные конструкции налоговых преступлений сложны для понимания обычным гражданином. Кроме того, сами определения налоговых преступлений в праве государств ЕС имеют различное содержание, что вызывает объективные трудности при сравнении и квалификации налоговых правонарушений в различных национальных системах законодательства, сами структуры налоговых нарушений существенно различаются.

Налоговый кодекс (*Abgabenordnung*; далее – НК) Германии является основным налоговым законом ФРГ, направленным на борьбу с налоговыми преступлениями. Его ст. 369 гласит, что налоговые преступления включают в себя следующее: деяния, которые наказуемы в соответствии с налоговым законодательством; незаконный импорт, экспорт или транзит товаров; подделка налоговых марок или подготовительные к этому действия, если это деяние касается налоговых марок; пособничество лицу, совершившему деяние, предусмотренное первым и третьим вышеука-

⁵ First Council Directive 67/227/EEC of 11 April 1967 on the harmonization of legislation of Member State concerning

turnover taxes // Official Journal of the European Communities. 1967. 14 Apr. P. 1301–1303.

занными преступлениями. Основным налоговым преступлением является уклонение от уплаты налогов, закрепленное в ст. 370.149 НК Германии.

Общий налоговый кодекс Франции (*Code Général des Impôts, CGI*) в ст. 1741 содержит определение налогового преступления, которое предусматривает, что любой, кто мошенническим путем и преднамеренно пытался уклониться от уплаты налогов, считается виновным независимо от средств, использованных с этой целью.

Французское законодательство предусматривает конфискацию и возвращение активов, связанных с налоговыми преступлениями. Положения Уголовно-процессуального кодекса 1958 г. (*Code de Procédure Pénale, CPP*) устанавливают применение восстановительных процедур в виде конфискации без вынесения обвинительного приговора или на его основании⁶. Налоговое преступление карается штрафом в размере до 500 000 евро и тюремным заключением на срок до пяти лет. Санкции могут достигать 3 млн евро вместе с семилетним тюремным заключением, если преступление было совершено в составе организованной группы.

С 2005 г. в соответствии со ст. 121/2 Уголовного кодекса Франции юридические лица могут быть привлечены к корпоративной уголовной ответственности за любое преступное нарушение французского законодательства. В данном случае следует указать, что применение корпоративной уголовной ответственности не является общим правилом. Например, концепции корпоративной ответственности не существует в Германии⁷.

В законодательстве европейских стран существует консенсус в том, что налоговое правонарушение может быть совершено как минимум с косвенным умыслом. Особое место занимает Австрия, где предусмотрена уголовная ответственность за небрежное уменьшение налогов (§ 34 Закона о финансовых правонарушениях (*Finanzstrafgesetz, FinStrG*)). Тем не менее максимальное наказание относительно невелико – штраф в размере не более суммы такой недоимки.

В Германии простой небрежности нарушителя недостаточно. Для уголовно-правовой квалификации нарушения налогового порядка необхо-

димо признание поведения налогоплательщика легкомысленным (§ 378–381 НК Германии). В остальных государствах ЕС (например, в Испании) небрежное уменьшение налогов рассматривается как административное правонарушение.

В Финляндии налоговое преступление определяется в соответствии с п. 1 раздела 4 гл. 29 Уголовного кодекса 1996 г.: «Лицо, которое с целью получения финансовой выгоды для себя или другого лица не выплачивает своевременно один из следующих платежей по причине, отличной от неплатежеспособности или приостановления платежей, наложенных судом: (1) удерживаемый налог, налог у источника или транспортный налог; (2) налог с оборота, рассчитанный за календарный месяц, или налог, подлежащий уплате с определенных страховых взносов; (3) налог на добавленную стоимость; (4) взнос работодателя на социальное страхование подлежит взысканию за налоговое нарушение, если только это деяние не карается как налоговое мошенничество».

Вместе с тем п. 2 раздела 4 уточняет, что небольшая ошибка, которая была устранена без промедления, не считается налоговым нарушением. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты небольших сумм налогов предусмотрена в государствах – членах ЕС скорее как исключение.

В некоторых странах нет конкретного определения преступного поведения, относящегося к налоговым преступлениям. Австрийская формулировка уклонения от уплаты налогов связывает снижение налогов с нарушениями налоговых обязательств, не раскрывая их понятия. Обязанности как таковые установлены налоговым законодательством. Раздел 33 (1) Закона о налоговых правонарушениях Австрии 1958 г. (*FOA*) гласит: «Виновным в уклонении от уплаты налогов является любое лицо, которое в нарушение налоговой обязанности по уведомлению, раскрытию информации или правдивости намеренно занижает налоги».

Составы налоговых правонарушений в ЕС могут включать положения, криминализирующие подстрекательство, пособничество и подстрекательский сговор, когда специалисты в области налогообложения, бухгалтерского учета и юриспруденции могут принимать участие в совершении правонарушений.

⁶ Ministère de la Justice, Guide for Asset Recovery in France <https://star.worldbank.org/sites/star/files/Guide-for-Asset-Recovery-in-France.pdf>.

⁷ Пункт 29а § 73 ff Закона об административных правонарушениях Германии, см.: Warmuth L. Zur Strafbarkeit von

Unternehmen «No body to kick, no soul to damn?» Das Beduerfnis einer echten Ungterenehmsstrafbarkeit in Deutschland // Iurratio. URL: <https://iurratio.de/journal/zur-strafbarkeit-von-unternehmen/>.

В отношении видов налогов, охватываемых налоговыми деликтами, анализ законодательства государств ЕС обнаруживает два подхода. Целостный – без различия между видами налогов при определении налогового правонарушения – и специальный, когда для различных видов налогов предусмотрены соответствующие составы правонарушений. В частности, в Австрии, Германии, Греции и Португалии не проводят различия между видами налогов, за исключением особого отношения к НДС. Италия и Мальта придерживаются второго подхода.

Штрафные санкции, налагаемые на налоговых правонарушителей, варьируются в зависимости от уровня их общественной опасности, которая зависит не только от суммы ущерба, но и от продолжительности и типа рассматриваемой преступной схемы. Максимальный срок заключения, применяемый в Европе, колеблется в диапазоне до двадцати пяти лет (Польша) или даже теоретически пожизненного заключения по общему праву Ирландии.

Принимая во внимание принцип соразмерности наказания, законодатель может также учитывать конкретные условия совершения преступления, субъективную сторону (намерение или мотив).

На квалификацию налоговых правонарушений также могут влиять отягчающие обстоятельства. Среди таковых выделяются: совершение деликта в коммерческих целях; действие в качестве члена банды; совершение насильственных действий; привлечение государственного служащего, особенно из налоговой или таможенной администрации; использование юридических лиц, созданных в налоговых убежищах; использование подставных физических и юридических лиц.

Рассмотренные примеры иллюстрируют различия в определениях и квалификации уклонения от уплаты налогов в разных странах.

Как правило, законодательство не содержит определения налогового преступления как такового, но содержит перечень видов поведения с конкретным описанием запрещенного поведения.

Представляется, что национальные законодатели сознательно сохраняют долю неоднозначности между запрещенным и разрешенным уклонением от уплаты налогов, предлагая широкое определение уклонения от уплаты налогов, так как узкая конкре-

тика в дефиниции таких правонарушений может привести к нежелательной безнаказанности, исключит гибкий подход в реагировании на изменения в данной сфере правоотношений.

5. Налоговые мошенничества в сфере НДС

Особым феноменом европейской налоговой преступности выступают мошенничества с НДС, возможность совершения которых тесно связана с самой конструкцией данного налога. В частности, на ней основаны действия налоговых преступников, применяющих «карусели» НДС [17, р. 183]. Криминальные схемы мошенничества с данным платежом получили широкое распространение после отмены в 1993 г. таможенных границ внутри ЕС и в условиях повышения налоговых ставок НДС [18, с. 23].

Обнажая суть проблемы НДС-мошенничеств, Еврокомиссия отмечает фундаментальную причину его регулирования: «Он фрагментирован и чрезмерно сложен для растущего числа предприятий, действующих на трансграничных рынках, и оставляет дверь открытой для мошенничества»⁸. В условиях затяжного финансового кризиса порочность правового механизма налогообложения добавленной стоимости существенно обостряет риск злоупотреблений с НДС, подвигая европейскую бюрократию к принятию экстренных мер. Об этом высказывается комиссар ЕС по экономическим и налоговым вопросам П. Московичи, комментируя необходимость реформы НДС: «Государства-члены не должны соглашаться со столь шокирующей потерей доходов от НДС. Наша реформа может сократить трансграничное мошенничество с НДС на 80 % и получить крайне необходимые деньги обратно в казну государства-члена»⁹.

Компенсация методологического несовершенства НДС достигается за счет расширения информационной компетенции государственного контроля и снижения уровня защиты информации об экономических агентах. Неслучайно Европейская комиссия рассматривает существующее правовое регулирование НДС в качестве «переходной системы, которая не может идти в ногу с вызовами современной глобальной, цифровой и мобильной экономики»¹⁰ и несет высокие потери от преступных злоупотреблений.

⁸ European Commission proposes far-reaching reform of the EU VAT system: Press release. Brussels, 4 October 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_3443 (дата обращения: 01.10.2022.).

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

Оценивая бюджетные потери НДС, понесенные европейскими странами в 2010-е гг., Еврокомиссия отмечает, что ощутимого улучшения в борьбе с НДС-мошенничествами не достигнуто. «Разрыв НДС» в виде разницы между расчетным сбором налога и фактическим поступлением НДС в Евросоюзе по-прежнему очень велик – 170 млрд евро в 2013 г.¹¹, 152 млрд евро в 2015 г.¹² В дальнейшем принимаемые меры привели к некоторому снижению потерь. По заявлению Еврокомиссии 2021 г., доходы, потерянные в 2019 г. в результате мошенничества и уклонения от уплаты НДС, составили 134 млрд евро¹³. При этом трансграничное мошенничество НДС ежегодно наносит ущерб в размере 50 млрд евро.

Анализируя незаконные финансовые потоки, Алекс Кобхэм и Петр Янский утверждают, что налоговые преступления и теневые денежные потоки лишают правительства необходимых им доходов [19], способствуя несправедливому распределению ресурсов и провоцируя на другие финансовые преступления. Однако предпринимаемые до сих пор меры, включающие (1) обмен информацией и сотрудничество; (2) развитие потенциала налоговых органов; (3) повышение прозрачности и гармонизации налоговых систем, явно не соответствуют масштабам трансграничных налоговых мошенничеств [20].

Расширению проблемных зон в правовом регламентировании НДС, в частности, способствует перевод основных массивов коммерческих сделок в поле электронной торговли; резкое увеличение скорости проведения банковских транзакций; противоречивость и асимметричность налогового законодательства в различных юрисдикциях. Отмеченные факты позволяют сделать вывод о том, что НДС-мошенничества в ЕС легко пересекают государственные границы и проникают во всё новые сферы коммерческой деятельности, тесно связаны с незаконными денежными операциями [21].

Важный поворот в фискальной политике Европейского Союза наступил в 2017 г., когда борьба с мошенничеством, затрагивающим его финансовые интересы, перешла в стадию интенсификации мер противодействия преступлениям в области налого-

обложения (чему мешает отсутствие общего кодекса уголовного права ЕС) [22, р. 87].

В частности, ст. 3 Директивы (ЕС) 2017/1371 Европейского парламента и Совета ЕС от 5 июля 2017 г. «О борьбе с мошенничеством, затрагивающим финансовые интересы Союза, посредством уголовного права» содержит правило о том, что государства должны криминализовать и эффективно наказывать мошенничество, совершенное умышленно в ущерб финансовым интересам Европейского Союза¹⁴. В документе разработано понятие организованного мошенничества с НДС для обозначения скоординированных действий в области налогообложения, характеризующихся определенным уровнем изощренности и направленных на получение финансовой выгоды в ущерб государственному бюджету [23, р. 245].

6. Заключение

Следует отметить, что сближение норм материального уголовного права в сфере налогообложения интенсифицировалось после вступления в силу 1 декабря 2009 г. положений Лиссабонского договора об организованной преступности в Европейском Союзе. Вместе с тем процесс европеизации борьбы с уклонением от уплаты налогов существенно ограничен компетенцией ЕС в налоговых и уголовных вопросах. Исследователи отмечают, что дефицит полномочий ЕС в сфере материального уголовного права ослабляет интеграцию уголовного правосудия, способствует сохранению значительных расхождений между нормами национальных законодательств [24; 25, р. 163].

Налоговые мошенничества и уклонение от уплаты налогов на национальном и трансграничном уровнях не только подрывают социальную сплоченность стран ЕС, но и существенным образом влияют на размер налогового дефицита общеевропейского бюджета и бюджета государств-членов, угрожая финансовой стабильности ЕС [26, р. 108].

Широкое распространение трансграничных налоговых преступлений, включая создание трастов и подставных компаний в различных юрисдикциях, а также взаимодействие между нарушителями зако-

¹¹ VAT Action Plan: Commission presents measures to modernise VAT in the EU: Press release. Brussels, 7 April 2016. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_16_1022 (дата обращения: 01.10.2022).

¹² Daily News 28 / 09 / 2017. Brussels, 28 September 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEX_17_3545 (дата обращения: 01.10.2022).

¹³ VAT Gap: EU countries lost €134 billion in VAT revenues in 2019. 2 December 2021. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/news/vat-gap-eu-countries-lost-eu134-billion-vat-revenues-2019-2021-12-02_en.

¹⁴ Directive (EU) 2017/1371 of the European Parliament and of the Council of 5 July 2017 on the fight against fraud to the Union's financial interests by means of criminal law [2017] OJ L198/ 29.

нодательства, требуют более тесного международного сотрудничества. Однако в реальности его осуществление сталкивается с рядом препятствий: (1) несовместимые организационные структуры и различные юридические стандарты; (2) отсутствие взаимного доверия и необходимых ресурсов; (3) отсутствие общего органа наднационального сотрудничества; (4) сохранение оффшорных юрисдикций с благоприятным законодательством в отношении секретности и соглашений об избегании двойного налогообложения.

Сравнительный анализ показывает, что успешные решения могут быть импортированы в другие юрисдикции. В частности, простые и точные определения налоговых преступлений и налоговых мошенничеств, принятые в одних юрисдикциях, при условии тщательного предварительного анализа и практической проверки могут быть применены при реформировании положений уголовного законодательных других государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Borlea S. N. Corruption, Shadow Economy and Economic Growth: An Empirical Survey across the European Union Countries / S. N. Borlea, M. V. Achim, M. G. Miron // *Studia Universitatis "Vasile Goldis" Arad – Economics Series*. – 2017. – Vol. 27, iss. 2. – P. 19–32.
2. Van Der Hoek P. Enlarging the European Union: Taxation and Corruption in the New Member States / P. Van Der Hoek // *Taxation and Public Finance in Transition and Developing Economies* / ed. R. W. McGee. – Springer, 2008. – P. 11–23.
3. Katsios S. The Shadow Economy and Corruption in Greece / S. Katsios // *South-Eastern Europe Journal of Economics*. – 2015. – Vol. 4, iss. 1. – P. 61–80.
4. Крохина Ю. А. Способы противодействия НДС-мошенничеству в Европейском Союзе и возможность их применения в наднациональном законодательстве ЕАЭС / Ю. А. Крохина // *Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит*. – 2020. – № 2. – С. 40–48.
5. Jhering R. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung / R. Jhering. – IV Aufl. – Druck und Verlag von Breitkopf und Hartel, 1878. – Bd. I. – 361 s.
6. Turksen U. Countering Tax Crime in the European Union: Benchmarking the OECD's Ten Global Principles / U. Turksen. – Oxford : Hart Publishing, 2021. – 290 p. – DOI: 10.5040/9781509937981.
7. Turksen U. Tax Crimes and Enforcement in the European Union. Solutions for Law, Policy and Practice / U. Turksen, D. Vozza, R. Kreissl, F. Rasmouki. – Oxford : Oxford University Press, 2023. – 353 p. – DOI: 10.1093/oso/9780192862341.001.0001.
8. Бачурин Д. Г. Конвенциональное правовое регулирование налогообложения добавленной стоимости государствами-участниками Совета сотрудничества стран Персидского залива / Д. Г. Бачурин // *Вестник Томского государственного университета*. – 2021. – № 464. – С. 232–238. – DOI: 10.17223/15617793/464/26.
9. Kiser E. Political Economy of Taxation / E. Kiser, S. M. Karceski // *Annual Review of Political Science*. – 2017. – Vol. 20. – P. 75–79.
10. Pieth M. The Harmonization of Law against Economic Crime / M. Pieth // *European Journal of Law Reform*. – 1999. – Vol. 1. – P. 527–545.
11. Hyttinen T. Justification of supranational criminal law – analysis of collective securitization in the EU-level harmonization of money laundering provisions / T. Hyttinen, S. Heinikoski // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. – 2019. – Vol. 26, iss. 6. – P. 815–832. – DOI: 10.1177/1023263X19879048.
12. Calderoni F. Organized Crime Legislation in the European Union: Harmonization and Approximation of Criminal Law, National Legislations and the EU Framework Decision on the Fight Against Organized Crime / F. Calderoni. – Springer, 2010. – XIV, 189 p. – DOI: 10.1007/978-3-642-04331-4.
13. Пономарева К. А. Гармонизация косвенных налогов в Европейском Союзе: общие положения / К. А. Пономарева // *Налоги*. – 2021. – № 5. – С. 32–36.
14. Gómez-Jara Díez C. Models for a System of European Criminal Law: Unification vs. Harmonisation / C. Gómez-Jara Díez // *New Journal of European Criminal Law*. – 2010. – Vol. 1. – P. 385–402. – DOI: 10.1177/203228441000100308.

15. Weyembergh A. The Functions of Approximation of Penal Legislation within the European Union / A. Weyembergh // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. – 2005. – Vol. 12, iss. 2. – P. 149–172. – DOI: 10.1177/1023263X0501200203.
16. Thirion E. Member States' Capacity to Fight Tax Crimes: Ex-Post Impact Assessment / E. Thirion, A. Scherrer. – EPRS, 2017. – 67 p.
17. Frunza M.-C. Missing Trader Fraud on the Emissions Market / M.-C. Frunza, D. Guegan, A. Lassoudiere // *Journal of Financial Crime*. – 2011. – Vol. 18, iss. 2. – P. 183–194.
18. Бачурин Д. Г. Противодействие преступлениям с НДС в Евросоюзе / Д. Г. Бачурин // *Финансовое право*. – 2017. – № 10. – С. 23–26.
19. Cobham A. Estimating Illicit Financial Flows: A Critical Guide to the Data, Methodologies, and Findings / A. Cobham, P. Janský. – Oxford University Press, 2020. – xiv, 209 p.
20. Turksen U. Countering Tax Crime in the European Union: Benchmarking the OECD's Ten Global Principles / U. Turksen. – Hart Publishing, 2021. – 309 p.
21. Forstater M. Illicit Financial Flows, Trade Misinvoicing, and Multinational Tax Avoidance: The Same or Different? : CGD Policy Paper 123 / M. Forstater. – Washington, DC : Center for Global Development, March 2018. – 33 p. – URL: <https://www.cgdev.org/publication/illicit-financial-flows-trade-misinvoicing-and-multinational-tax-avoidance>.
22. Delmas-Marty M. The European Union and Penal Law / M. Delmas-Marty. – *European Law Journal*. – 1998. – Vol. 4, iss. 1. – P. 87–115.
23. La Feria R. de. Tax Fraud and Selective Law Enforcement / R. de La Feria // *Journal of Law and Society*. – 2020. – Vol. 47, iss. 2. – P. 240–270.
24. Wilson G. Comparative Legal Scholarship / G. Wilson // *Research Methods for Law* / eds. M. McConville, Wing Hong Chui. – Edinburgh University Press, 2017. – P. 163–179.
25. Combating Fiscal Fraud and Empowering Regulators / eds. B. Unger, L. Rossel, J. Ferwerda. – Oxford University Press, 2021. – xxix, 338 p.
26. Perez F. M. Illicit Money Flows as Motives for FDI / F. M. Perez, J. C. Brada, Z. Drabek // *Journal of Comparative Economics*. – 2012. – Vol. 40, iss. 1. – P. 108–126.

REFERENCES

1. Borlea S.N., Achim M.V., Miron M.G. Corruption, Shadow Economy and Economic Growth: An Empirical Survey across the European Union Countries. *Studia Universitatis "Vasile Goldis" Arad – Economics Series*, 2017, vol. 27, iss. 2, pp. 19–32.
2. Van Der Hoek P. Enlarging the European Union: Taxation and Corruption in the New Member States, in: McGee R.W. (ed.). *Taxation and Public Finance in Transition and Developing Economies*, Springer Publ., 2008, pp. 11–23.
3. Katsios S. The Shadow Economy and Corruption in Greece. *South-Eastern Europe Journal of Economics*, 2015, vol. 4, iss. 1, pp. 61–80.
4. Krokhnina Yu.A. Ways to counteract VAT fraud in the European Union and the possibility of their application in the supranational legislation of the EAEU. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26. Gosudarstvennyi audit = Bulletin of Moscow University. Series 26. State Audit*, 2020, no. 2, pp. 40–48. (In Russ.).
5. Jhering R. *Geist des romischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung*, 4th ed., Vol. I. Breitkopf & Hartel Publ., 1878. 361 p. (In German).
6. Turksen U. *Countering Tax Crime in the European Union: Benchmarking the OECD's Ten Global Principles*. Oxford, Hart Publ., 2021. 290 p. DOI: 10.5040/9781509937981.
7. Turksen U., Voza D., Kreissl R., Rasmouki F. *Tax Crimes and Enforcement in the European Union. Solutions for Law, Policy and Practice*. Oxford, Oxford University Press, 2023. 353 p. DOI: 10.1093/oso/9780192862341.001.0001.
8. Bachurin D.G. Conventional Legal Regulation of Value-Added Taxation by the Member States of the Gulf Cooperation Council. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2021, no. 464, pp. 232–238. DOI: 10.17223/15617793/464/26. (In Russ.).
9. Kiser E., Karceski S. M. Political Economy of Taxation. *Annual Review of Political Science*, 2017, vol. 20, pp. 75–79.
10. Pieth M. The Harmonization of Law against Economic Crime. *European Journal of Law Reform*, 1999, vol. 1, pp. 527–545.

11. Hyttinen T., Heinikoski S. Justification of supranational criminal law – analysis of collective securitization in the EU-level harmonization of money laundering provisions. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 2019, vol. 26, iss. 6, pp. 815–832. DOI: 10.1177/1023263X19879048.
12. Calderoni F. *Organized Crime Legislation in the European Union: Harmonization and Approximation of Criminal Law, National Legislations and the EU Framework Decision on the Fight Against Organized Crime*. Springer Publ., 2010. XIV + 189 p. DOI: 10.1007/978-3-642-04331-4.
13. Ponomareva K.A. Harmonization of indirect taxes in the European Union: general provisions. *Nalogi = Taxes*, 2021, no. 5, pp. 32–36. (In Russ.).
14. Gómez-Jara Díez C. Models for a System of European Criminal Law: Unification vs. Harmonisation. *New Journal of European Criminal Law*, 2010, vol. 1, pp. 385–402. DOI: 10.1177/203228441000100308.
15. Weyembergh A. The Functions of Approximation of Penal Legislation within the European Union. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 2005, vol. 12, iss. 2, pp. 149–172. DOI: 10.1177/1023263X0501200203.
16. Thirion E., Scherrer A. *Member States' Capacity to Fight Tax Crimes: Ex-Post Impact Assessment*. EPRS Publ., 2017. 67 p.
17. Frunza M.-C., Guegan D., Lassoudiere A. Missing Trader Fraud on the Emissions Market. *Journal of Financial Crime*, 2011, vol. 18, iss. 2, pp. 183–194.
18. Bachurin D.G. Countering VAT Violations in the European Union. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2017, no. 10, pp. 23–26. (In Russ.).
19. Cobham A., Janský P. *Estimating Illicit Financial Flows: A Critical Guide to the Data, Methodologies, and Findings*. Oxford University Press, 2020. xiv + 209 p.
20. Turksen U. *Countering Tax Crime in the European Union: Benchmarking the OECD's Ten Global Principles*. Hart Publishing, 2021. 309 p.
21. Forstater M. *Illicit Financial Flows, Trade Misinvoicing, and Multinational Tax Avoidance: The Same or Different?*, CGD Policy Paper 123. Washington, DC, Center for Global Development Publ., March 2018. 33 p. Available at: <https://www.cgdev.org/publication/illicit-financial-flows-trade-misinvoicing-and-multinational-tax-avoidance>.
22. Delmas-Marty M. The European Union and Penal Law. *European Law Journal*, 1998, vol. 4, iss. 1, pp. 87–115.
23. La Feria R. de. Tax Fraud and Selective Law Enforcement. *Journal of Law and Society*, 2020, vol. 47, iss. 2, pp. 240–270.
24. Wilson G. Comparative Legal Scholarship, in: McConville M., Wing Hong Chui (eds.). *Research Methods for Law*, Edinburgh University Press, 2017, pp. 163–179.
25. Unger B., Rossel L., Ferwerda J. (eds.). *Combating Fiscal Fraud and Empowering Regulators*. Oxford University Press, 2021. xxix + 338 p.
26. Perez F.M., Brada J.C., Drabek Z. Illicit Money Flows as Motives for FDI. *Journal of Comparative Economics*, 2012, vol. 40, iss. 1, pp. 108–126.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бачурин Дмитрий Геннадьевич – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень ул. Володарского, 6
E-mail: 01ter@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 8354-2980

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitry G. Bachurin – Doctor of Law, Leading Researcher, Institute of State and Law University of Tyumen
6, Volodarskogo ul., Tyumen, 625003, Russia
E-mail: 01ter@mail.ru
RSCI SPIN-code: 8354-2980

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бачурин Д.Г. Интеграция законодательства о противодействии налоговым преступлениям в Европейском Союзе: возможности и ограничения / Д.Г. Бачурин // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 45–54. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).45-54.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bachurin D.G. Integration of legislation on countering tax crimes in the EU: opportunities and limitations. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 45–54. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).45-54. (In Russ.).

ОПЫТ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ВЫБРОСОВ УГЛЕРОДА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

А.В. Корытин¹, Н.С. Кострыкина¹, Т.А. Малинина²

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия*

² *Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, г. Москва, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

28 июля 2023 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Углеродный налог,
трансграничное углеродное
регулирование, европейская
климатическая политика,
соглашение об изменении
климата

В связи с актуальными инициативами Евросоюза по декарбонизации и трансграничному углеродному регулированию проанализирован опыт углеродного налогообложения в странах Европы. Отмечено, что в большинстве европейских стран углеродный налог представляет собой акциз на топливо. Примерами таких стран являются Великобритания, Норвегия, Франция, Швейцария и Швеция. Рассмотренные страны используют варианты углеродных налогов, которые наиболее подходят для них с точки зрения удобства администрирования, общественного восприятия, а также минимизации негативных последствий для ключевых отраслей экономики.

CARBON TAXATION IN EUROPE

Andrey V. Korytin¹, Natalya S. Kostrykina¹, Tatiana A. Malinina²

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*

² *Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia*

Article info

Received –

2023 July 28

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Carbon tax, cross border
adjustment mechanism, European
climate policy, climate change
agreements

The subject of the study is the carbon tax legislations of European countries.

The purpose of the article is to identify the general consistent patterns of carbon taxation in a number of European countries: the United Kingdom, the Netherlands, Norway, France, Sweden and Switzerland.

The methodology of the research includes the analysis of the provisions of the carbon taxing legislation of these countries.

The main results, scope of application. The analysis shows that the structure of the carbon tax in European countries has differences, but the predominant form of taxation is an excise tax on fuel. In Sweden and Switzerland the excise rate is in direct proportion to the carbon content of the fuel, however in the UK, Norway and France excise rates are set more voluntarily. Each country countries grant exemptions for specific fuel uses and industries that they deem essential to protect from the exceeding tax burden. In the Netherlands, Norway and France, carbon/energy taxation is applied in addition to the emissions trading system. In all these countries, this is motivated by the evaluation of the latter as insufficient to attain the objectives of diminishing CO₂ emissions. Based on the experience of these countries, there is no prevalent model for the arrangement of carbon / energy taxation. For instance, France imposes an energy tax as an excise tax, that is, a consumption tax. The UK levies excise taxes on the consumption of natural gas, LNG, coal and electricity, correlated to the amount of energy contained in these fuel products. Norway applies both an excise and an indirect output tax in the oil sector. In the Netherlands, a carbon tax is levied on actual CO₂ emissions (as far as they are accounted for under the EU ETS), but this tax only applies to ETS participants and only if the ETS prices are below the established level. Despite the high tax rates (up to 120 euros per ton of CO₂ in Sweden and Switzerland), the significance of the carbon tax for the economies of the considered countries is low due to both low energy consump-

tion and the high proportion of carbon-neutral energy sources such as hydroelectric, nuclear and biofuel.

Conclusions. An analysis of the provisions of the carbon taxing legislations of various European countries revealed that these countries adopt such carbon tax schemes that optimize their administrative feasibility, public acceptability, and economic impact mitigation for vital sectors. At the same time, in the majority of countries, the carbon tax is implemented as an excise tax on fuel.

1. Введение

14 июля 2021 г. Европейская комиссия опубликовала окончательный текст Постановления Европейского Парламента и Совета о введении механизма трансграничного углеродного регулирования (*carbon border adjustment mechanism, CBAM*; далее – ТУР). ТУР является составной частью программы Европейского Союза (далее – ЕС) «Зеленый курс», целью которой является достижение углеродной нейтральности ЕС к 2050 г. в рамках выполнения обязательств по Парижскому соглашению по климату.

В рамках второго этапа ТУР, начало которого намечено на 2026 г., экспортировать в ЕС товары, подпадающие под действие ТУР, смогут только компании, которые приобретут специальные разрешения. Однако импортерам предоставляют возможность вычесть часть суммы из их налогового обязательства, если они смогут доказать, что они уже заплатили эту сумму в виде цены за выбросы углерода у себя в стране¹. В то же время текст Закона о ТУР не содержит детальных характеристик системы взимания платежей за выбросы углерода, которые ЕС будет считать достаточными для того, чтобы осуществлять такой зачет на практике. Также на текущий момент ЕС не выпустило каких-либо разъясняющих документов по данному вопросу.

В связи с этим актуальной задачей становится исследование существующих механизмов углеродного налогообложения в ЕС и других европейских странах, которые, по мнению Еврокомиссии, предпринимают достаточные усилия по сокращению выбросов. На основании опыта налогообложения выбросов углерода в этих странах можно сделать выводы о перспективном устройстве углеродного налога, соответствующего стандартам ЕС и позволяющего зачет уплаченных сумм налога в рамках ТУР.

2. Цель, гипотеза и метод исследования

Цель данной статьи заключается в выявлении общих закономерностей налогообложения выбросов углерода в ряде европейских стран: Великобритании, Нидерландах, Норвегии, Франции, Швеции и Швейцарии.

Гипотеза исследования заключается в том, что в указанных странах преобладающим подходом к налогообложению выбросов является устройство углеродного налога в виде акциза на топливо.

Исследование проводится методом анализа положений налогового законодательства указанных стран, относящихся к выбросам углекислого газа (CO₂).

3. Результаты исследования

3.1. Великобритания

Сбор за изменение климата (*climate change levy, CCL*) в Великобритании был анонсирован в 1999 г. и взимается с 2001 г. [1].

Предыстория налога связана с запросом на возможность введения налога на промышленное и коммерческое использование энергии и явившимся ответом на этот запрос отчетом лорда Маршалла. Лорд Маршалл отдавал предпочтение энергетическому налогу, а не углеродному в связи со сложностями с расчетом содержания эквивалента CO₂ в электроэнергии, выработанной с использованием различных видов топлива. Он предостерегал от взимания налога с домохозяйств, опасаясь топливной бедности (*fuel poverty*), а также указывал на необходимость тщательного планирования дизайна налога, чтобы защитить конкурентоспособность британской промышленности при максимальной пользе для окружающей среды [2].

По своей природе *CCL* является скорее энергетическим налогом (*energy tax*), взимаемым при промышленном потреблении энергии, чем углеродным налогом (*carbon tax*), взимаемым с поставщиков

¹ European Commission, Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Establishing a Carbon Border Adjustment Mechanism (14 Jul. 2021), par. 5.2.1.6.

энергии [2]. По дизайну *CCL* фактически является одноступенчатым налогом с продаж (*single-stage sales tax*) [3].

При введении *CCL* у Правительства Великобритании было намерение не вызвать повышение налоговой нагрузки на бизнес, поэтому в качестве компенсации планировалось снизить взносы на социальное страхование (*national insurance contributions*) на 0,5 п. п. [4]. Фактическое снижение было осуществлено на 0,3 п. п. [5].

CCL облагает поставку (*supplies*) электричества, природного газа, сжиженного природного газа и угля. Моментом возникновения налогового обязательства является момент выставления поставщиком бухгалтерского документа с выделенной суммой *CCL*².

Формально плательщиком *CCL* являются поставщики топлива и электроэнергии – предприятия электро- и газоснабжения и т. д. Но фактически сумма сбора перекладывается на покупателей топлива и электроэнергии. К примеру, в ежемесячном счете (*business energy bill*) за электроэнергию и газ коммерческому предприятию будет выделена сумма и ставка *CCL*. Количество налогоплательщиков *CCL* в 2019/20 г. – 459, в 2020/21 г. – 476, в 2021/22 г. – 485³.

Поставки подакцизного товара частным пользователям, некоммерческим и благотворительным структурам освобождены от *CCL*. Есть и другие освобождения (к примеру, перевозки железнодорожным транспортом).

Если предприятие заключило с правительством Соглашение по вопросу изменения климата (*Climate Change Agreement, CCA*), то ему предоставляются скидки к основным ставкам *CCL*, которые составляют от 77 до 93 % (табл. 1). Скидка к основной ставке *CCL* предоставляется взамен на обязательства по сокращению выбросов CO₂ и увеличению энергоэффективности. Конкретные числовые показатели таких обязательств согласуются между отраслевыми ассоциациями и государственным секретарем Великобритании [2].

Ведется научная полемика относительно целесообразности предоставления налоговых льгот в рамках *CCA*. Изначально исследователи отмечали существенные сокращения выбросов CO₂ в рамках

CCA, сравнивая базовые показатели с фактическими [6; 7]. Более поздние исследователи, основываясь на анализе микроданных, отмечают, что *CCL* приводит к большим сокращениям энергоемкости и потребления энергии на производствах, которые не заключили *CCA* [8], и не находят оснований для предоставления налоговых льгот в рамках *CCA* [9]. Используя теорию информационной асимметрии, исследователи также отмечают меньший размер скидок в рамках *CCA* на предприятиях с большим уровнем энергоэффективности [10].

Таблица 1
Базовые ставки сбора за изменение климата в Великобритании, а также размер скидок для участников соглашений об изменении климата

Подакцизный товар	Скидки для участников соглашений об изменении климата (<i>CCA</i>), %		Базовые ставки	
	С 01.04. 2023	С 01.04. 2024	С 01.04. 2023	С 01.04. 2024
Электричество (£ за кВт/ч)	92	92	0,00775	0,00775
Газ (£ за кВт/ч)	88	89	0,00672	0,00775
СПГ (£ за кг)	77	77	0,02175	0,02175
Прочее (£ за кг)	88	89	0,05258	0,06064

Примечание. Сост. по: Climate Change Levy rates: Guidance. 17 May 2016. URL: <https://www.gov.uk/guidance/climate-change-levy-rates>.

3.2. Нидерланды

В Нидерландах с 2021 г. был введен углеродный налог для промышленности (*CO₂-heffing industrie*) [11, р. 4]. Введение налога дополнительно к системе торговли квотами на выбросы ЕС (*European Union Emissions Trading System, EU ETS*) обусловлено недостаточностью последней, по мнению правительства страны, для достижения цели сократить годовые выбросы CO₂ в промышленности к 2030 г. на 14,3 млн т.

Углеродный налог для промышленности регулируется Законом об экологических налогах (*Wet belastingen op milieugrondslag*). Налог, по сути, представляет собой надстройку к *EU ETS* на национальном уровне [12, р. 1]. Он применяется к выбросам CO₂ от промышленных установок, сжигания отходов

² Register for Climate Change Levy: Guidance. 28 August 2019. URL: <https://www.gov.uk/guidance/register-for-climate-change-levy>.

³ Numbers of taxpayers and registered traders. 29 April 2023. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1071547/April2022_taxpayers_and_traders_table.ods.

и к ряду конкретных процессов, в которых выделяется закись азота (N_2O) (п. 1 ст. 71j закона). Налог взимается исходя из годовой промышленной нагрузки установки, которая указана в отчете о промышленных выбросах, подлежащем представлению оператором установки ежегодно, в том числе для целей *EU ETS* (п. 1 ст. 71l, п. 1 ст. 71m).

Налог уплачивается лицами, эксплуатирующими соответствующие установки, т. е. их операторами (ст. 71k).

Ставка налога прямо связана с ценой промышленных выбросов тонны CO_2 , при этом для участников *EU ETS* она уменьшается на цену квоты на выбросы, но не ниже нуля (п. 3 ст. 71p). Так, в 2021 г. при ставке налога 30,48 евро и цене квоты на выбросы 26,73 евро промышленные установки, участвующие в *EU ETS*, облагались углеродным налогом в размере 3,75 евро за выбросы каждой тонны CO_2 . Установлено, что ставка налога до 2031 г. каждый год будет увеличиваться на 10,87 евро до индексации (п. 2 ст. 71p).

В 2022 г. ставка налога составляла 41,75 евро, но налог для нидерландских участников *EU ETS* за 2022 г. фактически равен нулю, так как цена квоты на тонну выбросов CO_2 составляла 60,78 евро, т. е. выше ставки налога. Соответственно, если ситуация на рынке квот на выбросы будет складываться так, что их цена будет расти (в частности, предложение бесплатных квот будет сокращаться темпами, опережающими темпы сокращения выбросов компаниями), углеродный налог для нидерландских компаний – участников *EU ETS* технически обнулится.

Чтобы дать компаниям время изменить процессы, часть годовых выбросов CO_2 промышленных установок освобождена от налогообложения; предполагается, что эта часть будет ежегодно уменьшаться. Освобожденные от налога выбросы выражаются в так называемых правах на освобождение (*dispensatierechten*, *DPR's*), при этом 1 *DPR* равен выбросу 1 т CO_2 . Права на освобождение для каждой установки рассчитываются и учитываются Управлением по выбросам (*Nederlandse Emissieautoriteit*, *NEa*) – администрирующим углеродный налог органом, находящимся в ведении министра финансов (п. 1 ст. 71r).

Расчет прав на освобождение производится в общем случае таким же образом, как и распределе-

ние бесплатных квот на выбросы между установками в рамках *EU ETS*. Сохранить права на освобождение для использования в последующие годы невозможно, однако каждый год разрешено передавать права между установками, в том числе разных компаний, через созданный *NEa* реестр (*CO₂-heffingsregister*, *CheR*). Продать права на освобождение можно только в той части, которая превышает их количество, необходимое для компенсации выбросов CO_2 промышленной установки, а покупка прав разрешена всегда, даже если на счете установки уже достаточно прав для компенсации ее выбросов. При определении налоговой базы углеродного налога годовая промышленная нагрузка установки уменьшается на количество прав на освобождение (ст. 71l, п. 1 ст. 71n). Кроме того, права на освобождение могут использоваться для зачета в счет ранее уплаченного углеродного налога и возмещения соответствующих сумм⁴.

Предусмотрен также ряд общих освобождений от углеродного налога для промышленности (ст. 71i). В частности, налог не применяется к промышленным установкам, которые прямо или косвенно эксплуатируются для выращивания сельскохозяйственной продукции в теплицах и центрального отопления.

3.3. Норвегия

В Норвегии одновременно предусмотрены 2 основных углеродных налога: углеродный налог в нефтяном бизнесе (*CO₂-avgift i petroleumsvirksomheten*) регулируется Законом о налоге на выбросы CO_2 в нефтяном бизнесе на континентальном шельфе (*Lov om avgift på utslipp av CO₂ i petroleumsvirksomhet på kontinentalsokkelen*), углеродный налог на полезные ископаемые (*CO₂-avgift på mineralske produkter*) – ежегодным Решением Парламента по акцизам (*Stortingsvedtak om særavgifter*). Оба налога были введены с 1991 г., тогда как первые цели по выбросам CO_2 были приняты в конце 1980-х гг. [13, р. 34].

Углеродные налоги взимаются помимо системы торговли квотами, что обусловлено двумя взаимосвязанными причинами [14, р. 33, 34]:

1. Правительство Нидерландов считает цены на квоты в рамках *EU ETS* низкими для достижения национальных целей по снижению выбросов и рассматривает углеродные налоги как дополнительный стимул.

⁴ *Dispensatierechten* // *NEA*. URL: <https://www.emissieautoriteit.nl/onderwerpen/dispensatierechten>.

2. В результате присоединения Норвегии к *EU ETS* в 2008 г. нефтегазовые компании оплачивают и норвежский углеродный налог, и приобретение квот. Чтобы уровень платежей не вырос, правительство корректирует для них ставки углеродного налога с учетом цены квот.

Углеродный налог в нефтяном бизнесе взимается за сжигаемые нефтепродукты и выбрасываемый в атмосферу природный газ с установок, используемых в связи с производством и транспортировкой нефтепродуктов, в норвежских внутренних водах, морской территории и на континентальном шельфе (§ 2 закона).

Обязательства по уплате налога совместно несут обладатели лицензии на производство/добычу или разрешения на строительство и эксплуатацию установки для транспортировки и утилизации нефтепродуктов применительно к установкам, на которых осуществляется сжигание нефтепродуктов или выброс природного газа. От лица всех обладателей лицензии/разрешения оператор установки обязан направлять отчеты об учете количества нефтепродуктов, исчислять и уплачивать налог в Директорат по нефтепродуктам (*Oljedirektoratet*).

Ставки налога в 2022 г. установлены в размере 1,65 крон за литр нефтяного топлива, кубический метр природного газа, но 10,66 крон – для выбрасываемого в воздух.

Связь ставок углеродного налога в нефтяном бизнесе и выбросов CO₂ от использования продукта неочевидна, поэтому данный налог следует классифицировать как косвенный налог на выпуск [14, р. 29].

Углеродный налог на полезные ископаемые, по сути и по форме представляющий собой акциз, взимается с внутреннего производства и импорта нефти, топлива из нефти, природного газа и сжиженного нефтяного газа (§ 1 подраздела I раздела В Решения Парламента по акцизам на 2022 г.).

Налог подлежит уплате:

- при изъятии товаров из утвержденных помещений зарегистрированных компаний;
- ввозе, если товары не размещены в утвержденном помещении;
- прекращении регистрации.

При этом передача товара между утвержденными помещениями одной или нескольких зарегистрированных компаний, если компании зарегистрированы как плательщики налога на одни и те же про-

дукты, не влечет возникновения налоговых обязательств. При поставке товара незарегистрированному покупателю ему всегда должен выставляться счет на сумму, включающую налог, т. е. фактически налог оплачивает потребитель.

Пониженные ставки налога предусмотрены, например, для нефти, используемой в авиации внутри страны, и для газа, используемого в тепличных хозяйствах.

Принципы, лежащие в основе выбора инструментов климатической политики в Норвегии, заложены в действующее законодательство, ими же руководствуются администрирующие органы в правоприменительной практике [14, р. 27–28]. Среди них принцип «загрязнитель платит» (*polluter pays principle*), экономическая эффективность (*cost-effectiveness*) и эффективность управления (*governance efficiency*), использование межсекторальных экономических инструментов [15, р. 154–155].

3.4. Франция

Во Франции с 2022 г. действует новое регулирование для энергетического налогообложения, вместе с тем изменения затронули скорее форму, нежели содержание налогов.

До 2022 г. налогообложение энергетических продуктов, природного газа и угля осуществлялось через введенный в 2014 г. зависящий от CO₂ компонент акцизных налогов на внутреннее потребление (*taxes intérieures de consommation*), регулировавшихся Таможенным кодексом (*Code des douanes*). Этот компонент назывался также климатически-энергетическим взносом (*Contribution Climat-Énergie*) [16, р. 2].

С 2022 г. углеродный компонент налогов на внутреннее потребление заменен акцизом на энергию (*accise sur les énergies*), регулируемым новым Кодексом налогов на товары и услуги (*Code des impositions sur les biens et services*). Этот акциз имеет общее регулирование (раздел кодекса) с акцизами на алкоголь и табак – кроме особенных положений для каждой группы товаров. Заявлено, что новое регулирование отвечает задачам упрощения и упорядочения налогообложения товаров и услуг и кодификации законодательства⁵.

Акцизом на энергию облагаются:

- продукты, сжигаемые для получения механической или тепловой энергии;
- электроэнергия;

⁵ Imposition sur les biens et services: création d'un nouveau code. 29/12/2021. URL: <https://www.actu-juridique.fr/>

[breves/fiscalite/imposition-sur-les-biens-et-services-creation-dun-nouveau-code](https://www.actu-juridique.fr/breves/fiscalite/imposition-sur-les-biens-et-services-creation-dun-nouveau-code).

– продукты, приравненные к энергетическим, к которым относятся, в частности, продукты, не указанные в числе энергетических, но используемые в качестве топлива, кроме торфа (ст. L312-2, L312-6).

Перечень энергетических продуктов очень широк: от нефтепродуктов до препаратов на основе масла/жира для обработки тканей (ст. L312-3).

Акциз в общем случае подлежит уплате при производстве или импорте подакцизных товаров (ст. L311-4). Для угля, природного газа и электроэнергии – при поставке потребителю или потреблении товара производителем/импортером (ст. L312-13). При этом не признаётся событием, влекущим налогообложение, потребление для собственных нужд электроэнергии произведшим ее лицом при условии, что оно потребляет весь произведенный объем, не превышающий установленных подзаконным актом пороговых значений (ст. L312-17).

Налог перечисляет в бюджет производитель/импортер (ст. L311-26, L312-93).

Ставки акциза на энергию устанавливаются по налоговым категориям, определяемым по типовому товару (в частности, для угля – это антрацит). Предусмотрены нормальный и пониженный тарифы. Последний применяется, в частности, для транспорта, сельского хозяйства и участников *EU ETS*.

Несмотря на заявленные планы, увеличение ставок энергетических налогов было приостановлено с 2019 г. по внутривнутриполитическим причинам (массовое недовольство ростом цен на топливо, экономические последствия борьбы с *COVID-19*) [17, р. 5].

Для энергетического налогообложения во Франции характерны существенные внутренние противоречия. Они связаны, во-первых, с масштабными освобождениями, составившими в 2017 г. около 8,5 млрд евро (только возмещения – 5 млрд евро) по сравнению с поступлениями налога в 6,4 млрд евро. Причем данные налоговые расходы имеют тенденцию к росту [18, р. 3–4]. Во-вторых, возникают вопросы в части социальной справедливости: энергетическое налогообложение во Франции фактически имеет регрессивный характер, т. е. бремя оказывается выше для бедных домохозяйств [19, р. 55–56].

3.5. Швеция

В Швеции углеродный налог (*koldioxidskatt*) устроен как акциз и взимается с 1991 г. [20] с ископаемого топлива пропорционально содержанию углерода в нем [21]. Налог взимается с ископаемого топлива, которое используется для отопления или как моторное топливо. Ставка налога, налоговая база и

льготы устанавливаются правительством Швеции, правила налогообложения регулируются в рамках Закона о налоге на энергию (*Lag om skatt på energy; SFS 1994, 1776*), см. табл. 2.

Таблица 2
Ставки углеродного налога в Швеции, 2022 г.

Вид топлива	Единица измерения	Налог за 1 ед., шведских крон
Бензин	1 л	2,61
Авиационный бензин	1 л	2,61
Дизельное топливо	1000 л	3 444
Топочный мазут	1 м ³	3 444
Газойль	1 000 кг	3 624
Каменный уголь	1 000 кг	2 997
Природный газ	1 000 м ³	2 579

Плательщиками углеродного налога являются импортеры, дистрибьюторы, а также крупные потребители ископаемого топлива.

Например, с газа, поставляемого на заправочные станции, уже взыскан налог на уровне импортера или дистрибьютора, что означает, что не нужно взимать налог с оператора заправочной станции или конечного потребителя, покупающего газ на заправочной станции.

Фактически же сумма налога передается дальше по цепочке полностью или частично. Сумма углеродного налога не выделяется в цене топлива.

Данные правила упрощают администрирование, поскольку число налогоплательщиков значительно ограничено. Например, в 2017 г. количество зарегистрированных плательщиков налога составило около 500.

Хотя углеродный налог в Швеции не распространяется на ископаемое топливо, сжигаемое для производства электроэнергии, это исключение имеет очень ограниченный характер, поскольку шведская электроэнергетика опирается на атомные и гидроэлектростанции и производит мало выбросов [22].

Несмотря на высокие ставки и амбициозные цели правительства Швеции по сокращению выбросов CO₂ [23], оценки показывают относительно небольшое влияние на сокращение выбросов, что можно объяснить следующим. Во-первых, долгое время углеродный налог для промышленности составлял только 50 % от общего уровня. Во-вторых, когда был введен налог, с использованием ископаемого топлива была связана лишь относительно небольшая доля (около 30 %) энергоснабжения промышленности. В-третьих, для большинства промышлен-

ных компаний стоимость энергии составляет небольшую часть от общих производственных и непроизводственных затрат и, следовательно, имеет низкое значение при выборе технологии производства [24].

Тем не менее имеются свидетельства того, что углеродный налог в силу своей фискальной специфики в три раза сильнее влияет на спрос на топливо, чем просто увеличение цены [25]. Кроме того, показано, что страны (в том числе в ЕС), применяющие налоги и другие ограничения на выбросы, сократили выбросы CO₂ на 15 % по сравнению со странами, которые не вводили специальных налоговых или иных мер [26].

3.6. Швейцария

Швейцарская климатическая политика также основана на увеличении цены выбросов CO₂, и в рамках нее фактически существуют три режима, которые затрагивают разных экономических агентов, и этим режимам соответствуют сильно различающиеся цены выбросов: 1) налог на выбросы CO₂ (*CO₂-Abgabe*) – для населения и малого бизнеса; 2) швейцарская система торговли квотами (*CH EHS*) – для крупнейших эмитентов; 3) обязательства по сокращению выбросов за пределами системы торговли квотами (*nonEHS*) – для энергоемких производств, подверженных риску негативного влияния высокого налога на выбросы.

Основания климатической политики Швейцарии прописаны в Федеральном законе о сокращении выбросов CO₂⁶.

CO₂-*Abgabe* в Швейцарии был введен в 2008 г. и регулируется Законом о CO₂, а также Постановлением о снижении выбросов CO₂⁷.

Поскольку в Швейцарии отсутствует добыча углеродного сырья, налог на выбросы CO₂ взимается либо при пересечении границы страны, либо при отгрузке с беспошлинного склада Федеральной таможенной службой. Однако налог на CO₂ полностью и очевидным образом перекладывается на домашние хозяйства и компании – потребителей ископаемого топлива, применяемого для технологических целей и отопления. Статья 95 Постановления о CO₂ требует, чтобы продавцы топлива, подлежащего налогу, ука-

зывали сумму налога на CO₂ в счетах-фактурах для сведения покупателей.

Ставка углеродного налога в Швейцарии неуклонно возрастает: в 2008 г. она составляла 12 швейцарских франков за 1 т CO₂, в 2010 г. – 36 франков за 1 т, с 1 января 2022 г. – до 120 франков за 1 т CO₂, если выбросы углекислого газа в 2020 г. превысят 67 % от выбросов 1990 г.

Налог на выбросы углекислого газа взимается пропорционально содержанию углерода в ископаемом топливе. В отношении конкретного вида топлива сумма налога рассчитывается в соответствии с тарифами, указанными в Приложении 11 к Постановлению о CO₂.

Треть доходов от углеродного налога в Швейцарии (но не более 450 млн швейцарских франков в год) направляется на финансирование программ в области энергоэффективности и технологий возобновляемой энергетики и еще около 25 млн франков идут в фонд технологий для поддержки инновационных компаний. Оставшиеся средства от поступлений распределяются между населением (в расчете на душу населения) и предприятиями (пропорционально их фонду заработной платы). В 2022 г. каждый гражданин получил 88,2 франка, а каждый работодатель вернул 85,2 франков на каждые 100 000 франков (эта сумма близка к среднему значению фонда оплаты труда на одного работника), выплаченных в виде заработной платы⁸. Этот механизм должен был обеспечить общественную поддержку углеродному налогу, однако исследователи не обнаруживают ожидаемого эффекта [27].

С целью защиты интересов энергоемких производств швейцарское правительство ввело две льготные программы, которые позволяют предприятиям получить освобождение от налога на выбросы CO₂. Первая льготная программа, ныне известная как *nonEHS* (т. е. вне системы торговли квотами) была предоставлена в 2008 г. и может рассматриваться как контракт между государством и бизнесом с обязательствами последнего по сокращению выбросов. Если выбросы компании окажутся ниже ее целевого показателя в данном году, то она сможет продать разницу (так называемое «избыточное снижение

⁶ Federal Act on the Reduction of CO₂ Emissions (CO₂ Act) of 23 December 2011. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2012/855/en>.

⁷ Ordinance on the Reduction of CO₂ Emissions (CO₂ Ordinance) of 30 November 2012. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2012/856/en>.

⁸ Rückverteilung der CO₂-Abgabe: von der Einführung bis heute. 16. August 2022. URL: <https://www.bafu.admin.ch/dam/bafu/de/dokumente/klima/fachinfo-daten/Rueckverteilung-der-CO2-Abgabe-von-der-Einfuehrung-bis-heute.pdf>.

выбросов») за фиксированную плату. Напротив, в случае неисполнения обязательств накладывается штраф в размере 125 франков за каждую избыточную тонну выброса эквивалента CO₂. В настоящее время данная программа включает около 1 300 предприятий [28].

Вторая программа освобождения – это швейцарская система торговли квотами на выбросы (*CH EHS*), которая была введена в 2013 г. (ст. 17 Закона о CO₂). Начиная с 1 января 2020 г. *CH EHS* действует в единых рамках с *EU ETS*, что произошло после многолетних политических переговоров Швейцарии и ЕС [28].

Высокие ставки углеродного налога в сочетании с благоприятной структурой электропотребления, обеспеченного на 99 % выработкой электроэнергии на ГЭС и АЭС, способствуют более быстрому достижению Швейцарией национальных целей климатической политики по сравнению с соседними странами [29].

4. Обсуждение результатов

Рассмотренные примеры показывают, что устройство углеродного налога в европейских странах имеет различия, но в большинстве случаев формой налогообложения является акциз на топливо. Данные наблюдения соответствуют позиции международных институтов, таких как ОЭСР, МВФ и Всемирный банк, допускающих три основных подхода к устройству углеродного налога: налогообложения фактического объема выбросов, акциз на ископаемое топливо пропорционально содержанию углерода в нем или же соответствующий налог на добычу углеродных полезных ископаемых⁹.

Если в Швеции и Швейцарии ставка акциза привязана к содержанию углерода в топливе, то в Великобритании, Норвегии и Франции ставки акцизов на топливные продукты установлены более произвольно. Каждая страна предоставляет освобождения для тех видов использования топлива и тех отраслей, которые она считает нужным защитить от повышенной налоговой нагрузки.

В Нидерландах, Норвегии и Франции углеродное / энергетическое налогообложение применяется дополнительно к системе торговли квотами на выбросы. Во всех этих странах оно так или иначе обусловлено оценкой последней как недостаточной для

достижения целей сокращения выбросов CO₂. Исходя из опыта данных стран невозможно сделать вывод о преобладающей модели организации углеродного / энергетического налогообложения. Так, Франция взимает энергетический налог в виде акциза, т. е. налога на потребление. В Великобритании установлены акцизы на потребление газа, сжиженного природного газа, угля и электроэнергии, привязанные к количеству энергии, заключенной в этих топливных товарах. Норвегия применяет и акциз, и косвенный налог на выпуск в нефтяном бизнесе.

В Нидерландах углеродным налогом облагаются фактические выбросы CO₂ (в той мере, в какой именно они учитываются в рамках *EU ETS*), однако налог применяется только к участникам *ETS* и только в случае, когда цены на выбросы в рамках *ETS* ниже установленного уровня.

Несмотря на высокие ставки налога (до 120 евро за тонну CO₂ в Швеции и Швейцарии), значение углеродного налога для экономики рассмотренных стран невелико по причине как низкого уровня энергопотребления, так и высокой доли углеродно-нейтральных источников энергии: ГЭС, АЭС, биотоплива (древесные отходы).

5. Выводы

Анализ положений законодательства ряда европейских стран – Великобритании, Нидерландов, Норвегии, Франции, Швеции и Швейцарии – в части налогообложения выбросов CO₂ показал, что указанные страны используют такие варианты углеродных налогов, которые наиболее подходят для них с точки зрения удобства в администрировании, общественного восприятия, а также минимизации негативных последствий для ключевых отраслей экономики. При этом в большинстве стран углеродный налог устроен в виде акциза на топливо.

С учетом позиции международных институтов, это означает, что в случае необходимости введения углеродного налога в России, соответствующего стандартам экологической политики ЕС, возможны два приоритетных варианта налогового дизайна. Во-первых, углеродный налог в виде акциза на топливо, как в большинстве европейских стран. Во-вторых, учитывая сырьевую ориентацию российского экспорта, углеродный налог может быть устроен в виде налога на добычу полезных ископаемых, содержа-

⁹ Carbon Tax Guide: A Handbook for Policy Makers. Washington, DC: World Bank Group, March 2017. 167 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/26300>.

щих углерод. Второй подход является симметричным ответом на механизм ТУР: если ЕС берет на себя ответственность за выбросы других стран, связанные

с европейским потреблением, то Россия может взять на себя ответственность за выбросы стран ЕС, связанные с потреблением российского сырья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

1. Harris P., de Cogan D. (eds.). *Studies in the History of Tax Law*. Oxford, Hart Publishing, 2019. 528 p. DOI: 10.5040/9781509924967.
2. Richardson B.J., Chanwai K.L. The UK's Climate Change Levy: Is it working?. *Journal of Environmental Law*, 2003, vol. 15, iss. 1, pp. 39–58. DOI: 10.1093/jel/15.1.39.
3. Pearce D. The political economy of an energy tax: The United Kingdom's Climate Change Levy. *Energy Economics*, 2006, vol. 28, iss. 2, pp. 149–158. DOI: 10.1016/j.eneco.2005.10.001.
4. Agnolucci P., Barker T., Ekins P. *Hysteresis and Energy Demand: the Announcement Effects and the effects of the UK Climate Change Levy*, Tyndall Centre Working Paper 51. June 2004. 16 p.
5. McEldowney J., Salter D. Environmental taxation in the UK: the climate change levy and policy making. *Denning Law Journal*, 2015, vol. 28, spec. iss., pp. 37–65.
6. Ekins P., Etheridge B. The environmental and economic impacts of the UK climate change agreements. *Energy Policy*, 2006, vol. 34, iss. 15, pp. 2071–2086. DOI: 10.1016/j.enpol.2005.01.008.
7. Barker T., Ekins P., Foxon T. Macroeconomic effects of efficiency policies for energy-intensive industries: The case of the UK Climate Change Agreements, 2000-2010. *Energy Economics*, 2007, vol. 29, pp. 760–778.
8. Martin R., De Preux L.B., Wagner U.J. The impact of a carbon tax on manufacturing: Evidence from microdata. *Journal of Public Economics*, 2014, vol. 117, pp. 1–14. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2014.04.016.
9. Martin R., Muûls M., De Preux L.B., Wagner U.J. Industry compensation under relocation risk: A firm-level analysis of the EU emissions trading scheme. *American Economic Review*, 2014, vol. 104, iss. 8, pp. 2482–2508.
10. Adetutu M.O., Stathopoulou E. Information asymmetry in voluntary environmental agreements: theory and evidence from UK climate change agreements. *Oxford Economic Papers*, 2020, vol. 73, iss. 2, pp. 644–670. DOI: 10.1093/oep/gpaa018.
11. Koelemeijer R., Van Hout M., Daniëls B. *Analyse tarief CO₂-heffing industrie* [Analysis of the CO₂ tax rate of the industry]. The Hague, Planning Office for the Living Environment Publ., June 2022. 42 p. (In Dutch).
12. Steven K. What can we learn from the Dutch national carbon tax?. *Carbon Market Watch*, December 21, 2020, available at: <https://carbonmarketwatch.org/2020/12/21/what-can-we-learn-from-the-dutch-national-carbon-tax/>.
13. Anker P. A pioneer country? A history of Norwegian climate politics. *Climatic Change*, 2018, vol. 151, pp. 29–41. DOI: 10.1007/s10584-016-1653-x.
14. Banet C. Effectiveness in Climate Regulation: Simultaneous Application of a Carbon Tax and an Emissions Trading Scheme to the Offshore Petroleum Sector in Norway. *Carbon & Climate Law Review*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 25–38.
15. Zahar A. The Polluter Pays Principle and its Ascendancy in Climate Change Law. *National Taipei University Law Review*, 2020, vol. 114, pp. 129–180.
16. Bureau D., Henriët F., Schubert K. A proposal for the climate: Taxing carbon not people. *Notes du conseil d'analyse économique*, 2019, vol. 50, iss. 2, pp. 1–12. DOI: 10.3917/ncae.050.0001.
17. Guillou A., Perrier Q. *Climat et fiscalité: trois scénarios pour sortir de l'impasse* [Climate and taxation: three scenarios to break the deadlock]. Paris, I4CE - Institute for Climate Economics Publ., February 2019. 17 p. (In France).
18. Rogissart L., Postic S., Grimault J. *La composante carbone en France: fonctionnement, revenus et exonérations* [The carbon component in France: functioning, income and exemptions], Point climat No. 56. Paris, I4CE - Institute for Climate Economics Publ., October 2018. 7 p. (In France).
19. Anne-Braun J., Guesdon T. *Le consentement à la fiscalité environnementale* [The consent to environmental taxation], Special report No. 1. Council for Compulsory Levies Publ., February 2022. 107 p. (In France).
20. Sterner T. The carbon tax in Sweden, in: Henry C., Rockström J., Stern N. (eds.). *Standing up for a Sustainable World*, Edward Elgar Publishing, 2020, pp. 59–67. DOI: 10.4337/9781800371781.

21. Scharin H., Wallström J. *The Swedish CO2 tax – an overview*, Rapport 2018:3. Anthesis Enveco AB Publ., 2018. 34 p.
22. OECD. *Taxing Energy Use 2019: Using Taxes for Climate Action*. Paris, OECD Publishing, 2019. 105 p. DOI: 10.1787/058ca239-en.
23. Anderson K., Broderick J.F., Stoddard I. A factor of two: how the mitigation plans of ‘climate progressive’ nations fall far short of Paris-compliant pathways. *Climate Policy*, 2020, vol. 20, iss. 10, pp. 1290–1304. DOI: 10.1080/14693062.2020.1728209.
24. Shmelev S.E., Speck S.U. Green fiscal reform in Sweden: econometric assessment of the carbon and energy taxation scheme. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2018, vol. 90, pp. 969–981. DOI: 10.1016/j.rser.2018.03.032.
25. Andersson J.J. Carbon taxes and CO2 emissions: Sweden as a case study. *American Economic Journal: Economic Policy*, 2019, vol. 11, no. 4, pp. 1–30. DOI: 10.1257/pol.20170144.
26. Eskander S.M.S.U., Fankhauser S. Reduction in greenhouse gas emissions from national climate legislation. *Nature Climate Change*, 2020, vol. 10, pp. 750–756. DOI: 10.1038/s41558-020-0831-z.
27. Mildener M., Lachapelle E., Harrison K., Stadelmann-Steffen I. Limited impacts of carbon tax rebate programmes on public support for carbon pricing. *Nature Climate Change*, 2022, vol. 12, pp. 141–147. DOI: 10.1038/s41558-021-01268-3.
28. Hintermann B., Zarkovic M. Carbon Pricing in Switzerland: A Fusion of Taxes, Command-and-Control, and Permit Markets. *ifo DICE Report*, 2020, vol. 18, iss. 1, pp. 35–41.
29. Fiedler A., Rihs T. Carbon taxation: Comparing France and Switzerland. *Der öffentliche Sektor*, 2020, vol. 46, iss. 2, pp. 59–65.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корытин Андрей Владимирович – научный сотрудник Института прикладных экономических исследований
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82–84, корп. 9
E-mail: Korytin-AV@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-6635-7190

Кострыкина Наталья Сергеевна – научный сотрудник Института прикладных экономических исследований
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82–84, корп. 9
E-mail: Kostrykina-NS@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-9810-0573

Малинина Татьяна Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара
125993, Россия, г. Москва, Газетный пер., 3–5, стр. 1
E-mail: Malinina@iep.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Andrey V. Korytin – Researcher, Institute of Applied Economic Research
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
build. 9, 82–84, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia
E-mail: Korytin-AV@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-6635-7190

Natalya S. Kostrykina – Researcher, Institute of Applied Economic Research
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
build. 9, 82–84, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia
E-mail: Kostrykina-NS@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-9810-0573

Tatiana A. Malinina – PhD in Economics, Senior researcher
Gaidar Institute for Economic Policy
build. 1, 3–5, Gazetnyi per., Moscow, 125993, Russia
E-mail: Malinina@iep.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Корытин А.В. Опыт налогообложения выбросов углерода в европейских странах / А.В. Корытин, Н.С. Кострыкина, Т.А. Малинина // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 55–65. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).55-65.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Korytin A.V., Kostrykina N.S., Malinina T.A. Carbon taxation in Europe. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 55–65. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).55-65. (In Russ.).

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МОДЕЛЕЙ СТИМУЛИРУЮЩИХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ И ТЕХНОЛОГИЙ

Е.А. Громова

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

20 июня 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Правовой режим,

стимулирование, оценка,

эффективность, цифровые

инновации, цифровые

технологии

Исследуются вопросы оценки эффективности моделей стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий. Проанализированы общие подходы к оценке эффективности права и законодательства, существующие как в России, так и за рубежом. Определены виды эффективности стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий, а также их критерии. Предложена авторская методика оценки эффективности стимулирующих правовых режимов в сфере цифровых инноваций и технологий.

EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF MODELS OF INCENTIVE LEGAL REGIMES OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE SPHERE OF DIGITAL INNOVATIONS AND TECHNOLOGIES

Elizaveta A. Gromova

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

Article info

Received –

2022 June 20

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Legal regime, incentives, evaluation, efficiency, digital innovations, digital technologies

Subject. The article explores the issues of assessing the effectiveness of models of incentive legal regimes of entrepreneurial activity in the sphere of digital innovations and technologies.

Purpose. The purpose of the study was to develop approaches to determining the effectiveness of incentive legal regimes of entrepreneurial activity in the field of digital innovation and technology, as well as to develop criteria and methods for evaluating existing models of these legal regimes.

Methodology. The methodological basis of this study are general scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction), private scientific methods (interpretation of legal acts), as well as content analysis, study of reports and analytical references of governmental organizations.

Results. The general approaches to assessing the effectiveness of law and legislation existing both in Russia and abroad are analyzed. The author defines the types of effectiveness of incentive legal regimes of entrepreneurial activity in the sphere of digital innovations and technologies, as well as their criteria. The author's methodology for assessing the effectiveness of incentive legal regimes in the sphere of digital innovations and technologies is proposed.

Conclusions. The methodology proposed in this study for assessing the effectiveness of such legal regimes can be used as part of the actual impact assessment, and the conclusions reached by the authors may form the basis for further future research on legal regimes for entrepreneurial activity.

1. Введение

Создание конкурентоспособных цифровых инноваций и технологий является национальным интересом многих современных государств, в том числе и нашей страны [1, р. 62; 2, р. 17; 3, р. 73; 4, р. 75].

Вместе с тем статистические данные показывают, что Российская Федерация отстает от мировых технологических лидеров. Например, по показателю уровня инновационной активности бизнеса наша страна отстает от большинства наиболее развитых стран более чем на 50 %¹.

Одной из проблем, обусловивших такие неудовлетворительные показатели, является недостаточная степень благоприятности правового климата. Причиной того, в числе прочего, выступает низкая эффективность стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности. Не случайно в Концепции технологического развития Российской Федерации до 2030 г. отмечается необходимость пересмотра существующих механизмов стимулирования такой деятельности.

В этой связи целью исследования стало формирование подходов к определению эффективности стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий, а также разработке критериев и методике оценки существующих моделей данных правовых режимов.

2. Стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий

Как отмечают авторы, основное предназначение правовых режимов заключается в достижении эффективного функционирования экономики, а также повышение благосостояния государства и общества [5, с. 234].

Зарубежные исследователи отмечают, что благодаря таким режимам возможен диалог «государство – бизнес», а различные формы режимов способны изменить условия предпринимательской деятельности [6, р. 526].

Согласно Й. Шумпетеру, предпринимательский режим (*entrepreneurial regime*) основан на образе индивидуального предпринимателя, который вводит новые «производственные комбинации» [7, р. 287]. Предпринимательский режим связывается с

термином «технологический режим» (*technological regime*) [8, р. 482], который демонстрирует насколько технологическая среда благоприятна для инноваций [9, р. 503]. По мнению исследователей, технологический режим способствует развитию отрасли [10, р. 119; 11, р. 179; 12], а страны, в которых фирмы работают в условиях такого режима, быстрее расширяют свою экспортную корзину [13, р. 927].

В свою очередь, стимулирующий правовой режим предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий, как аналог выделяемого за рубежом технологического режима, представляет собой особый порядок правового регулирования предпринимательской деятельности, в основу которого входит комплекс правовых средств, направленный на стимулирование указанной деятельности в целях развития конкурентоспособных цифровых инноваций и технологий.

К таким режимам относятся:

– стимулирующие режимы предпринимательской деятельности в границах территорий и образований с высоким инновационным потенциалом (особых экономических зонах, технопарках, инновационных научно-технологических центрах, Инновационном центре «Сколково» и др.);

– экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций и технологий;

– стимулирующий режим предпринимательской деятельности, осуществляемой в рамках так называемого инновационного государственно-частного партнерства;

– стимулирующий режим предпринимательской деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере цифровых инноваций и технологий.

3. Эффективность стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий

Заметим, что законодательство о стимулирующих правовых режимах предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий не содержит разработанных критериев их эффективности. В данных документах речь идет лишь об оценке эффективности проектов, реализуемых в рамках экспериментального правового режима, или же в границах технико-внедренческой особой эконо-

¹ В 2021 г. величина индекса инновационной активности бизнеса в России составила 11,9 %, в Канаде – 79,3 %, в Германии – 68,8 %, см.: Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции тех-

нологического развития на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 22. Ст. 3964.

мической зоны. Сама же сформированная в законодательстве «модель» таких режимов оценке не подвергается, что не верно. От того, насколько эффективна модель таких режимов, напрямую зависит эффективность проектов (соглашений), реализуемых в рамках таких режимов.

В этой связи вопрос о выделении критериев эффективности указанных моделей безусловно важен. Кроме того, эффективность отдельных видов таких режимов ставится под сомнение².

Постулат о том, что правовые нормы должны быть эффективными, не требует подтверждения. Эффективные правовые нормы лежат в основе совершенного законодательства, не имеющего противоречий, дающего адекватную юридическую оценку регулируемым общественным отношениям. Чем качественнее законодательство, тем эффективнее будут достигаться цели при издании правовых норм [15, с. 1577].

Вместе с тем следует согласиться с авторами, отмечаящими, что вопрос об эффективности правовых норм часто поднимается в юридической науке, оставаясь при этом одним из наименее изученных [16, с. 39].

Эффективность права по-разному трактуется в юридической науке. Например, такие ученые, как С.А. Жинкин, Д.М. Чечот и А.С. Пашков, связывают эффективность права с оптимальностью, правильностью, обоснованностью самих норм права [17, с. 34; 18, с. 3]. Другие авторы соотносят эффективность права с реально наступившими результатами, достигнутыми в процессе реализации правовой нормы [19, с. 50; 20, с. 22; 21, с. 44]. Об этом, в частности, говорит В.И. Червонюк, отождествляющий эффективность действия права с его результативностью, способностью производить необходимый эффект в общественной жизни [22, с. 328].

Вызывает интерес предлагаемый Л.Т. Бакулиной интерсубъективный подход к оценке эффективности законодательства [23, с. 9]. В его основе находятся правообразующие интересы субъектов права, а правотворчество трактуется как такое согласование различных социальных интересов, при котором свобода реализации интересов одних лиц не ущемляет интересов других. При этом, по мнению ученого, в основе эффективности права «лежит» пра-

вообразующий интерес – закономерный итог гармоничного согласования частных интересов [23, с. 10].

Один из сторонников интерсубъективного подхода, О.Э. Лейст под эффективностью права понимает его осуществимость, которая предопределяется общеизвестностью, понятностью и непротиворечивостью правовых норм, соразмерностью социальных целей и юридических средств их достижения, обеспеченностью права действенной системой правоохранительных органов [24, с. 79]. Забегая вперед, отметим, что именно предложенное О.Э. Лейстом понимание эффективности вошло в основу критериев оценки эффективности правовых режимов [25, с. 16].

В поисках ответа на вопрос о том, как создать эффективный правовой режим, ученые стали задумываться над критериями его эффективности.

В качестве таковых были предложены:

- 1) известность для адресатов;
- 2) понятность и непротиворечивость правовых норм, его закрепляющих;
- 3) соразмерность социальных целей и юридических средств достижения этих целей;
- 4) обеспеченность функционирования правовых режимов действенной работой правоприменительных органов [25, с. 16].

Представляется, что применение таких критериев действительно позволит оценить, эффективен ли тот или иной правовой режим. Например, такой критерий, как *известность адресатам*, предполагает оценку того факта, насколько субъекты права осведомлены о существовании такого режима, его особенностях и т. п. В случае недостаточной «известности» эффективность такого режима может снизиться, поскольку его потенциальные субъекты могут просто не знать о его существовании.

В отношении такого критерия, как *понятность и непротиворечивость норм, закрепляющих правовой режим*, необходимо добавить, что речь должна идти об отсутствии как «внутренних», так и «внешних» противоречий. И если внутренние противоречия подразумевают противоречия «внутри» акта, регулирующего данный режим, то внешние – отсутствие гармонизации и интеграции с положениями действующего законодательства, которое косвенным образом регулирует исследуемые правоотношения.

² Отчет о результатах мониторинга эффективности использования бюджетных ассигнований федерального бюджета при создании особых экономических зон. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/96b/96b4e6ac3ca4a80ba69e4590d6399efe.pdf> (дата обращения: 20.06.2023). См. также: [14, с. 39].

ach.gov.ru/upload/iblock/96b/96b4e6ac3ca4a80ba69e4590d6399efe.pdf (дата обращения: 20.06.2023). См. также: [14, с. 39].

Такой критерий, как *соразмерность социальных целей и юридических средств достижения этих целей*, – один из наиболее значимых. Цели, стоящие перед правовым режимом, весьма разнообразны. Однако единой (комплексной) целью правовых режимов, исходя из их сущности, можно признать оптимальное регулирование общественных отношений, преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения субъектами (правовыми средствами и способами) своих интересов.

В отношении такого критерия, как *обеспеченность функционирования правовых режимов действенной работой правоприменительных органов*, необходимо отметить следующее. Без грамотно организованной работы и привлечения соответствующих компетентных органов эффективная модель правового режима невозможна. При этом ученые отмечают, что сегодня стала очевидной неспособность (неэффективность) государственных органов всегда адекватно реагировать на современные вызовы и успевать за стремительным изменением технологического, информационного и человеческого потенциала, развитием частноправовой сферы, справляться с новыми задачами [21, с. 6].

Полагаем, что указанные критерии являются необходимыми условиями определения эффективности правовых режимов, в том числе стимулирующих режимов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий. При этом, как указывалось выше, подходить к применению данных критериев для оценки эффективности необходимо с позиции интерсубъективного подхода, учитывая степень соблюдения, сбалансированности и обеспечения интересов всех заинтересованных субъектов (государства, субъектов предпринимательства и общества).

Вместе с тем полагаем, что для более адекватной оценки правового режима необходимо обращать внимание на то, как законодатель «сконструировал» такую модель, что включает в себя также избранный понятийно-категориальный аппарат. От того, насколько понятийно-категориальный аппарат соответствует объективным реалиям, зависит степень эффективности правового режима.

Поэтому предлагается дополнить перечисленные выше критерии оценки правового режима таким критерием, как *соответствие применяемого законодателем понятийно-категориального аппарата объективным реалиям*.

Необходимо также отметить, что, несмотря на значимость указанных критериев, они позволяют оценить эффективность правовых режимов в право-

вом (нормативном) аспекте. Однако для более полной и объективной оценки эффективности моделей стимулирующих правовых режимов нам необходимо также оценить эффективность стимулирующих правовых режимов с иных позиций. В этой связи считаем необходимым осуществлять оценку исследуемых режимов с точки зрения экономической, социальной, экологической, технологической и моральной-психологической эффективности.

Экономическая эффективность. С точки зрения ученых-экономистов, максимальная эффективность имеет место тогда, когда удастся получить наилучший результат при заданных усилиях либо достичь заданный результат при минимальных усилиях. В качестве результата при этом выступает определенный уровень благосостояния, а усилия измеряются в единицах затраченных ресурсов [26, с. 15].

Критериями экономической эффективности стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности будут выступать:

- 1) объем инвестиций, в том числе капитальных вложений;
- 2) объем выручки от продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг;
- 3) объем налогов, уплаченных субъектами – участниками исследуемых режимов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации;
- 4) объем таможенных платежей, уплаченных субъектами – участниками исследуемых режимов;
- 5) объем страховых взносов, уплаченных субъектами – участниками исследуемых режимов.

Социальная эффективность. Любая деятельность по своей природе является социальной и обуславливает необходимость метрификации социальных эффектов [27, р. 495]. Ученые отмечают, что благо человека, как высшая ценность общества, становится самоцелью общественного развития [28, с. 225].

Считаем, что стимулирующий правовой режим предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий можно считать социально эффективным в случае достижения общественно значимой стратегической цели – повышения уровня благосостояния и уровня жизни общества, обусловленного внедрением и развитием цифровых технологий.

Применительно к таким режимам предпринимательской деятельности критериями оценки их социальной эффективности могут стать:

- 1) количество рабочих мест, созданных в процессе осуществления субъектами предпринимательской деятельности в условиях такого режима;

2) количество рабочих мест, созданных в процессе осуществления субъектами предпринимательской деятельности в условиях стимулирующего правового режима, являющимися субъектами малого и среднего предпринимательства;

3) объем израсходованных средств федерального бюджета, направленных на финансирование создания объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иной инфраструктуры, необходимой для реализации данного правового режима.

Экологическая эффективность. Следует согласиться с авторами, считающими, что хотя экономический рост и вносит существенный вклад в создание возможностей для будущих поколений «удовлетворять свои потребности», отсылка к будущему помещает экологические интересы в центр политических дебатов [29, с. 79].

В Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176, отмечается, что состояние окружающей среды на территории Российской Федерации оценивается как неблагоприятное. При этом в результате хозяйственной деятельности накоплено свыше 30 млрд т отходов производства и потребления. Именно поэтому на сегодняшний день актуальны задачи обеспечения «экологизации» законодательства [30, с. 16].

При этом авторами обосновывается необходимость экологизации законодательства именно в сфере инвестиционной деятельности с целью обеспечения права настоящего и будущего поколений на благоприятную окружающую среду [31, с. 9].

Для оценки экологической эффективности можно предложить проведение так называемого «теста на экологизацию» [32, с. 23], сутью которого будет соответствие следующим критериям:

1) наличие в нормативно-правовых актах требований о соответствии деятельности, осуществляемой в их границах, нормам экологического законодательства; значимость «включения» в соответствующие документы таких требований сложно переоценить, поскольку они будут способствовать учету и оценке не только экономической эффективности исследуемых режимов, но и экологической безопасности деятельности, осуществляемой в их границах;

2) гарантированная законом возможность участия представителей экологического сообщества (экологических правозащитных организаций и др.) в принятии решений в отношении создания и функциони-

рования таких территорий; осуществление общественного контроля за деятельностью, реализуемой в границах таких территорий, способствовало бы повышению ее качества, а также минимизации риска причинения вреда окружающей среде [33, с. 18].

Технологическая эффективность. В экономической науке принято считать, что производство может считаться технологически эффективным, если обеспечивается максимально возможный объем выпуска продукции при заданном количестве ресурсов [34, с. 163]. На сегодняшний день в условиях цифровизации технологическая эффективность рассматривается еще и как то, насколько эффективно используются и применяются имеющиеся технологии, какую выгоду приобретает субъект от обладания такими технологиями.

При этом указанный вид эффективности можно условно разделить на собственно технологическую и инновационную эффективность. Считаем, что критерии технологической эффективности следует применять к предпринимательской деятельности в сфере цифровых технологий, а также цифровых инноваций. Об инновационной эффективности речь идет в случае осуществления предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций.

Критериями оценки технологической эффективности выступают:

1) количество субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере цифровых инноваций и технологий;

2) годовой объем выручки от созданных и внедренных данными субъектами цифровых инноваций и технологий.

В свою очередь, инновационную эффективность можно оценить по следующим критериям:

1) количество полученных в результате осуществления предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности;

2) количество полученных патентов на охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности, созданные в процессе осуществления предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций.

Морально-психологическая эффективность. Данный вид эффективности подразумевает степень удовлетворенности субъектов предпринимательской деятельности действующим стимулирующим правовым режимом в сфере цифровых инноваций и технологий в следующих индикаторах:

1) степень удовлетворенности субъектов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий условиями осуществления такой деятельности в рамках установленного стимулирующего правового режима;

2) степень удовлетворенности субъектов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий работой органов публичной власти, ответственных за реализацию стимулирующего правового режима предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий.

4. Методика оценки

Ученые отмечают, что оценка правовых режимов – это интеллектуальная операция, в ходе которой существующий правовой режим сопоставляется с неким эталонным критерием на предмет выяснения степени соответствия реального и идеального положений дел [35, с. 42].

Анализ опубликованных научных работ, посвященных оценке правовых режимов, позволил разработать следующую методику оценки стимулирующих правовых режимов.

Оценка правовых режимов состоит из двух этапов – подготовительного и собственно этапа оценки.

На подготовительном этапе необходимо определить:

1) субъекты проведения оценки эффективности стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий;

2) нормативную правовую основу исследуемых стимулирующих правовых режимов в сфере цифровых инноваций и технологий;

3) приемы и способы получения информации о стимулирующих правовых режимах;

4) источники фактических данных – правоприменительная практика, СМИ, результаты анкетирования и социологических опросов, жалобы граждан в уполномоченные органы; такие данные позволяют соотнести нормативные показатели с реально существующим положением дел;

5) систему критериев, которая позволит определить эффективность (неэффективность) того или иного правового режима, – в качестве таковых будут выступать перечисленные выше критерии правовой, экономической, социальной, экологической, технологической и морально-психологической эффективности модели правового режима;

6) систему оценивания (см. табл.).

Каждый из критериев эффективности следует оценивать по шкале максимальной эффективности стимулирующего правового режима, где признанный эффективным критерий будет оцениваться в 2 балла, удовлетворительным – в 1 балл, неэффективным – в 0 баллов. Соответственно, максимальное количество баллов – 42. Стимулирующий режим будет считаться эффективным при 25–42 баллах; удовлетворительным – при 12–24; неэффективным – при 0–11 баллах.

Система оценивания

Вид эффективности	Информация для оценки	Шкала и система оценивания
Правовая	Действующее законодательство, статистические данные, СМИ, интернет-ресурсы, результаты социологических исследований, результаты собственных наблюдений эксперта	5 критериев, максимальное количество баллов – 10
Экономическая	Статистические данные, действующее законодательство, СМИ, интернет-ресурсы, результаты социологических исследований, результаты собственных наблюдений эксперта	5 критериев, максимальное количество баллов – 10
Социальная	Действующее законодательство, статистические данные, СМИ, интернет-ресурсы, результаты социологических исследований, результаты собственных наблюдений эксперта	3 критерия, максимальное количество баллов – 6
Экологическая	Действующее законодательство, СМИ, интернет-ресурсы, результаты социологических исследований, результаты собственных наблюдений эксперта	2 критерия, максимальное количество баллов – 4
Технологическая	Действующее законодательство, СМИ, интернет-ресурсы, результаты социологических исследований, результаты собственных наблюдений эксперта	4 критерия, максимальное количество баллов – 8 (в случае, если оценивается инновационная эффективность)
Морально-психологическая	СМИ, интернет-ресурсы, результаты социологических исследований, результаты собственных наблюдений эксперта	2 критерия, максимальное количество баллов – 4

На этапе оценки стимулирующего правового режима проводится собственно оценка стимулирующего режима с точки зрения определения уровня его эффективности на основании выявленных выше критериев. На основе полученных результатов представляется возможной градация правовых режимов на эффективный, удовлетворительный и неэффективный (определение среднего значения эффективности путем сложения баллов всех показателей).

5. Заключение

На сегодняшний день для нашей страны крайне необходимо создание благоприятных условий осуществления предпринимательской деятельности в

сфере цифровых инноваций и технологий. Для этого необходимо работать над созданием моделей эффективных стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в сфере таких инноваций и технологий. Предложенная в рамках данного исследования методика оценки эффективности таких правовых режимов может быть использована для оценки фактического воздействия нормативных правовых актов в исследуемой области, а авторские выводы могут лечь в основу будущих исследований стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gromova E. A. Quantum Law: The Beginning / E. A. Gromova, S. A. Petrenko // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2023. – Vol. 1, iss. 1. – P. 62–88. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.3.
2. Gromova E. Tools to stimulate Blockchain: application of regulatory sandboxes, special economic zones, and public-private partnerships / E. Gromova, D. B. Ferreira // *International Journal of Law in Changing World*. – 2023. – Vol. 2, no. 1. – P. 17–36. – DOI: 10.54934/ijlcw.v2i1.48.
3. Begishev I. R. Criminal-Legal Protection of Robotics: Notion and Content / I. R. Begishev // *International Journal of Law in Changing World*. – 2022. – Vol. 1, iss. 2. – P. 73–83. – DOI: 10.54934/ijlcw.v1i2.33.
4. Ferreira D. Online Sports Betting in Brazil and conflict solution clauses / D. Ferreira, E. Gromova, B. Farias, C. J. Giovannini // *Revista Brasileira De Alternative Dispute Resolution*. – 2022. – Vol. 4, iss. 7. – P. 75–87. – DOI: 10.52028/rbadr.v4i7.5.
5. Кванина В. В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности / В. В. Кванина // *Вестник Томского государственного университета*. – 2017. – № 424. – С. 234–240. – DOI: 10.17223/15617793/424/33.
6. Kayasan O. The Role of Regimes to Generate A New Form Of Entrepreneurship: Central Asian Perspectives / O. Kayasan // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2011. – Vol. 24. – P. 526–539. – DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.09.123.
7. Winter S. G. Schumpeterian Competition in Alternative Technological Regimes / S. G. Winter // *Journal of Economic Behavior & Organization*. – 1984. – Vol. 5, iss. 3–4. – P. 287–295. – DOI: 10.1016/0167-2681(84)90004-0.
8. Wersching K. Schumpeterian Competition, Technological Regimes and Learning through Knowledge Spillover / K. Wersching // *Journal of Economic Behavior and Organization*. – 2010. – Vol. 75, iss. 3. – P. 480–491. – DOI: 10.1016/J.JEBO.2010.05.005.
9. Malerba F. Knowledge-intensive innovative entrepreneurship integrating Schumpeter, evolutionary economics, and innovation systems / F. Malerba, M. McKelvey // *Small Business Economics*. – 2020. – № 54. – P. 503–512. – DOI: 10.1007/S11187-018-0060-2.
10. Audretsch D. B. The Entrepreneurial Regime, Learning, and Industry Turbulence / D. B. Audretsch, Z. J. Acs // *Small Business Economics*. – 1990. – № 2. – P. 119–126.
11. Ji I. Pre-Entrepreneurs' Perception of the Technology Regime and Their Entrepreneurial Intentions in Korean Service Sectors / I. Ji, J. Goo // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. – 2021. – Vol. 3, iss. 7. – P. 179–183. – DOI: 10.3390/joitmc7030179.
12. Desmarchelier B. Which innovation regime for public service innovation networks for social innovation (PSINIS)? Lessons from a European cases database / B. Desmarchelier, F. Djellal, F. Gallouj // *Research Policy*. – 2021. – Vol. 50, iss. 9. – Art. 104341. – DOI: 10.1016/J.RESPOL.2021.104341.
13. Desmarchelier B. Technological regimes and catching up in the product space / B. Desmarchelier, P. J. Regis // *Industrial and Corporate Change*. – 2021. – Vol. 30, iss. 4. – P. 927–935. – DOI: 10.1093/icc/dtab007.

14. Ефремов А. А. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт / А. А. Ефремов, Е. И. Добролюбова, Э. В. Талапина, В. Н. Южаков. – М. : Дело, 2020. – 126 с.
15. Грозина Е. В. Правовой режим и правовое регулирование / Е. В. Грозина // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 4 (83). – С. 1577–1580.
16. Кожевников В. В. Эффективность норм права и эффективности их применения: проблема соотношения / В. В. Кожевников // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 3 (147). – С. 39–44.
17. Жинкин С. А. Некоторые проблемы видов эффективности права / С. А. Жинкин // Журнал российского права. – 2004. – № 2. – С. 30–33.
18. Пашков А. С. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления / А. С. Пашков, Д. М. Чечот // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 3–11.
19. Герасимова Н. Р. Эффективность норм права / Н. Р. Герасимова, А. В. Демин // Социально-политические науки. – 2012. – № 3. – С. 50–52.
20. Кудрявцев В. Н. Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко, В. В. Глазырин. – М., 1980. – 260 с.
21. Проблемы эффективности работы управленческих органов / под ред. Ю. А. Тихомирова. – М., 1973. – 437 с.
22. Червонюк В. И. Теория государства и права : учеб. / В. И. Червонюк. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 238 с.
23. Бакулина Л. Т. Проблема эффективности правовых норм в контексте правовой конфликтологии / Л. Т. Бакулина, Н. Р. Нугаева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – Вып. 2 (4). – С. 9–13.
24. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст ; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2008. – 339 с.
25. Беляева Г. С. Правовой режим: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Курск, 2013. – 56 с.
26. Одинцова М. И. Экономика права : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обуч. по направлению подготовки «Экономика» / М. И. Одинцова. – М. : ГУ ВШЭ, 2007. – 78 с.
27. Terziev V. Cost Effectiveness Analyses Models in the Defence / V. Terziev, S. Dimitrova // China-USA Business Review. – 2014. – Vol. 13, No. 8. – P. 495–512. – DOI: 10.17265/1537-1514/2014.08.001.
28. Терзиев В. К. Социальная эффективность как мера деятельности в социуме / В. К. Терзиев, Е. Н. Стоянов // Инновационная наука. – 2016. – № 3. – С. 224–234.
29. Копылов М. Концепция устойчивого развития в формате ЭКОВАС / М. Копылов, К. М. Менса // Право и управление. XXI век. – 2015. – № 2 (35). – С. 79–84.
30. Боголюбов С. А. Потенциал экологических норм Конституции России / С. А. Боголюбов // Журнал российского права. – 2018. – № 5. – С. 16–25. – DOI: 10.12737/art_2018_5_2.
31. Шамсутдинов М. Р. Теоретико-методологические проблемы экологизации российского законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Р. Шамсутдинов. – Уфа, 2009. – 27 с.
32. Громова Е. А. Экологизация законодательства о территориях с особым режимом экономической деятельности / Е. А. Громова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 23–29.
33. Юрков С. А. Социально-правовые механизмы природопользования : аналит. обзор / С. А. Юрков. – Новосибирск : Нова, 1995. – 151 с.
34. Сульдина О. В. Эффективность как критерий результативности работы предприятия / О. В. Сульдина // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 4 (10). – С. 162–166.
35. Беляев М. А. Оценка правовых режимов с точки зрения системного подхода: некоторые теоретические предпосылки / М. А. Беляев // Оценка правовых режимов: подходы и методы : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Фролова, В. Ю. Панченко. – Красноярск : Сиб. фед. ун-т, 2018. – С. 42–49.

REFERENCES

1. Gromova E.A., Petrenko S.A. Quantum Law: The Beginning. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol. 1, iss. 1, pp. 62–88. DOI: 10.21202/jdtl.2023.3.

2. Gromova E., Ferreira D.B. Tools to stimulate Blockchain: application of regulatory sandboxes, special economic zones, and public-private partnerships. *International Journal of Law in Changing World*, 2023, vol. 2, no. 1, pp. 17–36. DOI: 10.54934/ijlcw.v2i1.48.
3. Begishev I.R. Criminal-Legal Protection of Robotics: Notion and Content. *International Journal of Law in Changing World*, 2022, vol. 1, iss. 2, pp. 73–83. DOI: 10.54934/ijlcw.v1i2.33.
4. Ferreira D., Gromova E., Farias B., Giovannini C.J. Online Sports Betting in Brazil and conflict solution clauses. *Revista Brasileira De Alternative Dispute Resolution*, 2022, vol. 4, iss. 7, pp. 75–87. DOI: 10.52028/rbadr.v4i7.5.
5. Kvanina V.V. Concept and types of legal regimes of entrepreneurship. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2017, no. 424, pp. 234–240. DOI: 10.17223/15617793/424/33. (In Russ.).
6. Kayasan O. The Role of Regimes to Generate A New Form Of Entrepreneurship: Central Asian Perspectives. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011, vol. 24, pp. 526–539. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.09.123.
7. Winter S.G. Schumpeterian Competition in Alternative Technological Regimes. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 1984, vol. 5, iss. 3–4, pp. 287–295. DOI: 10.1016/0167-2681(84)90004-0.
8. Wersching K. Schumpeterian Competition, Technological Regimes and Learning through Knowledge Spillover. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 2010, vol. 75, iss. 3, pp. 480–491. DOI: 10.1016/J.JEBO.2010.05.005.
9. Malerba F., McKelvey M. Knowledge-intensive innovative entrepreneurship integrating Schumpeter, evolutionary economics, and innovation systems. *Small Business Economics*, 2020, no. 54, pp. 503–512. DOI: 10.1007/S11187-018-0060-2.
10. Audretsch D.B., Acs Z.J. The Entrepreneurial Regime, Learning, and Industry Turbulence. *Small Business Economics*, 1990, no. 2, pp. 119–126.
11. Ji I., Goo J. Pre-Entrepreneurs' Perception of the Technology Regime and Their Entrepreneurial Intentions in Korean Service Sectors. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 2021, vol. 3, iss. 7, pp. 179–183. DOI: 10.3390/joitmc7030179.
12. Desmarchelier B., Djellal F., Gallouj F. Which innovation regime for public service innovation networks for social innovation (PSINSIs)? Lessons from a European cases database. *Research Policy*, 2021, vol. 50, iss. 9, art. 104341. DOI: 10.1016/J.RESPOL.2021.104341.
13. Desmarchelier B., Regis P.J. Technological regimes and catching up in the product space. *Industrial and Corporate Change*, 2021, vol. 30, iss. 4, pp. 927–935. DOI: 10.1093/icc/dtab007.
14. Efremov A.A., Dobrolyubova E.I., Talapina E.V., Yuzhakov V.N. *Experimental legal regimes: foreign experience and Russian start*. Moscow, Delo Publ., 2020. 126 p. (In Russ.).
15. Grozina E.V. Legal regime and legal regulation. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo Instituta MVD Rossii = Vestnik of the East Siberian Institute of the MIA of Russia*, 2017, no. 4 (83), pp. 1577–1580. (In Russ.).
16. Kozhevnikov V.V. Efficiency of law norms and effectiveness of their application: the problem of correlation. *Pravo I gosudarstvo: teoriya I praktika*, 2017, no. 3 (147), pp. 39–44. (In Russ.).
17. Zhinkin S.A. Some problems of types of law effectiveness. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2004, no. 2, pp. 30–33. (In Russ.).
18. Pashkov A.S., Chechot D.M. Efficiency of legal regulation and methods of its detection. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1965, no. 8, pp. 3–11. (In Russ.).
19. Gerasimova N.R., Demin A.V. The effectiveness of the norms of the law. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Sociopolitical Sciences*, 2012, no. 3, pp. 50–52. (In Russ.).
20. Kudryavtsev V.N., Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V. *Efficiency of legal norms*. Moscow, 1980. 260 p. (In Russ.).
21. Tikhomirov Yu.A. (ed.). *Problems of efficiency of work of administrative bodies*. Moscow, 1973. 437 p. (In Russ.).
22. Chervonyuk V.I. *Theory of state and law*, Textbook. Moscow, INFRA-M Publ., 2008. 238 p. (In Russ.).
23. Bakulina L.T., Nugaeva N.R. The legal norms efficacy's problem in the context of law the conflictology. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2009, iss. 2 (4), pp. 9–13. (In Russ.).

24. Leist O.E. *The essence of law. Problems of theory and philosophy of law*, ed. by V.A. Tomsinov. Moscow, Zertsalo Publ., 2008. 339 p. (In Russ.).
25. Belyaeva G.S. *Legal regime: a general theoretical study*, Doct. Diss. Thesis. Kursk, 2013. 56 p. (In Russ.).
26. Odintsova M.I. *Economics of law*, Textbook for students of higher educational institutions, studying in the direction of training "Economics". Moscow, HSE Publ., 2007. 78 p. (In Russ.).
27. Terziev V., Dimitrova S. Cost Effectiveness Analyses Models in the Defence. *China-USA Business Review*, 2014, vol. 13, no. 8, pp. 495–512. DOI: 10.17265/1537-1514/2014.08.001.
28. Terziev V.K., Stoyanov E.N. Social efficiency as a measure of activity in the society. *Innovatsionnaya nauka = Innovation science*, 2016, no. 3, pp. 224–234. (In Russ.).
29. Kopylov M., Mensah C.M. The concept of sustainable development in the ECOWAS format. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Journal of Law and Administration*, 2015, no. 2 (35), pp. 79–84. (In Russ.).
30. Bogolyubov S.A. The Potential of Environmental Norms of the Russian Constitution. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 5, pp. 16–25. DOI: 10.12737/art_2018_5_2. (In Russ.).
31. Shamsutdinov M.R. *Theoretical and methodological problems of ecologization of the Russian legislation*, Cand. Diss. Thesis. Ufa, 2009. 27 p. (In Russ.).
32. Gromova E.A. Ecologization of legislation on territories with a special regime of economic activity. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" = Bulletin of the South Ural state university. Series: Law*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 23–29. (In Russ.).
33. Yurkov S.A. *Socio-legal mechanisms of nature management*, Analytical review. Novosibirsk, Nova Publ., 1995. 151 p. (In Russ.).
34. Sul'dina O.V. Efficiency as a criterion performance of companies. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2014, no. 4 (10), pp. 162–166. (In Russ.).
35. Belyaev M.A. Evaluation of legal regimes from the point of view of the system approach: some theoretical background, in: Frolova N.A., Panchenko V.Yu. (eds.). *Otsenka pravovykh rezhimov: podkhody i metody*, Collection of scientific papers, Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2018, pp. 42–49. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Громова Елизавета Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института по международной деятельности, доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
454092, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 78
E-mail: gromovaea@susu.ru
ORCID: 0000-0001-6655-8953
ResearcherID: AAO-8876-2020
SPIN-код РИНЦ: 8054-2491; AuthorID: 652593

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Громова Е.А. Оценка эффективности моделей стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий / Е.А. Громова // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 66–75. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).66-75.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elizaveta A. Gromova – PhD in Law, Associate Professor; Deputy Director for international activity, Law Institute; Associate Professor, Department of Entrepreneurial, Competition and Environmental Law
South Ural State University (National Research University)
78, Lenina pr., Chelyabinsk, 454092, Russia
E-mail: gromovaea@susu.ru
ORCID: 0000-0001-6655-8953
ResearcherID: AAO-8876-2020
RSCI SPIN-code: 8054-2491; AuthorID: 652593

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gromova E.A. Evaluating the effectiveness of models of incentive legal regimes of entrepreneurial activity in the sphere of digital innovations and technologies. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 66–75. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).66-75. (In Russ.).

ПРАВОВОЙ СТАТУС «МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

А.А. Васильев, Б.Е. Караванов

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

09 марта 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Наука, научное право, правовой статус, молодой ученый, исследователь, аспирант, социальные выплаты, грантовая поддержка, омоложение науки

Проводится исследование правового статуса молодых ученых в Российской Федерации с учетом потребности российского научного общества в воспроизводстве научного знания. По результатам исследования делается вывод об отсутствии в действующих правовых нормах системного подхода к определению статуса молодого ученого. Проводится критический анализ подзаконных актов, предоставляющих социальные гарантии молодым ученым. Делается вывод о необходимости закрепления единого правового статуса молодого ученого на уровне федерального закона, приведения к единству с указанным федеральным законом иных правовых актов и расширения существующих мер поддержки молодых ученых.

LEGAL STATUS OF YOUNG SCIENTISTS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Anton A. Vasiliev, Bogdan E. Karavanov

Altai State University, Barnaul, Russia

Article info

Received –

2022 March 09

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Science, academic law, legal status, young scientist, researcher, postgraduate student, social benefits, grant support, rejuvenation of science

The subject. The article presents a comprehensive analysis of the legal status of young scientists in the Russian Federation, taking into account the needs of the Russian scientific society for the reproduction of the scientific knowledge.

The purpose of the research is to confirm or to reject the hypothesis of the necessity of the specific legal status of the young scientists in Russian academic law.

Methodology. The formal legal method, the method of comparative legal analysis and method of systemic approach were used in the article.

The main results. The research proves that the modern Russian academic community is in need of the young scientists due to the aging of the community. According to statistics, the lack of social guarantees and the low prestige of the academic profession result in a low percentage of PhD graduates in the recent years. The study concludes that there is no systematic approach to the definition of the status of a young scientist in the current Russian law. Although attempts to formalize the legal status of the young scientists have been made, they have so far not led to significant results. The authors conclude that the current legislation governing the legal status of young scientists should be harmonised. Analysis of the current legislation on the legal status of young scientists also reveals a number of complex issues. Social guarantees for young scientists, presented in the form of social housing, affect only a small proportion of the scientific community, while there are no laws granting preferential loans for young scientific workers. The participation of young scientists in grant support competitions is complicated due to the lack of a unified approach. Specific problems are faced by female scientists. A partial solution to the problem of the low prestige of the profession for both scientific and pedagogic workers, according to the authors of the article, lies in the foundation of a unified federal system of guaranteed wages for such workers.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук «Феномен научного права: российское и международное измерение» (проект № МД-233.2021.2).

** The study was supported by the grant of the President of the Russian Federation for young doctors of sciences “The phenomenon of scientific law: Russian and international dimension”, No. MD-233.2021.2.

Conclusions. Researchers conclude that a consistent approach to the legal status of young scientists and social guarantees, according to such status, can ensure the stable growth of young people in the sphere of scientific activity. In order to enhance the prestige of the profession of scientist among young people and to prevent the lack of scientific and pedagogical workers, researchers consider it necessary to take a number of measures, such as legal enshrinement of the status of a young scientists, development of a system of social guarantees, search for a new ways to measure the scientific activity of employees, formation of a stable system of postgraduate studies and creation of comfortable working conditions for young scientists.

1. Введение в проблему

Серьезным вызовом для российской науки является привлечение и удержание такой категории исследователей, как молодые ученые. Согласно статистическим данным, кадровый персонал науки сократился с 887 729 чел. в 2000 г. до 682 464 чел. в 2019 г., число исследователей – с 425 954 чел. до 348 221 чел. При этом количество ученых до 29 лет упало с 71 100 чел. в 2010 г. до 58 500 чел. в 2019 г. [1, с. 50–53].

Налицо и неравномерное размещение исследовательских сил по территории Российской Федерации – в Москве и Санкт-Петербурге в 2017 г. сосредоточилось 54 % всех исследователей России. При пересчете на 10 тыс. чел. разрыв между числом ученых в столицах и регионах превышает шестикратный. Существующая модель подготовки и защиты диссертаций не способна удовлетворить запрос на подготовку исследователей в провинции. За Уралом диссертационные советы стали редкостью, что в самом ближайшем времени приведет к нехватке квалифицированных научных кадров в регионах.

Данные по количеству аспирантов и защит диссертаций также говорят о снижении интереса к науке среди молодежи. В 2000 г. в аспирантуре было 117 714 чел., защитили диссертации 7 503 чел. К 2019 г. аспирантов стало на 33 000 меньше, защитились 1 629 чел. – сокращение пятикратное. Среди причин, наряду с повышением требований к качеству диссертаций: сокращение сети диссертационных советов, формирование негативной атмосферы в ходе представления диссертаций к защите, снижение материального и социального статуса аспиранта, из-за чего последние всё чаще склонны относиться к перспективе защиты диссертации с апатией или неприкрытым скепсисом [2, с. 259–260].

При этом органы публичной власти заявляют о том, что число молодых ученых (до 39 лет) за последние 5 лет выросло и в общей численности исследователей составляет в среднем более 40 %¹, а более 50 % опрошенных в ходе социологических опросов видят своих детей в качестве исследователей². Приведенные данные еще не говорят о кардинальном изменении политики или ее результатов в части привлечения молодежи в науку. Напротив, очевидны следующие критические тенденции:

- отсутствие внятной государственной научно-технической политики как в целом, так и в отношении молодых ученых;

- низкий материальный и социальный статус аспирантов, невысокий престиж профессии ученого;

- отсутствие системы стимулов для занятия исследовательской работой, господство наукометрических показателей при оценке профессионализма ученого [3, р. 234];

- бюрократизация процедуры защит диссертаций, сокращение сети диссертационных советов, прекращающееся реформирование системы государственной научной аттестации [4], сосредоточение научно-педагогических кадров в центральных, экономически развитых регионах;

- резкое снижение численности молодых исследователей (до 29 лет), что в долгосрочной перспективе повлечет за собой старение российской науки, рост доли ученых в возрасте до 39 лет на фоне снижения общего числа ученых.

При сохранении текущих тенденций общество в среднесрочной перспективе может столкнуться с кризисом воспроизводства научного знания. В Стратегии НТР и паспорте национального проекта «Наука» поставлена цель до 2024 г. увеличить долю молодых исследователей до 48 %. Без специального

¹ Мартынова С.В., Ратай Т.В., Стрельцова Е.А. Российская наука становится моложе // ИСИЭЗ ВШЭ: офиц. сайт. 2021. 17 нояб. URL: <https://issek.hse.ru/news/530633282.html> (дата обращения: 01.03.2022).

² Год науки // ВЦИОМ: офиц. сайт. 2021. 18 февр. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-nauki> (дата обращения: 01.03.2022).

статуса молодых ученых эта задача вряд ли будет решена. Однако в юридической литературе мало работ, посвященных правовому статусу молодых ученых. При этом тема правового статуса ученых затрагивалась, например, Ю.М. Плюсниным – при анализе кризиса организации современного научного общества [5], Ю.В. Степаненко – при исследовании пределов академической свободы ученого [6], Н.В. Черных – при анализе роли частных инвестиций в развитии науки [7], М.В. Шуруговым – в свете международно-правовых стандартов статуса научных работников [8], С.А. Белоусовым и К.С. Кротовым – при анализе категории «научное звание» [9]. Правовое положение научных работников Российской академии наук, вузов, государственных научно-исследовательских организаций, юридических лиц анализировались Д.А. Бочарниковым [10]. Среди зарубежных исследователей отметим работы К. Циркле [11], У. Гайека [12]. Формы коллективов ученых изучали С.М. Никифоров [13], Д. Шпоппер [14]. Социально-экономический статус ученых исследовали И.А. Шишканова [15], О.А. Шевченко и Д.И. Воронцов [16], А.О. Четвериков [17], Т.И. Волкова [18].

Трудов, посвященных проблемам правового статуса молодых ученых, меньше, но мы можем выделить работы таких исследователей, как О.Ю. Осипова [19] и Л.Ю. Черноморская [20]. Из относительно недавних исследований внимания заслуживают работы И.Е. Ильиной, Е.Н. Жаровой и Н.Н. Королевой, изучающих зарубежные практики поддержки молодых исследователей и возможности их применения в России [21], и Л.С. Рубан, проводящей компаративный анализ российской и западной систем образования и подготовки научных кадров [22].

2. Проблемы поиска нормативно-правовой основы

Решение проблемы привлечения молодых талантов в науку возможно посредством разработки и реализации госпрограммы поддержки молодых ученых, созданной на основе мирового и отечественного опыта. В первую очередь, подобная система поддержки должна иметь правовой фундамент. При этом в различных правовых актах даже сама катего-

рия «молодой ученый» понимается по-разному, отличаются как возрастные критерии, так и круг лиц. Например, Совет по грантам Президента РФ для молодых кандидатов наук, молодых докторов наук и ведущих научных школ относит к молодым ученым кандидатов до 35 лет и докторов до 40 лет, паспорт национального проекта «Наука» – всех ученых до 39 лет, а акты фондов поддержки науки в конкурсной документации относят к молодым ученым различные категории до 39 лет: студенты, аспиранты, ученые и пр.

Характеристики молодых ученых, меры поддержки рассредоточены в подзаконных актах федерального уровня, в законодательстве субъектов Российской Федерации. Очевидно, что при такой противоречивости необходимо единообразное понятие «молодой ученый»³.

Последние годы характеризуются попытками законодательного определения «молодого ученого». В 2020 г. в Государственную Думу был внесен соответствующий законопроект, предлагавший закрепить следующее определение понятия «молодой ученый»: «работник образовательной или научной организации, имеющий ученую степень кандидата наук в возрасте до 35 лет или ученую степень доктора наук в возрасте до 40 лет либо являющийся аспирантом, исследователем или преподавателем образовательной организации высшего образования без ученой степени в возрасте до 30 лет»⁴.

В 2021 г. Минобрнауки России разработало 2 проекта федеральных законов относительно поддержки молодых ученых, что показывает актуальность задачи привлечения молодежи в науку для государственной научно-технической политики. В последнем к молодым ученым предполагается отнести лиц в возрасте до 35 лет включительно, являющихся научными работниками научных организаций, научно-педагогическими работниками организаций, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, а также научных работников иных организаций, осуществляющих научную и (или)

³ В свое время один из авторов статьи предлагал выработать систему мер поддержки молодых ученых и разработал проект закона Алтайского края «О дополнительных мерах государственной поддержки молодых ученых в Алтайском крае» (Васильев А.А. Проект закона Алтайского края «О государственной поддержке молодых ученых в Алтай-

ском крае» // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2014. № 2. С. 30–31).

⁴ Законопроект № 898664-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/898664-7> (дата обращения: 18.02.2022).

научно-техническую деятельность⁵. К мерам поддержки молодых ученых причисляются стипендии, гранты, премии, социальные выплаты для приобретения жилья и иные меры государственной поддержки, которые могут быть предусмотрены определенными органами государственной власти. Выделяется категория ученых – докторов наук в возрасте до 45 лет, хотя и без конкретизации мер поддержки или обоснования обособления.

Предложенное в законопроекте понятие «молодой ученый» расходится с терминами, которые используются в иных нормативных актах. В случае принятия законопроекта эти акты необходимо будет привести в соответствие с законом. Возникают вопросы и к национальному проекту «Наука и университеты», исходящему из категории молодых исследователей до 39 лет, индикаторы которого требуют иной интерпретации категории «молодой ученый».

3. Проблемы жилищной обеспеченности молодых ученых

Различные меры поддержки молодых ученых в части улучшения их жилищных условий закреплены лишь на уровне федеральных подзаконных актов. Одной из них является социальная выплата на приобретение жилья, получаемая в рамках госпрограммы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» в соответствии с постановлениями Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710⁶ и от 17 декабря 2010 г. № 1050⁷. Очевидным недостатком программы является то, что она распространяется лишь на ученых, работающих в организациях системы Минобрнауки России, оставляя работников в частных учебных заведениях без возможности получить указанную выплату. Другим недостатком является обязательный характер соответствия ученого требованиям ст. 51 Жилищного кодекса РФ и отсутствие мер поддержки для ученых, не соответствующих данным требованиям, но желающих улучшить свои жилищные условия.

На федеральном уровне ранее выдвигались предложения о распространении системы льготной

ипотеки на молодых ученых – в мае 2021 г. соответствующее предложение было внесено в Правительство Министерством науки и высшего образования РФ, затем с соответствующей инициативой выступил губернатор Новосибирской области А.А. Травников. Воплощение данной инициативы в нормативно-правовую форму способствует решению жилищного вопроса и повышению социального статуса молодого ученого.

Интерес представляют программы материальной поддержки молодых ученых, реализуемые в Китае, где молодые исследователи получают рассрочку на 15–20 лет при оплате 20 % от стоимости квартиры. Грантовыми программами поощряется обучение выдающихся молодых ученых в развитых странах, а проблема невозвращения таких ученых решается мерами по поддержке их стартапов на территории Китая, высоким уровнем зарплат, превышающим стандартные профессорские зарплаты в 2–10 раз, и компенсацией стоимости жилья [21, с. 360–361].

4. Программы грантовой поддержки молодых ученых, молодежные лаборатории

Вопрос со специальными мерами поддержки молодых ученых, реализуемых через гранты, стипендии и стажировки, в целом решен. Министерство науки и образования РФ и Совет по грантам Президента РФ ежегодно проводят конкурсы на гранты и стипендии для молодых ученых. В этих конкурсах могут участвовать кандидаты наук до 35 лет и доктора наук до 40 лет. Для аспирантов открыт конкурс на стипендии для молодых ученых, которые осуществляют исследования по приоритетным направлениям модернизации экономики. Вовлечение аспирантов в систему грантов и стипендий позволяет формировать из них «научный резерв».

Грантовая система для молодых ученых предусмотрена и иными организациями. Так, Российский научный фонд выделяет группу конкурсов по поддержке исследований молодых ученых. Чтобы коллектив мог выиграть грант, в нем должен быть определенный процент молодых ученых, при этом воз-

⁵ Законопроект «О внесении изменения в главу II Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nра=123529> (дата обращения: 19.02.2022).

⁶ Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан

Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁷ Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2010 г. № 1050 «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

растные рамки могут варьироваться в зависимости от роли в исследовательском проекте. Определенную поддержку исследований молодых ученых оказывает также Российский фонд фундаментальных исследований, выделяющий на это часть своих бюджетных средств.

На региональном уровне возможно создание акселераторов, способных предоставлять для молодых ученых – победителей конкурсов комплексное сопровождение их проектов. Некоторые из данных стартапов становятся для регионов коммерчески успешными экономическими локомотивами – например, компания *Promobot*, созданная студентом Пермского государственного политехнического университета с поддержкой вузовского конкурса «Большая разведка» [23, с. 225–226]. Молодые ученые региона признают эффективность действующих в нем как региональных, так и федеральных программ [24].

На локальном уровне собственные конкурсы проводят организации Минобрнауки России – так, различные соответствующие конкурсы грантов и стажировок исключительно для молодых ученых проводятся в Алтайском государственном университете, при этом участвовать в программах могут аспиранты, молодые научно-педагогические работники возрастом до 35 лет и доктора наук возрастом до 40 лет.

Кроме того, в рамках национального проекта «Наука и университеты» с 2018 по 2021 г. создано 500 молодежных лабораторий, в которых 60 % команды и руководитель – ученые до 39 лет. Это дает молодым ученым реальную возможность занять руководящую позицию.

Впрочем, многообразие предлагаемых грантов, призванное стимулировать творческую деятельность научных сотрудников, сталкивается с проблемой неоднородности предъявляемых к конкурсантам требований. Мы полагаем, что единый подход в отнесении специалистов к категории «молодых ученых» – это задача, в которой первостепенную роль призвано исполнить федеральное законодательство.

5. Карьерные перспективы молодых ученых: гарантии трудоустройства, повышение конкурентоспособности

Представляется возможным также закрепление в правовом статусе молодых ученых гарантий, обеспечивающих их стабильную занятость. В некоторых актах зарубежного законодательства подобные

меры уже существуют – например, итальянским законом от 30 декабря 2010 г. гарантировано временное трудоустройство молодых научных сотрудников, окончивших докторантуру, в ходе которого выпускник подтверждает свою компетентность⁸.

Заслуживает внимания и западная система присвоения степеней. В США срок подготовки диссертации занимает 6–8 лет [22, с. 421]. В России, если защита диссертации происходит в момент окончания аспирантуры, сроки примерно аналогичные. Однако процедура защиты в США осуществляется не диссоветом, а академическим комитетом внутри самого университета. В связи с этим считаем, что серьезной проблемой российского научного сообщества стало сокращение количества диссертационных советов.

Сложными являются вопросы, связанные с определением статуса ученого в научном мире посредством наукометрических показателей. Полагаем, что данные показатели не всегда соответствуют актуальной информации, а с учетом продолжительности стажа у исследователя появляется множество возможностей управлять собственным *h*-индексом посредством формального соавторства и иных подобных механизмов. Молодой же сотрудник вынужден прибегать к массовой публикации работ за плату, что негативно сказывается как на качестве самих работ, так и на трудовой мотивации ученого. Тезис подтверждается зарубежными исследованиями. Так, в обзоре на внедрение количественных показателей производительности в шведскую научную систему исследователи отметили, что продуктивность автора в написании значительного количества публикаций не гарантирует их должного качества [25]. В данной связи интересна инициатива НЭБ по введению новых показателей оценки научной состоятельности исследователей, например, измерения процентиля по ядру РИНЦ. Последние исследования отмечают высокий потенциал указанного инструмента [26]. Переход от использования индекса Хирша к новым инструментам способен укрепить позиции молодых исследователей, однако подходить к данному вопросу следует взвешенно, без принятия решений, способных дискриминировать старших коллег.

Со специфическими проблемами сталкиваются молодые ученые – женщины, для которых начало научной карьеры зачастую совпадает с периодом

⁸ Legge 30 dicembre 2010, n. 240 // Università degli Studi della Tuscia. URL: [https://www.unitus.it/public/contenuti/ExJSite/Legge 240 del 2010.pdf](https://www.unitus.it/public/contenuti/ExJSite/Legge%20del%202010.pdf) (дата обращения: 19.02.2022).

формирования семьи и деторождения, что способно на некоторое время затормозить академический прогресс таких исследователей [27, с. 89–91]. Отсутствие же гарантий для семей молодых ученых может привести к потере желания возвращаться в научную деятельность.

Значительную роль в улучшении престижа научной деятельности могут сыграть организации самоуправления ученых. В Российской Федерации такие организации действуют в регионах, но, например, в Казахстане Союз ученых работает на республиканском уровне [28]. Положительным явлением можно считать создание советов молодых ученых научных и учебных заведений, которые часто сотрудничают с аналогичными советами регионов. Так, Совет молодых ученых Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН координирует свою деятельность с региональным Советом молодых ученых и специалистов Пермского края [29, с. 128]. Такое взаимодействие способствует укреплению связей молодых ученых с профессией и донесению их инициатив до органов власти.

Вышеупомянутые проблемы затрагивают в основном исследовательскую деятельность молодого ученого. Однако значительная часть молодых ученых также занимается педагогической работой, и желание достичь высоких наукометрических показателей, несмотря на признание успеваемости студентов критерием оценки научно-педагогических работников [30, с. 20], может повлиять на качество образовательных услуг. В этой связи можно предложить выплачивать дополнительные надбавки исследователям за публикации монографий и учебных изданий, которые в настоящее время менее выгодны с точки зрения наукометрии, чем научные статьи.

Помимо расширения системы стимулирующих мер, необходимо подвергнуть переоценке и повышению базовые оклады молодых научных сотрудников. Осознавая сложность поставленного вопроса, считаем, что наиболее эффективным решением, способным остановить отток трудоспособной молодежи в наиболее экономически благоприятные регионы, было бы введение единой системы оплаты труда научных работников вне зависимости от региональных особенностей.

6. Заключение

Последовательный подход к правовому статусу молодого ученого, наполнение его социальными гарантиями способны обеспечить приток молодежи в

сферу научной деятельности. Для повышения престижа профессии ученого среди молодежи, недопущения старения научно-педагогического персонала, видим необходимым принятие ряда мер, среди которых:

1. Закрепление понятия «молодой ученый», критериев его определения и основных направлений социальной поддержки на уровне федерального закона.

2. Повышение престижа профессии ученого путем развития системы социальных стимулов с упрощением процедур их получения, рост уровня материальной обеспеченности молодых сотрудников за счет вовлечения их в гранты, выплачиваемые бюджетными и внебюджетными фондами.

3. Постепенный переход от наукометрических способов оценки труда ученых к способам, позволяющим оценить качество публикуемых научных статей, поиск иных способов измерения научной активности сотрудников научных организаций.

4. Постановка и решение вопроса о повышении гарантированной части заработной платы научных сотрудников, в том числе и молодых ученых, путем формирования единой системы оплаты труда научных работников.

5. Формирование стабильной системы подготовки и защиты диссертаций с тем, чтобы выпускники аспирантуры имели возможность защиты в регионах их обучения.

6. Создание комфортных условий для труда молодых ученых, к которым относятся научные коллективы, руководство которыми осуществляют молодые кандидаты и доктора наук, молодежные лаборатории с четкими требованиями к проценту молодых ученых в их составе, советы молодых ученых и наукоемкие кластеры.

Успешное научно-технологическое развитие возможно при условии повышения правового и социального статуса ученого. Отправной точкой этих процессов должно стать законодательное внедрение термина «ученый» для обозначения той категории граждан, которая в эпоху знаний становится основной производительной силой общества. Всё вышперечисленное обуславливает необходимость скорейшего законодательного закрепления критериев определения молодых ученых и унификации разрозненных подзаконных актов, на данный момент регулирующих представление им социальных гарантий и преимуществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Индикаторы науки: 2021 : стат. сб. / редкол.: Л. М. Гохберг, Я. И. Кузьминов. – М. : НИУ ВШЭ, 2021. – 352 с.
2. Швецова А. В. Воспроизводство кадрового потенциала науки в оценке молодых российских ученых: результаты прикладного исследования / А. В. Швецова, А. А. Симонова, Н. Н. Давыдова // Мониторинг общественного мнения: социальные и экономические перемены. – 2020. – № 5 (159). – С. 248–268. – DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.736.
3. Nauman S. Lack of Critical Thinking Skills Leading to Research Crisis in Developing Countries: A Case of Pakistan / S. Nauman // Learned Publishing. – 2017. – Vol. 30, № 3. – P. 233–236. – DOI: 10.1002/leap.1091.
4. Габов А. В. Проблемы правового регулирования подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) / А. В. Габов, А. Е. Шерстобитов // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2021. – Т. 3. – С. 181–195. – DOI: 10.33397/2619-0559-2021-3-3-181-195.
5. Плюснин Ю. М. Институциональный кризис науки и новые ценностные ориентиры профессионального ученого / Ю. М. Плюснин // Философия науки. – 2003. – № 2 (17). – С. 99–109.
6. Степаненко Ю. В. Конституционная свобода научного творчества сквозь призму административных барьеров / Ю. В. Степаненко // Административное право и процесс. – 2018. – № 12. – С. 30–35.
7. Черных Н. В. Правовой статус научных работников в России и зарубежных странах / Н. В. Черных // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 7. – С. 67–76. – DOI: 10.17803/1994-1471.2019.104.7.067-076.
8. Шугуров М. В. Международно-правовые стандарты правового статуса научных работников // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 6. – С. 201–210. – DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.201-210.
9. Белоусов С. А. Ученое звание как составляющая профессионального статуса научно-педагогических работников в России и зарубежных странах / С. А. Белоусов, К. С. Кротов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 2. – С. 88–98.
10. Бочарников Д. А. Специфика научной деятельности как основание дифференциации правового регулирования трудовых отношений научных работников / Д. А. Бочарников // Журнал российского права. – 2014. – № 2. – С. 101–109. – DOI: 10.12737/2244.
11. Zirkle C. Our Splintered Learning and the Status of Scientists / C. Zirkle // Science. – 1955. – Vol. 121, № 3146. – P. 513–519. – DOI: 10.1126/science.121.3146.513.
12. Gaieck W. Opinion: Science Policy for Scientists: A Simple Task for Great Effect / W. Gaieck, J. P. Lawrence, M. Montchal, W. Pandori, E. Valdez-Ward // PNAS. – 2020. – Vol. 117, № 35. – P. 20977–20981. – DOI: 10.1073/pnas.2012824117.
13. Никифоров С. М. Юридические лица публичного права в России в XVII–XIX веках : дис. ... канд. юрид. наук / С. М. Никифоров. – М., 2017. – 196 с.
14. Васильев А. А. Правовой статус коллективных субъектов научной деятельности / А. А. Васильев, Д. Шпоппер, Ю. В. Печатнова // Юрислингвистика. – 2021. – № 21. – С. 5–10. – DOI: 10.14258/leglin(2021)2101.
15. Шишканова И. А. Социально-правовой статус научного работника / И. А. Шишканова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2019. – № 1. – С. 267–276.
16. Шевченко О. А. Определение трудов правового статуса научно-педагогических работников (анализ российского и зарубежного законодательства о научно-технической деятельности) / О. А. Шевченко, Д. И. Воронцов // Вопросы управления. – 2014. – № 3. – С. 212–218.
17. Четвериков А. О. Основные модели правового статуса научно-педагогических работников в современном мире и России: теоретические и прикладные аспекты / А. О. Четвериков // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1. – С. 226–232. – DOI: 10.17803/1994-1471.2016.62.1.226-232.
18. Волкова Т. И. Статус исследователя: управленческий аспект / Т. И. Волкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. – Т. 8, № 1. – С. 149–155.
19. Осипова О. Ю. Социальный статус молодых ученых в регионе : дис. ... канд. социол. наук / О. Ю. Осипова. – Саранск, 2011. – 199 с.

20. Черноморская Л. Ю. Тенденции изменения ценностей научной деятельности в России: установки молодежи : дис. ... канд. социол. наук / Л. Ю. Черноморская. – Н. Новгород, 2005. – 159 с.
21. Ильина И. Е. Поддержка молодых исследователей: зарубежные практики и возможность их применения в России / И. Е. Ильина, Е. Н. Жарова, Н. Н. Королева // Интеграция образования. – 2020. – № 3 (100). – С. 352–376. – DOI: 10.15507/1991-9468.100.024.202003.352-376.
22. Рубан Л. С. Компаративный анализ российской и западной системы образования и подготовки научных кадров / Л. С. Рубан // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 416–429. – DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-416-429.
23. Зуев А. А. Предварительная оценка эффективности программ грантовой поддержки молодых ученых в Пермском крае / А. А. Зуев // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2020. – № 1 (4). – С. 220–229.
24. Зуев А. А. Молодые ученые Пермского края о мерах поддержки их деятельности / А. А. Зуев, А. Ю. Внутских // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2019. – № 1 (3). – С. 217–229.
25. Söderlind J. Making Sense of Academic Work: The Influence of Performance Measurement in Swedish Universities / J. Söderlind, L. Geschwind // Policy Reviews in Higher Education. – Vol. 3, № 1. – P. 75–93. – DOI: 10.1080/23322969.2018.1564354.
26. Демина И. Н. Наукометрические показатели медиаисследователей в электронной библиотеке e-library / И. Н. Демина // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – № 4. – С. 597–613. – DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(4).597-613.
27. Швецова А. В. Барьеры профессионального развития молодых ученых в гендерно-дифференцированной среде научного сообщества / А. В. Швецова // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 1. – С. 83–93. – DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.7.
28. Наумов Е. А. Ученым нужен творческий союз / Е. А. Наумов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5-1. – С. 1068–1069.
29. Пантелеев И. А. Совет молодых ученых ПФИЦ УрО РАН / И. А. Пантелеев // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2019. – № 3. – С. 126–128.
30. Гордиенко Т. П. Критериальное оценивание деятельности научно-педагогических работников / Т. П. Гордиенко, Т. А. Безусова // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2020. – № 2. – С. 14–25. – DOI: 10.18413/2313-8971-2020-6-2-0-2.

REFERENCES

1. Gokhberg L., Kuzminov Y. (eds). *Science and Technology Indicators in the Russian Federation, 2021*, Data Book. Moscow, HSE publ., 2021. 352 p. (In Russ.).
2. Shvetsova A.V., Simonova A.A., Davydova N.N. Reproduction of Human Resource Potential in Science in the Assessments of Young Russian Scientists: Results of an Applied Study. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: sotsial'nye i ekonomicheskie peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 5 (159), pp. 248–268. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.736. (In Russ.).
3. Nauman S. Lack of Critical Thinking Skills Leading to Research Crisis in Developing Countries: A Case of Pakistan. *Learned Publishing*, 2017, vol. 30, no. 3, pp. 233–236. DOI: 10.1002/leap.1091.
4. Gabov A.V., Sherstobitov A.E. Problems of legal regulation of training of scientific and scientific-pedagogical personnel in postgraduate studies. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy = Methodological Problems of the Civil Law Researches*, 2021, vol. 3, pp. 181–195. DOI: 10.33397/2619-0559-2021-3-3-181-195. (In Russ.).
5. Plusnin Yu.M. Institutional crisis of science and new values of a professional scientist. *Filosofiya nauki = Philosophy of Sciences*, 2003, no. 2, pp. 99–108. (In Russ.).
6. Stepanenko Yu.V. Constitutional Freedom of Scientific Work from the Perspective of Administrative Barriers. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2018, no. 12, pp. 30–35. (In Russ.).
7. Chernykh N.V. Legal Status of Academic Researchers in Russia and Foreign Countries. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 7, pp. 67–76. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.104.7.067-076. (In Russ.).

8. Shugurov M.V. International Legal Standards for Legal Status of Academic Staff. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2016, no. 6, pp. 201–210. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.201-210. (In Russ.).
9. Belousov S.A., Krotov K.S. Academic Rank as a Component of Professional Status of Scientific and Pedagogical Workers in Russia and Foreign Countries. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2020, no. 2, pp. 88–98. (In Russ.)
10. Bocharnikov D.A. Specifics of Scientific Activity as a Ground of Differentiation of Legal Regulation of Labor Relations of Scientific Workers. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2014, no. 2, pp. 101–109. DOI: 10.12737/2244. (In Russ.).
11. Zirkle C. Our Splintered Learning and the Status of Scientists. *Science*, 1955, vol. 121, no. 3146, pp. 513–519. DOI: 10.1126/science.121.3146.513.
12. Gaieck W., Lawrence J.P., Montchal M., Pandori W., Valdez-Ward E. Opinion: Science Policy for Scientists: A Simple Task for Great Effect. *PNAS*, 2020, vol. 117, no. 35, pp. 20977–20981. DOI: 10.1073/pnas.2012824117.
13. Nikiforov S.M. *Legal Entity of Public Law in Russia in the XVII–XIX centuries*, Cand. Diss. Moscow, 2017. 196 p. (In Russ.).
14. Vasiliev A.A., Schopper D., Pechatnova Yu.V. Legal Status of Collective Subjects of Scientific Work. *Yurisl'ingvistika = Legal Linguistics*, 2021, no. 21, pp. 5–10. DOI: 10.14258/leglin(2021)2101. (In Russ.).
15. Shishkanova I.A. Social and Legal Status of Researchers in Higher Education. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching*, 2019, no. 1, pp. 267–276. (In Russ.).
16. Shevchenko O.A., Vorontsov D.I. Defining the Labour-Legal Status of Academic Teaching Staff (Analysis of Russian and Foreign Legislation on Scientific and Technical Activity). *Voprosy upravleniya = Management Issues*, 2014, no. 3, pp. 212–218. (In Russ.).
17. Chetverikov A.O. Basic Models of the Legal Status of Academic Staff in the Modern World and Russia: Theoretical and Applied Perspective. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2016, no. 1, pp. 226–232. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.62.1.226-232. (In Russ.).
18. Volkova T.I. Status of the Researcher: the Management Aspect. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2004, vol. 8, no. 1, pp. 149–155. (In Russ.)
19. Osipova O.Yu. *Social Status of Young Scientists in the Region*, Cand. Diss. Saransk, 2011. 199 p. (In Russ.)
20. Chernomorskaya L.Yu. *Trends in the Changing Values of Scientific Activity in Russia: Attitudes of Young People*, Cand. Diss. Nizhny Novgorod, 2005. 159 p. (In Russ.)
21. Ilina I.E., Zharova E.N., Koroleva N.N. Support for Young Researchers: Foreign Practices and the Possibility of their Application in Russia. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*, 2020, no. 3 (100), pp. 352–376. DOI: 10.15507/1991-9468.100.024.202003.352-376. (In Russ.).
22. Ruban L.S. Comparative analysis of the Russian and Western education and scientific-training system. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2020, vol. 20, no. 2, pp. 416–429. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-416-429. (In Russ.).
23. Zuev A.A. Preliminary Evaluation of the Effectiveness of Grant Support Programs for Young Scientists. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika = Social Sciences and Humanities: Theory and Practice*, 2020, no. 1 (4), pp. 220–229. (In Russ.).
24. Zuev A.A., Vnutskikh A.Yu. Young Scientists of the Perm Region about Measures Support of Their Activities. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika = Social Sciences and Humanities: Theory and Practice*, 2019, no. 1 (3), pp. 217–229. (In Russ.).
25. Söderlind J., Geschwind L. Making Sense of Academic Work: The Influence of Performance Measurement in Swedish Universities. *Policy Reviews in Higher Education*, vol. 3, no. 1, pp. 75–93. DOI: 10.1080/23322969.2018.1564354.
26. Demina I.N. Scientometric Indicators of Media Researchers in the e-library. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2021, vol. 10, no. 4, pp. 597–613. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(4).597-613. (In Russ.).
27. Shvetsova A.V. Professional Development Barriers of Young Scientists in the Gender-Differentiated Scientific Community. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*, 2021, no. 1, pp. 83–93. DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.7. (In Russ.).

28. Naumov E.A. Scientists Need a Creative Alliance. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*, 2022, no. 5-1, pp. 1068–1069. (In Russ.).

29. Panteleev I.A. Council of young scientists PFRC UB RAS. *Vestnik Permskogo federal'nogo issle-dovatel'skogo tsentra = Perm Federal Research Centre Journal*, 2019, no. 3, pp. 126–128. (In Russ.).

30. Gordienko T.P., Bezusova T.A. Criteria assessment of teaching staff performance. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 2020, no. 2, pp. 14–25. DOI: 10.18413/2313-8971-2020-6-2-0-2. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Социалистический, 68
E-mail: anton_vasiliev@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 9404-3717

Караванов Богдан Евгеньевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института
Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Социалистический, 68
E-mail: bogdan.karavanov@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 3132-1789

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Васильев А.А. Правовой статус «молодой ученый» в Российской Федерации / А.А. Васильев, Б.Е. Караванов // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 76–85. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).76-85.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Anton A. Vasiliev – Doctor of Law, Associate Professor; Head, Department of Theory and History of State and Law
Altai State University
68, Sotsialisticheskii pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: anton_vasiliev@mail.ru
RSCI SPIN-code: 9404-3717

Bogdan E. Karavanov – Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law
Altai State University
68, Sotsialisticheskii pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: bogdan.karavanov@mail.ru
RSCI SPIN-code: 3132-1789

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vasiliev A.A., Karavanov B.E. Legal status of young scientists in the Russian Federation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 76–85. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).76-85. (In Russ.).

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ – НЕОБХОДИМОЕ СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕИ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ИЛИ ФАКТОР, ПРИВОДЯЩИЙ К ЕЕ НАРУШЕНИЮ?

С.С. Бурцева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

17 мая 2023 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Динамичность

законодательства,

единообразное понимание

правовых норм,

конституционное правосудие,

Конституционный Суд РФ,

оценочные категории,

оценочные понятия, правовая

определенность, судебное

толкование

Исследуются оценочные понятия, включаемые законодателем в правовые нормы в целях обеспечения динамичного правового регулирования общественных отношений. Проблема использования оценочных понятий вызывает научный интерес, поскольку необоснованное включение таких понятий в содержание правовой нормы может повлечь за собой нарушение конституционной идеи правовой определенности, а их интерпретация и практическое применение к конкретным ситуациям во многом зависит от уровня правосознания правоприменителя. В статье проанализированы подходы к пониманию категории «оценочные понятия» и особенности их использования в различных сферах права на основе анализа практики Конституционного Суда РФ.

THE EVALUATION CONCEPTS – A NECESSARY MEANS OF ACHIEVING THE CONSTITUTIONAL IDEA OF LEGAL CERTAINTY OR A FACTOR LEADING TO ITS VIOLATION?

Svetlana S. Burtseva

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2023 May 17

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Dynamics of legislation, uniform

understanding of legal norms,

constitutional justice, the

Constitutional Court of the Russian

Federation, evaluative categories,

evaluative concepts, legal

certainty, judicial interpretation

The subject of the research is the study of evaluative concepts included by the legislator in legal norms in order to ensure dynamic legal regulation of social relations. The problem of using evaluative concepts is of scientific interest, since the unreasonable inclusion of such concepts in the content of a legal norm can lead to a violation of the constitutional idea of legal certainty, and their interpretation and practical application to specific situations largely depends on the level of legal awareness of the law enforcer.

The author aims to analyze approaches to understanding the category of “evaluative concepts”, identifies signs that characterize this category, its role in the legal regulation of social relations.

The methodology of scientific research is represented by a complex of private scientific, formal legal, systemic and structural methods.

The main results. The author establishes the features of the inclusion of evaluative concepts in the legal norms based on the analysis of the practice of the Russian Constitutional Court, provides interesting cases considered in the framework of the constitutional proceedings. In particular, the author provides examples of the inconsistency between established judicial practice and the practice of the Russian Constitutional Court, and also establishes the need to apply evaluative concepts in both private and public law.

Conclusions. The inclusion of evaluative concepts in legal norms is relevant for many areas of law, which is due to the need to ensure the flexibility and dynamism of legal regulation. However, the possibility of their application should not be unlimited, since this may lead to a violation of the fundamental principles of law, including the principle of legal certainty.

1. Введение

Правовая определенность является многогранной конституционно-правовой идеей, включающей в себя обширное содержание: требования формальной определенности, предсказуемости правового регулирования и предвидения правовых последствий, стабильности, свойство *res judicata*, основное предназначение которой заключается в предотвращении произвольного толкования и применения правовой нормы, защиты прав участников соответствующих правоотношений и неизменность их правового статуса [1, с. 166, 178]. При этом не исключаются возможные «отклонения» от правовой определенности, не подвергающие данную идею нарушению. Одним из таких отклонений является использование оценочных понятий, необходимое для обеспечения динамичности развития законодательства.

Связь между категориями «правовая определенность» и «оценочное понятие» получила свое отражение в практике Конституционного Суда (далее – КС) РФ, см., напр., Определение от 30 сентября 2021 г. № 2115-О: «...требование определенности правового регулирования, обязывающее законодателя формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину (объединению граждан) соотносить с ними свое поведение... не исключает использования оценочных или общепринятых понятий, значение которых должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами правоотношений...»¹

Между тем вопрос проведения «границ» между достижением правовой определенности и использованием оценочных понятий на сегодняшний день актуален, поскольку некорректное или чрезмерное включение указанных понятий в правовые нормы может являться причиной нарушения идеи правовой определенности. Кроме того, соблюдение правовой определенности должно быть обеспечено правоприменителем при толковании и применении оценочных понятий относительно конкретных случаев, на что, несомненно, влияет сложившаяся правоприменительная практика и уровень правосознания лица, применяющего соответствующие нормы права.

Изучению оценочных понятий посвящены труды ряда авторов, исследовавших их как в общем ракурсе (Л.В. Власовой, Т.В. Кашаниной, О.Е. Фетинова и др.), так и применительно к конкретным от-

раслям права (например, оценочные понятия, содержащиеся в нормах гражданского права, изучались С.П. Богдановичем, М.Ф. Лукьяненко, А.В. Фиошиным, в нормах уголовного права – А.А. Арямовым, Б.Н. Коробцом, О.С. Шумиловой и др.).

Целью данного исследования является анализ сложившихся научных взглядов и практики КС РФ на предмет установления в законодательстве оценочных понятий, могущих оказать как позитивное, так и негативное влияние на соблюдение правовой определенности.

Для достижения указанной цели предполагается решение ряда задач, заключающихся в исследовании:

- подходов к пониманию категории «оценочные понятия», их роли в правовом регулировании;
- особенностей использования оценочных понятий в различных сферах права на основе анализа практики, выработанной в рамках конституционного правосудия.

Методология научного исследования представлена комплексом частно-научного, формально-юридического, системно-структурного методов.

2. Подходы к пониманию категории «оценочные понятия»

Оценочные понятия играют важнейшую роль в правовом регулировании общественных отношений. Хотя в юридической науке и не исключаются точки зрения о том, что наличие в законодательстве множества оценочных понятий приводит к ухудшению качества российского законодательства, поскольку позволяет судам творить своего рода правоприменительный произвол, что приводит к нарушению конституционного принципа равенства граждан перед законом [2], большинство правоведов полагают, что оценочные понятия оказывают позитивное влияние на состояние российского законодательства. Например, по мнению Е.Б. Абдрасулова, обобщения и абстрагирования в правовом регулировании часто являются необходимой мерой, позволяющей обеспечить правовую регламентацией наибольшее количество жизненных обстоятельств и субъектов, вступающих в те или иные виды общественных отношений [3, с. 1022]. И.П. Кожкокар в своем теоретико-правовом исследовании отмечает, что оценочные понятия являются одним из эффективных юридико-технических инструментов борьбы с законодательной инфляцией, по-

¹ Здесь и далее правовые акты Конституционного Суда РФ приводятся по официальному сайту Конституционного Суда РФ (<https://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>).

сколькo выступают связующим звеном между абстрактной нормативной моделью и реальностью повседневной жизни [4, с. 177].

В настоящее время в юридической науке отсутствует единый подход к пониманию категории «оценочное понятие». Так, коллектив авторов (К.А. Белюсова, Г.С. Беляева, М.А. Умарова), используя вместо термина «оценочное понятие» понятие «оценочная категория», предложил наиболее общее его определение: это правовое понятие, отражающее наиболее общие свойства предметов, явлений, действий, конкретизируемое путем его оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации [5, с. 61]. Сходным и наиболее полным является определение рассматриваемого термина, данное Т.В. Кашаниной и поддерживаемое большинством ученых-государствоведов [6; 7]: «Оценочное понятие – это выраженное в нормах права положение (предписание), в котором закрепляются наиболее общие признаки, свойства, качества, связи и отношения разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, детально не разъясняемое законодателем с тем, чтобы оно конкретизировалось путем оценки в процессе применения права и позволяло осуществлять в пределах зафиксированной в нем общности индивидуальную поднормативную регламентацию общественных отношений» [8, с. 8].

Среди признаков оценочных понятий в литературе также можно обнаружить: абстрактность, отсутствие детализации законодателем [9], относительная определенность и открытая структура оценочного понятия [10], формирование оценочного понятия в процессе интерпретации [11, с. 849], выполнение оценочными понятиями различных функций применительно к тем или иным отношениям [12, с. 69].

Некоторыми учеными данный термин рассматривается в сравнительном аспекте с иными предметами или явлениями окружающей действительности. Например, А.В. Фиошин сопоставляет категорию «оценочное понятие» с пресс-формой – устройством, посредством которого производятся изделия разной конфигурации из разнообразных материалов (металл, пластмасса, резина и др.). «Подобно материалу, помещенному в пресс-форму, – пишет автор, – содержание оценочного понятия может быть различным. Оно может обнимать самые разные жизненные обстоятельства. При этом конструкция оценочного понятия, как представляется, имеет границы. Иными словами, объем оценочного понятия не является безграничным. В него нельзя включить всё что угодно» [13, с. 93].

Кроме того, зачастую авторами дается определение рассматриваемому понятию применительно к тем или иным отраслям права с учетом их специфики. В частности, применительно к уголовному праву Б.Н. Коробец отмечает, что оценочные понятия – это используемые законодателем при конструировании уголовно-правовой нормы понятия с открытой структурой, содержание которых не определено в уголовном законе с достаточной степенью для понимания правоприменителем, который, оценивая фактические обстоятельства преступного деяния, конкретизирует содержание таких понятий [14, с. 9]. С.П. Богданович под оценочным понятием в гражданском праве предлагает понимать закрепленное в источниках нормативного (поднормативного) гражданского регулирования формально неопределенное положение, в котором обобщаются в наиболее общем виде различные явления правовой (внеправовой) действительности, содержание которых детально не определяется с тем, чтобы оно конкретизировалось путем толкования и оценки конкретной ситуации с учетом возможной вариативности его содержания в установленных правовыми (социальными) нормами пределах [15, с. 167]. Е.А. Степанова характеризует оценочное понятие трудового права как понятие, содержание которого не позволяет исчерпывающим образом определить в нормативно-правовом акте, содержащем нормы трудового права, все случаи его использования, что дает субъекту, реализующему правовую норму, возможность учесть индивидуальные особенности дела с соблюдением функционального предназначения нормативного предписания [16].

Учитывая вышеизложенное, представляется, что основными признаками оценочных понятий являются:

- их выражение (закрепление) в правовых актах;
- открытое, неконкретизированное содержание, позволяющее осуществлять их применение в тех или иных случаях индивидуально;
- зависимость содержания от уровня правосознания субъекта правоприменения [17, с. 91].

В литературе также встречается обозначение в качестве характеристики оценочных понятий отсутствия фиксации в законодательных нормах их содержания [7, с. 117; 18, с. 134]. Выделение указанного признака сомнительно. Например, КС РФ в своем Определении от 28 февраля 2023 г. № 337-О признаёт в качестве оценочного понятия термин «недвижимые вещи», под которым согласно п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ понимаются

земельные участки, участки недр и всё, что прочно связано с землей, т. е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. По мнению КС РФ, «указанный оценочный критерий позволяет судам в рамках их дискреционных полномочий устанавливать соответствие конкретных объектов понятию «недвижимого имущества», при необходимости привлекая экспертов и специалистов». Аналогичным образом ч. 3 ст. 327 Уголовного кодекса (далее – УК) РФ предусмотрено понятие «официальные документы», в качестве примеров которых в указанной норме перечислены паспорт гражданина и удостоверение.

Кроме того, трудно согласиться с отнесением к числу специфических черт оценочных понятий участие правоприменителя при формировании их окончательного содержания [13], поскольку, как было указано нами выше, отличительной особенностью рассматриваемой категории является открытость ее содержания, которое наполняется в зависимости от обстоятельств конкретного дела. Учитывая динамику развития общественных отношений и, соответственно, возникновение новых ситуаций, входящих в рамки правового поля, допускается вероятность, что окончательное содержание тех или иных оценочных понятий может быть в принципе не достигнуто.

3. Оценочные понятия в сфере публичного права

Несмотря на то, что отрасли публичного права в большей степени вбирают в себя императивные нормы, нередко не допускают применение аналогии права и закона, что, соответственно, требует повышенного внимания законодателя к соблюдению стандартов определенности при установлении правовых предписаний, публичное законодательство содержит немалое количество положений, включающих в себя оценочные понятия. Необходимо отметить, что более 60 % жалоб, поступающих в КС РФ, содержащих доводы о неконституционности правовых норм, включающих оценочные понятия, приходится на публичные отрасли права². Среди наиболее рассматриваемых в практике КС РФ оценочных понятий, содержащихся в нормах публичного права, необходимо выделить следующие:

- Понятие «*малозначительность*», используемое в Кодексе РФ об административных правонарушениях, применение которого допускается тогда, когда действие или бездействие хотя формально и содержит признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного деяния и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляет существенного нарушения охраняемых общественных отношений (напр., определения от 31 мая 2022 г. № 1186-О, от 20 июля 2021 г. № 1648-О).

- Понятие «*существенное нарушение прав и законных интересов*», содержащееся в ряде статей УК РФ. При этом, как неоднократно указывал КС РФ, осуществляя оценку существенных нарушений прав и законных интересов правоприменитель обязательно должен указать, в чем конкретно состоит такое нарушение (напр., определения от 24 февраля 2022 г. № 276-О, от 28 декабря 2021 г. № 2715-О).

- Понятие «*проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел*», совершение которого является основанием для увольнения со службы. Установление такого основания для увольнения направлено на реализацию публичных интересов, обусловлено выполнением сотрудниками ОВД конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности (напр., определения от 20 апреля 2017 г. № 751-О, от 24 марта 2015 г. № 474-О).

Представляется, что установление оценочных категорий обеспечивает определенную степень гибкости публичного законодательства [19, с. 92], что положительно сказывается на применении индивидуального подхода с учетом особенностей ситуации. Однако использование оценочных понятий должно производиться таким образом, чтобы обеспечить их надлежащую реализацию правоприменителем в пределах правового усмотрения с тем, чтобы не нарушались права и законные интересы участников публичных отношений.

Исходя из анализа практики, сложившейся в результате отправления конституционного правосудия, можно выделить три ключевых положения, которым должно соответствовать закрепление оценочных понятий в правовых нормах, регламентирующих публичные отношения:

- 1) использование законодателем оценочной характеристики должно преследовать цель эффек-

² Подсчет произведен по официальному сайту Конституционного Суда РФ.

тивного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, что обусловлено разнообразием фактических обстоятельств, закрепление исчерпывающего перечня которых не представляется возможным (определения от 31 мая 2022 г. № 1866-О, от 28 сентября 2021 г. № 1710-О);

2) использование оценочных понятий должно обеспечивать их единообразное понимание и применение к одинаковым обстоятельствам (Определение от 27 октября 2015 г. № 2365-О);

3) использование оценочных понятий в законодательстве должно обеспечивать возможность предвидеть соответствующие последствия своих действий или бездействия, в том числе посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний и с учетом толкования законодательных терминов в правоприменительной практике (определения от 30 января 2020 г. № 237-О, от 27 сентября 2018 г. № 2221-О, от 27 июня 2017 г. № 1411-О).

Примечательно, что в ряде случаев КС РФ стремится восполнить или дополнить разъяснения в отношении тех или иных оценочных понятий. Например, отказывая гражданину Поздееву Е.М. в принятии к рассмотрению жалобы на нарушение его конституционных прав ч. 5 ст. 86 УК РФ (Определение от 31 марта 2022 г. № 809-О), КС РФ фактически дал толкование оценочному понятию «безупречное поведение», подлежащее оцениванию судами в случаях досрочного снятия с осужденного судимости. КС РФ указал, что «о безупречном поведении лица могут свидетельствовать данные с места жительства, подтверждающие в том числе наличие прочных социальных связей (вступление в брак, рождение детей, их надлежащее воспитание, забота о престарелых родителях и пр.), положительные характеристики с места работы или учебы, иные сведения о личности». Данные выводы КС РФ были ретранслированы в постановлении Пленума Верховного Суда (далее – ВС) РФ от 7 июня 2022 г. № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» спустя два месяца после принятия рассматриваемого определения.

Кроме того, в Определении от 28 марта 2017 г. № 665-О орган конституционного контроля, помимо перечисленных в абз. 3 п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» критериев определения пуб-

личности призывов, дополнительно указал на еще один критерий, который необходимо учитывать при разрешении вопроса о публичности призывов, – характер действий, на осуществление которых направлены такие призывы. Между тем, в отличие от рассмотренного выше случая, он не получил свое закрепление в вышеназванном постановлении Пленума ВС РФ, что, как подтверждает сложившая судебная практика, влечет за собой неучитывание данного критерия при квалификации соответствующих неправомерных деяний (напр., решение Московского городского суда от 23 марта 2023 г. по делу № 7-7470/2023, постановление Октябрьского районного суда г. Липецка от 27 января 2023 г. по делу № 5-2/2023 и др.).

В практике КС РФ интерес также вызывают ситуации, в которых орган конституционного контроля хотя и отказывается в принятии жалобы к рассмотрению в связи с ее недопустимостью, однако «намекает» законодателю о необходимости рассмотреть возможность внесения соответствующих изменений в правовое регулирование. К числу таких ситуаций следует отнести дело по жалобе ООО «ВУМН» на нарушение конституционных прав и свобод положениями ч. 2 ст. 20 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах», позволяющей досрочно прекратить право пользования недрами в случае нарушения пользователем недр существенных условий лицензии (Определение от 9 марта 2017 г. № 565-О). КС РФ не согласился с утверждением ООО «ВУМН» о правовой неопределенности понятия «существенные условия лицензии», поскольку «в силу особенностей, которые могут быть присущи каждому участку недр (геологических, географических, климатических, экономических и т. п.), не представляется возможным дать единое нормативное определение термина “существенные условия лицензии”». Однако им было отмечено, что «подобный подход позволяет расценивать любые условия лицензионного соглашения как существенные», а также указано на право федерального законодателя внести уточнение в законодательство в части, касающейся данного оценочного понятия. Следует отметить, что ч. 2 ст. 20 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» в редакции Федерального закона от 30 апреля 2021 г. № 123-ФЗ указывает на досрочное прекращение права пользования недрами в случае нарушения пользователем недр условий лицензии на пользование недрами, однократное несоблюдение которых в соответствии с такой лицензией является основанием для досрочного прекращения

права пользования недрами. Думается, что такой подход наилучшим образом обеспечивает права и законные интересы пользователей недрами, поскольку позволяет обладателям лицензии с большей степенью определенности предвидеть последствия своего поведения.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что, несмотря на характер публичного законодательства, наличие в нем оценочных понятий в ряде случаев является «необходимым арсеналом» с целью его применения к различным ситуациям, возникающим в жизни. Закрепление более точного перечня характеристик и случаев вместо использования оценочных понятий может привести к большому количеству пробелов в правовом поле, непрерывному нормотворчеству со стороны законодателя, что, безусловно, окажет негативное воздействие на уровень определенности правового регулирования и избыточность правотворчества.

4. Оценочные понятия в сфере частного права

Диспозитивный тип правового регулирования частных правоотношений, заключающийся в преобладании дозволительных норм, в результате которых участники таких отношений выступают в качестве правообладателей лиц [20, с. 88; 21, с. 79], возможность устранения пробелов в праве посредством применения аналогии права и закона являются причинами обширного использования оценочных понятий в частно-правовых отношениях. По утверждению В.Г. Голубцова, оценочные понятия в гражданском праве – естественный и необходимый атрибут законодательства, внутренне свойственный гражданскому праву как одно из средств конструирования его правовых норм [22, с. 46]. Аналогичной позиции придерживается М.Ф. Лукьяненко, считающая, что оценочные категории «являются ярким примером проявления диспозитивности в праве» [23, с. 47].

Среди наиболее рассматриваемых в практике КС РФ оценочных понятий – требования разумности и справедливости, учитывая которые в ходе рассмотрения дела судья принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения, что не может рассматриваться как нарушение каких-либо конституционных прав и свобод гражданина (напр., определения от 24 февраля 2022 г. № 378-О, от 28 ноября 2019 г. № 3255-О).

Согласно правовым позициям КС РФ оценочные понятия, закрепленные в нормах частного права, должны также соответствовать тем ключевым положениям, которые были выделены нами выше применительно к нормам, регламентирующим пуб-

личные правоотношения (см., напр., определения от 28 декабря 2021 г. № 2801-О, от 21 июня 2011 г. № 811-О-О). Однако особенностью применительно к частно-правовым нормам является также то, что оценочные понятия наполняются содержанием в зависимости от того, как их толкуют не только правоприменительная практика, но и участники гражданского оборота (в частности, исходя из Определения КС РФ от 8 июня 2004 г. № 226-О). Кроме того, в литературе отмечается, что не исключается также возможность вариативности содержания оценочного понятия по соглашению сторон независимо от существующей судебной практики либо обычаев делового оборота [22, с. 40], что, безусловно, связано с действием принципа диспозитивности в частно-правовых отношениях. Поэтому в подавляющем большинстве случаев существование в частных отношениях оценочных понятий не создает той неопределенности, которой достаточно для признания нормы неконституционной.

Однако КС РФ всё же принял ряд постановлений, в которых дается правовое толкование частно-правовым нормам, содержащим оценочные понятия.

Так, в 2020 г. КС РФ принято Постановление от 26 ноября 2020 г. № 48-П, которым п. 1 ст. 234 ГК РФ был признан конституционным в части, касающейся определения добросовестности владения лицом земельным участком, переданным ему прежним владельцем по сделке с намерением передать свои права владельца на недвижимое имущество. Не исключая возможность закрепления законодателем оценочного понятия «добросовестность», КС РФ указал, что это должно обеспечивать стабильность гражданского оборота, т. е. наличие объективной возможности для любого участника гражданского оборота рассчитывать на предсказуемость гражданско-правовых последствий совершенных действий [24, с. 50].

Интересны также выводы, к которым пришел КС РФ в Постановлении от 22 июня 2017 г. № 16-П по делу о проверке конституционности положения п. 1 ст. 302 ГК РФ в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца. По мнению заявителя, рассматриваемый пункт не соответствует положениям Конституции РФ в той мере, в какой он позволяет правоприменителям произвольно толковать понятие «добросовестный приобретатель» и, соответственно, изымать недвижимое имущество, являвшееся выморочным, у последних его приобретателей, право собственности которых и законность всех предшествовавших приобретению этого права сделок признавались го-

сударством в рамках государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

По результатам рассмотрения жалобы Дубовца А.Н. КС РФ, с одной стороны, признал п. 1 ст. 302 ГК РФ конституционным в той части, в какой им предусматривается право собственника истребовать принадлежащее ему имущество от добросовестного приобретателя в случае, когда это имущество выбыло из владения собственника помимо его воли, а с другой – неконституционным в той мере, в какой оно допускает истребование как из чужого незаконного владения жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом, от его добросовестного приобретателя, который в установленном законом порядке зарегистрировал право собственности на него, в случае, когда соответствующее публично-правовое образование не предприняло своевременных мер по его установлению и надлежащему оформлению своего права собственности на это имущество. При этом на основании ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» КС РФ не предписано законодателю внести соответствующие изменения в ГК РФ.

В связи с принятием данного постановления лица, чья собственность была изъята на основании п. 1 ст. 302 ГК РФ в выявленном неконституционном истолковании, стали обращаться в государственные органы о возвращении их имущества (что соответствует ч. 3 и 5 ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), однако получили отказы в исполнении их требований. Законность таких отказов подтверждалась судами различных инстанций, мотивировавших это тем, что Постановление от 22 июня 2017 г. № 16-П не содержит прямого указания на необходимость пересмотра судебных актов по делам лиц, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства. В частности, данная проблема коснулась граждан Однодворцевых, находившихся под угрозой выселения 12 лет. В связи с неисполнением вышеуказанного постановления они обратились с жалобой в КС РФ, который указал, что такой пересмотр обусловлен целями соблюдения принципов правовой определенности в спорных материальных правоотношениях и стабильности гражданского оборота (Постановление КС РФ от 26 июня 2020 г. № 30-П).

Таким образом, вышеуказанные примеры демонстрируют возможные сложности в применении частно-правовых норм, содержащих оценочные понятия, несмотря на то, что частные правоотношения в силу их специфики в большей степени вбирают в себя их использование. В подтверждение тому мы можем также привести позицию С.В. Мусарского, не соглашающегося с мнением КС РФ о том, что «оценочные понятия не являются настолько неопределенными, что не обеспечивают единообразное понимание и применение соответствующих законоположений». Рассматривая в качестве оценочного понятия гражданско-правовую категорию «злоупотребление правом», автор утверждает, что «по одним и тем же вопросам, которые связаны со злоупотреблением правом, российские суды занимают разные (часто – диаметрально противоположные) позиции» [25, с. 167]. Думается, что такие ситуации нельзя исключать, учитывая различный уровень правосознания судей и неизбежность применения индивидуального подхода.

5. Заключение

Включение в правовые нормы оценочных понятий актуально для отраслей как частного, так и публичного права. При этом их использование должно быть оправдано необходимостью обеспечить гибкое, динамичное правовое регулирование общественных отношений, наиболее подверженных изменениям, или же неизбежностью применения формально определенных понятий в тех или иных случаях. Оно должно быть сознательно не конкретизировано законодателем в целях обеспечения возможности его применения к изменяющимся реалиям. Однако возможность применения оценочных понятий не должна быть безгранична, поскольку это может привести к негативным последствиям, связанным с нарушением принципов права, в том числе основополагающих принципов правовой определенности, верховенства права, справедливости, оказанием отрицательного воздействия на уровень доверия граждан к законам, ненадлежащей защитой их прав и законных интересов. В этом и проявляется тонкая грань между определенностью и неопределенностью правового регулирования, «мостиком» между которыми выступают оценочные понятия, что обуславливает интерес к дальнейшим исследованиям как данной правовой категории в целом, так и конкретных оценочных понятий в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шишкина О. Е. Правовая определенность в практике Конституционного Суда Российской Федерации / О. Е. Шишкина, С. С. Бурцева // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – № 3. – С. 166–182. – DOI: 10.24866/1813-3274/2021-3/166-182.
2. Кондрашев А. А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года / А. А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 11. – С. 15–25.
3. Абдрасулов Е. Б. Конституционные основы законодательного и подзаконного регулирования в Республике Казахстан: практические вопросы и доктринальное толкование / Е. Б. Абдрасулов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13, вып. 4. – С. 1022–1040. – DOI: 10.21638/spbu14.2022.412.
4. Кожокарь И. П. Законодательная инфляция: теоретико-правовое исследование / И. П. Кожокарь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – Вып. 2 (56). – С. 158–186. – DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-158-186.
5. Белоусова К. А. Понятие и сущность оценочных категорий в праве / К. А. Белоусова, Г. С. Беляева, М. А. Умарова // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 8 (188). – С. 59–62.
6. Заржицкая Л. С. К вопросу о правовой природе оценочных понятий в трудовом праве / Л. С. Заржицкая // Мировой судья. – 2019. – № 7. – С. 37–40.
7. Оносов Ю. В. Теоретические аспекты соотношения «оценочного понятия» и понятия «усмотрение в праве» / Ю. В. Оносов // Век качества. – 2020. – № 4. – URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2020/420008.pdf>.
8. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук / Т. В. Кашанина. – Свердловск, 1974. – 185 с.
9. Усольцев Е. Ю. Проблемы правовой определенности и судебного усмотрения при применении законоположений о злоупотреблении правом / Е. Ю. Усольцев // Российский судья. – 2020. – № 10. – С. 46–50.
10. Демин А. В. Принцип определенности налогообложения : моногр. / А. В. Демин. – М. : Статут, 2015. – 368 с.
11. Белов С. А. Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов / С. А. Белов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13, вып. 4. – С. 841–859. – DOI: 10.21638/spbu14.2022.401.
12. Грачёва Ю. В. Насилие как оценочное понятие / Ю. В. Грачёва // Lex russica. – 2011. – Т. 70, № 1. – С. 68–78.
13. Фиошин А. В. Об оценочных понятиях частного и публичного права / А. В. Фиошин // Вестник гражданского процесса. – 2022. – Т. 12, № 5. – С. 90–113.
14. Коробец Б. Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве (социальная обусловленность и юридическая сущность) : дис. ... канд. юрид. наук / Б. Н. Коробец. – М., 2007. – 165 с.
15. Богданович С. П. Понятие и признаки оценочных понятий в вещном и обязательственном праве / С. П. Богданович // Власть закона. – 2011. – № 4 (8). – С. 166–171.
16. Степанова Е. А. Оценочные понятия трудового права : дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Степанова. – Ростов н/Д., 2005. – 187 с.
17. Трунцевский Ю. В. Формальные и оценочные признаки составов преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности / Ю. В. Трунцевский // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 41. – С. 86–97. – DOI: 10.17223/22253513/41/8.
18. Власова Л. В. Правовые оценочные понятия как частный случай правовых понятий / Л. В. Власова // Научное мнение. – 2014. – № 11. – С. 133–136.
19. Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании : моногр. / Н. А. Власенко. – М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : ИНФРА-М, 2019. – 157 с.
20. Рыбаков В. А. О дозволителном методе и диспозитивном типе правового регулирования / В. А. Рыбаков // Юридическая наука. – 2016. – № 4. – С. 88–89.
21. Гордеев П. А. Диспозитивность в регулировании гражданских правоотношений: теоретико-методологический анализ / П. А. Гордеев // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 4 (106). – С. 79–85.

22. Голубцов В. Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права / В. Г. Голубцов // *Lex russica*. – 2019. – № 8. – С. 37–50. – DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.037-050.
23. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность : моногр. / М. Ф. Лукьяненко. – М. : Статут, 2010. – 423 с.
24. Еременко В. Стабильность гражданского оборота versus защита участников юридических лиц / В. Еременко, О. Койда // *Корпоративный юрист*. – 2014. – № 4. – С. 50–56.
25. Мусарский С. В. Обязанность суда кассационной инстанции проверять выводы судов нижестоящих инстанций о допущенном злоупотреблении правом / С. В. Мусарский // *Вестник арбитражной практики*. – 2021. – № 5. – С. 12–17.

REFERENCES

1. Shishkina O.E., Burtseva S.S. Legal certainty in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Aziatsko-Tihookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2021, no. 3, pp. 166–182. DOI: 10.24866/1813-3274/2021-3/166-182. (In Russ.).
2. Kondrashev A.A. Tendencies of the constitutional development of Russia within the framework of the 2020 constitutional reform. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 11, pp. 15–25. (In Russ.).
3. Abdrasulov E.B. Constitutional bases of legislative and supplementary legal regulation in the Republic of Kazakhstan: Practical issues and doctrinal interpretation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2022, vol. 13, iss. 4, pp. 1022–1040. DOI: 10.21638/spbu14.2022.412. (In Russ.).
4. Kozhokar I.P. Legislative inflation: a theoretical legal study. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2022, iss. 2 (56), pp. 158–186. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-158-186. (In Russ.).
5. Belousova K.A., Belyaeva G.S., Umarova M.A. Concept and the essence of the appraisal categories in law. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*, 2020, no. 8 (188), pp. 59–62. (In Russ.).
6. Zarzhitskaya L.S. On the legal nature of evaluation concepts in labor law. *Mirovoi sud'ya = Magistrate judge*, 2019, no. 7, pp. 37–40. (In Russ.).
7. Onosov Yu.V. Theoretical aspects of the relationship between «evaluative concept» and the concept of «discretion in law». *Vek kachestva = Age of Quality*, 2020, no. 4, available at: <http://www.agequal.ru/pdf/2020/420008.pdf>. (In Russ.).
8. Kashanina T.V. *Valued notions in Soviet law*, Cand. Diss. Sverdlovsk, 1974. 185 p. (In Russ.).
9. Usol'tsev E.Y. Problems of Legal Certainty and Judicial Discretion when Applying Legal Provisions on Abuse of Right. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2020, no. 10, pp. 46–50. (In Russ.).
10. Demin A.V. *Principle of tax certainty*, Monograph. Moscow, Statut Publ., 2015. 368 p. (In Russ.).
11. Belov S.A. Characteristic of legal communication: Addressees of legal acts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universitet. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2022, vol. 13, iss. 14, pp. 841–859. DOI: 10.21638/spbu14.2022.401. (In Russ.).
12. Grachyova Y.V. Violence as an evaluative concept. *Lex Russica*, 2011, vol. 70, no. 8, pp. 68–78. (In Russ.).
13. Fioshin A.V. On the valuation concepts of private and public law. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of Civil Procedure*, 2022, vol. 12, no. 5, pp. 90–113. (In Russ.).
14. Korobets B.N. *Evaluative concepts in Russian criminal law (social conditionality and legal essence)*, Cand. Diss. Moscow, 2007. 165 p. (In Russ.).
15. Bogdanovich S.P. The concept and features of evaluative concepts in property and liability law. *Vlast' zakona*, 2011, no. 4 (8), pp. 166–171. (In Russ.).
16. Stepanova E.A. *Evaluative concepts of labor law*, Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2005. 187 p. (In Russ.).
17. Truntsevskiy Yu.V. Formal and evaluative characteristics of crimes committed in the sphere of economic activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2021, no. 41, pp. 86–97. DOI: 10.17223/22253513/41/8. (In Russ.).

18. Vlasova L.V. Legal evaluative concepts as a particular case of legal concepts. *Nauchnoe mnenie = The Scientific Opinion*, 2014, no. 11, pp. 133–136. (In Russ.).
19. Vlasenko N.A. *Reasonableness and certainty in legal regulation*, Monograph. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., INFRA-M Publ., 2019. 157 p. (In Russ.).
20. Rybakov V.A. On permissible method and dispositive type of legal regulation. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2016, no. 4, pp. 88–89. (In Russ.).
21. Gordeev P.A. Dispositivity in the Regulation of Civil Legal Relations. A Theoretical and Methodological Analysis. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*, 2018, no. 4 (106), pp. 79–85. (In Russ.).
22. Golubtsov V.G. Evaluation concepts in Russian codifications of civil law. *Lex Russica*, 2019, no. 8, pp. 37–50. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.037-050. (In Russ.).
23. Luk'yanenko M.F. *Evaluative concepts of civil law: reasonableness, conscientiousness, materiality*, Monograph. Moscow, Statut Publ., 2010. 423 p. (In Russ.).
24. Eremenko V., Koida O. Stability of civil circulation versus protection of participants in legal entities. *Korporativnyi yurist*, 2014, no. 4, pp. 50–56. (In Russ.).
25. Musarskiy S.V. Duty of the court of cassation to review the findings of the lower-level courts on the cases of abuse the right. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki*, 2021, no. 5, pp. 12–17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурцева Светлана Сергеевна – аспирант юридического факультета
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: burtseva.ss.dvfu@gmail.com
SPIN-код РИНЦ: 8332-5206

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Svetlana S. Burtseva – Postgraduate Student, Faculty of Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: burtseva.ss.dvfu@gmail.com
RSCI SPIN-code: 8332-5206

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бурцева С.С. Оценочные понятия – необходимое средство достижения конституционной идеи правовой определенности или фактор, приводящий к ее нарушению? / С.С. Бурцева // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 86–95. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).86-95.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Burtseva S.S. The evaluation concepts – a necessary means of achieving the constitutional idea of legal certainty or a factor leading to its violation?. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 86–95. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).86-95. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ THE LAW ENFORCEMENT BY LOCAL AUTHORITIES

УДК 342

DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(4).96-105

О ДОСТУПНОЙ СРЕДЕ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.Ю. Дитятковский^{1,2}

¹ *Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия*

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

16 июня 2023 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Рассматриваются основные вопросы, связанные с компетенцией органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов. Дается анализ федерального законодательства, регулирующего полномочия органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов, рассматриваются вопросы о сущности указанных полномочий.

Ключевые слова

Доступная среда, беспрепятственный доступ, полномочия органов местного самоуправления, полномочия собственника, инвалиды в муниципальных образованиях, права инвалидов, показатели доступности

ACCESSIBLE ENVIRONMENT IN MUNICIPALITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mikhail Yu. Dityatkovsky^{1,2}

¹ *Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia*

² *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*

Article info

Received –

2023 June 16

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

The subject. This article discusses the main issues related to the competence of local governments in the field of providing an accessible environment for the disabled.

Methodology. The paper analyzes the federal legislation regulating the powers of local self-government bodies in the field of providing an accessible environment for the disabled, and discusses the essence of these powers.

Main results, scope of application. The powers of local self-government bodies in the field of providing an accessible environment for the disabled should be considered, first of all, as the powers of the owner.

Keywords

Accessible environment, unhindered access, powers of local self-government bodies, powers of the owner, disabled people in municipalities, rights of disabled people, accessibility indicators

At the same time, the powers of the owner are not the only powers of local governments in this area. Local self-government bodies participate in activities to ensure that disabled people living on the territory of the relevant municipalities have equal opportunities with other citizens in the exercise of their rights and freedoms provided for by the Constitution of the Russian Federation. Based on this, local self-government bodies should participate in providing an accessible environment for disabled people not only on municipal property, but also on the territory of the municipality as a whole, together with state authorities and organizations.

The second group of powers of local self-government bodies in the field of providing an accessible environment for the disabled can include: (1) the powers of local self-govern-

ment bodies, which are implemented by them when granting local self-government bodies separate state powers in the field of providing an accessible environment for the disabled; (2) the powers of local self-government bodies, which are implemented by them jointly with the state authorities of the subjects of the Russian Federation at the expense of subsidies from the regional budget as part of the implementation of measures of the state programs of the subjects of the Russian Federation on the accessible environment; (3) the powers of local self-government bodies to participate, together with public organizations of disabled people, in the work on certification of priority facilities and services in priority areas of life of disabled people and other low-mobility groups of the population, carried out by state authorities of the subjects of the Russian Federation.

Conclusions. When considering the issue of the essence of the powers of local self-government bodies in the field of providing an accessible environment for the disabled, based on the analysis of the practice of the Russian Constitutional Court and the Supreme Court, it was revealed that by their nature these powers, as a rule, are neither separate state powers transferred to local self-government bodies for implementation, nor their own powers of local self-government bodies to address issues of local importance.

1. Введение

Вопрос о доступной среде всегда был достаточно непростым и актуальным для современного российского государства и общества. Еще более сложным он является для муниципальных образований Российской Федерации. Несмотря на достаточно длительное действие комплексных программ по обеспечению доступной среды для инвалидов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, по информации Министерства труда и социальной защиты населения РФ, показатель «доля доступных для инвалидов и других маломобильных групп населения приоритетных объектов социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры в общем количестве приоритетных объектов» в Российской Федерации по итогам 2022 г. составляет только 76,6 %. Поэтому говорить о полном решении проблемы обеспечения доступности для инвалидов и других маломобильных групп населения приоритетных объектов социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры еще очень рано. Это определяет актуальность данной проблемы.

В настоящей статье автор рассматривает основные вопросы, связанные с компетенцией органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для граждан с ограниченными возможностями здоровья, которых в российском законодательстве традиционно именуют «инвалидами». В работе дается анализ федерального законодательства, регулирующего полномочия органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов, рассматриваются вопросы о сущности указанных полномочий.

Мы рассмотрим данные вопросы с применением формально-юридического метода, методов

анализа нормативных правовых актов разного уровня, регулирующих полномочия органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов, и судебной практики в данной сфере, а также синтеза подготовки выводов и предложений на основании данного анализа.

Вопросы реализации полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов достаточно слабо изучены в научной юридической литературе. Традиционно в науках конституционного права и права социального обеспечения изучаются только общие вопросы конституционно-правового статуса инвалидов в Российской Федерации (диссертационные исследования А.П. Рахимли [1], С.Н. Бризецкого [2], Т.А. Лыхинной [3], А.Ю. Альбеевой [4]), вопросы защиты прав отдельных категорий инвалидов (диссертационные исследования О.М. Ильиной [5], И.В. Ушанкова [6], А.Г. Чепурного [7]), общие вопросы правового регулирования социальной защиты инвалидов в Российской Федерации, труда и социального обеспечения инвалидов (диссертационные исследования Н.В. Антипьевой [8], И.Н. Ясыревой [9], Р.Н. Жаворонкова [10]) и т. д.

Общим правовым проблемам инвалидов посвящены отдельные научные статьи Я.С. Рочевой, А.А. Свинцова, В.И. Радуга, В.П. Шестакова, Т.С. Чернякиной, Е.А. Радьковой, Г.И. Черновой [11–13]. Общие вопросы реализации государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» и требования безбарьерной среды рассмотрены в научных статьях Е.П. Лебедевой, А.А. Мининой, С.М. Перепада, О.А. Ризк [14], В.В. и Л.М. Долинских [15], Ю.В. Лавровой [16], В.И. Радуга, А.А. Свинцова, В.П. Шестакова [17]. Отдельным аспектам практики

органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов посвящены научные статьи В.П. Шестакова, А.А. Свинцова, Т.С. Чернякиной, В.И. Радуга [18; 19]. Данными авторами также изучены отдельные аспекты судебной практики судов общей юрисдикции в рамках исполнения положений Конвенции о правах инвалидов [20] и административно-правового обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры [21]. Вместе с тем во всех вышеуказанных работах отсутствует муниципальная составляющая: в них не рассматриваются проблемы реализации полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов.

В юридической литературе вопросы осуществления полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов освещены в очень незначительном объеме и только в общих чертах. В научной литературе имеются только работы, посвященные полномочиям органов местного самоуправления в сфере благоустройства (например, научные статьи А.А. Сергеева [22] и О.В. Лаврентьевой [23]). Б.Н. Матуловым рассматриваются вопросы делегирования государственных социальных полномочий органам местного самоуправления [24], Д.В. Соломахой изучено разграничение полномочий органов местного самоуправления при реализации полномочий собственника муниципального имущества [25], а В.И. Радуга исследованы муниципально-правовые аспекты реабилитации инвалидов [26]. Вместе с тем вышеуказанные работы прямо не касаются проблем реализации полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов.

Таким образом научные работы, направленные на изучение осуществления полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов, в юридической литературе в настоящее время отсутствуют. В связи с этим настоящая работа представляет актуальность и новизну.

2. Анализ федерального законодательства, регулирующего полномочия органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов.

Согласно ст. 7 Конституции РФ¹ в России, как в социальном государстве, обеспечивается государ-

ственная поддержка инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб и иные гарантии социальной защиты. Социальная защита инвалидов относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Правительство РФ обеспечивает функционирование системы социальной защиты инвалидов, их социальную интеграцию без какой-либо дискриминации, создание доступной среды для инвалидов и улучшение качества их жизни (пп. «в.2» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ). Упоминание о доступной среде для инвалидов появилось в Конституции РФ только после принятия поправок 2020 г.

Конституция РФ непосредственно не закрепляет полномочия органов публичной власти разного уровня в сфере социальной защиты инвалидов – их установление в конституционно заданных пределах относится к ведению федерального законодателя, который на основании и в соответствии с Конституцией РФ вправе определять содержание и объем соответствующей компетенции как федеральный и региональных органов государственной власти, так и органов местного самоуправления.

В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее – Федеральный закон № 131) доступная среда упоминается в ст. 14, 16, 16.2, 17 о вопросах местного значения отдельных видов муниципальных образований и полномочиях органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения. Например, к вопросам местного значения муниципального округа и городского округа относится утверждение правил благоустройства территории муниципального, городского округа, осуществление муниципального контроля в сфере благоустройства, предметом которого является **соблюдение правил благоустройства территории муниципального, городского округа, в том числе требований к обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг.**

При этом нужно отметить, что в Федеральном законе № 131 имеется определенное противоречие об обязанности органов местного самоуправления предусматривать в правилах благоустройства территории муниципального образования положения о доступной среде для инвалидов. Если в статьях о вопросах местного значения содержится императив-

¹ Здесь и далее нормативные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

ное требование о наличии в правилах благоустройства территории муниципального образования положений о доступной среде для инвалидов, которые обязательно проверяются при осуществлении муниципального контроля в сфере благоустройства, то в п. 9 ч. 2 ст. 45.1 Федерального закона № 131 о содержании правил благоустройства территории муниципального образования предусмотрено, что правила благоустройства территории муниципального образования **могут регулировать вопросы обустройства территории муниципального образования в целях обеспечения беспрепятственного передвижения по указанной территории инвалидов и других маломобильных групп населения.**

Согласно ч. 1.1 ст. 17 Федерального закона № 131 по вопросам, отнесенным в соответствии со ст. 14, 15 и 16 Федерального закона № 131 к вопросам местного значения, федеральными законами могут устанавливаться полномочия органов местного самоуправления по решению указанных вопросов местного значения. В связи с этим Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее – Закон об инвалидах) установлены дополнительные полномочия органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов.

Самой важной для нашей темы является ст. 15 Закона об инвалидах, в соответствии с которой федеральные и региональные органы государственной власти, **органы местного самоуправления (в сфере установленных полномочий), организации независимо от их организационно-правовых форм обеспечивают инвалидам:**

1) условия для беспрепятственного доступа к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур (жилым, общественным и производственным зданиям, строениям и сооружениям, включая те, в которых расположены физкультурно-спортивные организации, организации культуры и другие организации), к местам отдыха и к предоставляемым в них услугам;

2) условия для беспрепятственного пользования железнодорожным, воздушным, водным транспортом, автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в городском, пригородном, междугородном сообщении, средствами связи и информации (включая средства, обеспечивающие дублирование звуковыми сигналами световых сигналов светофоров и устройств, регулирующих движение пешеходов через транспортные коммуникации);

3) возможность самостоятельного передвижения по территории, на которой расположены объекты социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, входа в такие объекты и выхода из них, посадки в транспортное средство и высадки из него, в том числе с использованием кресла-коляски;

4) надлежащее размещение оборудования и носителей информации, необходимых для обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и к услугам с учетом ограничений их жизнедеятельности и т. д.

3. Вопрос о сущности полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов

Исходя из сложной и неразграниченной формулировки ст. 15 Закона об инвалидах на практике возник вопрос о сущности полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов: **являются ли эти полномочия собственными полномочиями органов местного самоуправления по решению вопросов местного самоуправления или по сути это отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления для осуществления?** Указанный вопрос стал предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, по итогам которого было принято Определение от 13 мая 2010 г. № 689-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы муниципального образования – городского округа “Город Зеленогорск” Красноярского края на нарушение конституционных прав и свобод положениями ст. 15 Федерального закона “О социальной защите инвалидов в РФ”».

Конституционный Суд РФ пришел к выводам о том, что, установив в Законе об инвалидах полномочия, права и обязанности разных субъектов по осуществлению мер социальной защиты инвалидов, федеральный законодатель отнес к таким мерам обязанность ряда субъектов, в том числе органов местного самоуправления, по созданию условий инвалидам для беспрепятственного доступа к объектам социальной инфраструктуры. Закрепляющее названную обязанность положение ст. 15 Закона об инвалидах носит общий характер и не содержит указания на конкретные способы ее исполнения уполномоченными субъектами, в том числе органами местного самоуправления, равно как и не разграничивает ответственность за ее осуществление между названными субъектами. Это положение не ограничивает самостоятельность органов местного само-

управления в выборе средств осуществления данной обязанности, поскольку непосредственно не предусматривает объем расходов местных бюджетов на мероприятия по созданию условий инвалидам для доступа к объектам социальной инфраструктуры и сроки решения поставленной задачи.

Вытекающая из норм федерального законодательства публичная обязанность по обеспечению доступности зданий и сооружений для инвалидов и других групп населения с ограниченными возможностями передвижения возлагается, в частности, на собственников зданий и сооружений. **Применительно к зданиям и сооружениям, находящимся в муниципальной собственности, данная обязанность возлагается, если нормативно не установлено иное, на муниципальные образования в лице органов местного самоуправления; по своей природе эта обязанность не является ни государственным полномочием, ни полномочием органов местного самоуправления.** Таким образом, само по себе оспариваемое положение ч. 1 ст. 15 Закона об инвалидах конституционные права заявителя не нарушает.

Кроме того, аналогичный вывод был подтвержден и Верховным Судом РФ, принявшим Постановление от 13 мая 2014 г. № 32-АД14-1, которым предусмотрено следующее. Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решениями вышестоящих судов, администрация Ленинского района муниципального образования «Город Саратов» признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 9.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях «Уклонение от исполнения требований к обеспечению условий для доступа инвалидов к объектам инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры», и подвергнута административному наказанию в виде административного штрафа в размере 20 000 руб. Из материалов дела об административном правонарушении следует, что в ходе проведения проверки должностными лицами Министерства социального развития Саратовской области выявлено, что администрация Ленинского района муниципального образования «Город Саратов» не приняла мер по созданию условий для беспрепятственного доступа инвалидов к администрации Ленинского района муниципального образования «Город Саратов», тем самым уклонилась от исполнения требований к обеспечению условий доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры, нарушив требования ст. 15 Закона об инвалидах.

В силу положений ст. 15 Закона об инвалидах администрация района как орган местного самоуправления обязана создавать условия инвалидам для беспрепятственного доступа к объектам социальной инфраструктуры. Из материалов дела следует, что объект нежилого фонда, в котором размещена администрация Ленинского района муниципального образования «Город Саратов», является собственностью муниципального образования «Город Саратов». Таким образом, Верховный Суд РФ подтвердил, что **факт закрепления здания местной администрации в оперативное управление муниципального казенного учреждения не освобождает муниципальное образование в лице администрации района от обязанности по обеспечению требований доступности для инвалидов здания местной администрации, находящегося в муниципальной собственности, а также не освобождает местную администрацию от административной ответственности.**

Поэтому в первую очередь полномочия органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов связаны с объектами муниципальной собственности. Именно их органы местного самоуправления обязаны привести в соответствие с нормативными требованиями о доступности. Но это не единственные полномочия органов местного самоуправления в данной сфере. Органы местного самоуправления в силу конституционного предназначения местного самоуправления как наиболее приближенного к населению уровня власти (ст. 12, 130–133 Конституции РФ) в пределах своих полномочий **участвуют в деятельности по обеспечению инвалидам, проживающим на территории соответствующих муниципальных образований, равных с другими гражданами возможностей в реализации их прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ** (ст. 2, 7, 18 и 19). Исходя из этого органы местного самоуправления **должны участвовать в обеспечении доступной среды для инвалидов не только на объектах муниципальной собственности, но и на территории муниципального образования в целом совместно с органами государственной власти и организациями.**

Ко второй группе полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов можно отнести:

1. Полномочия органов местного самоуправления, которые реализуются ими при наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в сфере обеспечения до-

ступной среды для инвалидов. Например, такая возможность прямо предусмотрена постановлением Правительства РФ от 17 июня 2015 г. № 599 «О порядке и сроках разработки федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления мероприятий по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг в установленных сферах деятельности».

2. Полномочия органов местного самоуправления, которые реализуются ими совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации за счет субсидий из регионального бюджета в рамках реализации мероприятий государственных программ субъектов Российской Федерации о доступной среде.

Так, в соответствии с постановлением Правительства Омской области от 16 октября 2013 г. № 261-п «Об утверждении государственной программы Омской области “Доступная среда”» предусмотрено предоставление субсидий бюджетам муниципальных образований Омской области из областного бюджета в целях финансирования расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий органов местного самоуправления Омской области по вопросам местного значения в рамках реализации таких мероприятий Программы, как:

а) создание в муниципальных дошкольных образовательных организациях, общеобразовательных организациях, организациях дополнительного образования детей условий для инклюзивного образования детей-инвалидов, в том числе создание универсальной безбарьерной среды для беспрепятственного доступа, и оснащение организаций дополнительного образования детей специальным, в том числе учебным, реабилитационным, компьютерным оборудованием и автотранспортом;

б) обустройство пешеходных переходов светофорами со звуковыми сигналами, оборудование светофоров звуковыми сигналами;

в) обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов и маломобильных групп населения к остановочным комплексам и пешеходным переходам на маршрутах общественного транспорта.

Субсидии на данные цели по г. Омску предоставляются в 2023 г. в пропорции: 89 % из областного бюджета и 11 % из бюджета г. Омска.

3. Участие органов местного самоуправления совместно с общественными организациями инвалидов в работе по паспортизации приоритетных

объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения, проводимой органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Например, в Омской области такие мероприятия проводятся в соответствии с постановлением Правительства Омской области от 7 августа 2013 г. № 192-п «Об утверждении Порядка формирования доступной среды жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения в Омской области».

4. Выводы

Таким образом, в данной работе мы рассмотрели вопрос о том, с какими трудностями на практике сталкиваются инвалиды при реализации органами местного самоуправления полномочий в сфере обеспечения доступной среды. Мы выяснили, что к полномочиям по решению вопросов местного значения относится осуществление муниципального контроля в сфере благоустройства, предметом которого является в том числе соблюдение требований к обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг.

При рассмотрении вопроса о сущности полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов, на основании анализа практики Конституционного и Верховного судов РФ было выявлено, что по своей природе эти полномочия, как правило, не являются ни отдельными государственными полномочиями, переданными органам местного самоуправления для осуществления, ни собственными полномочиями органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения. Вытекающая из норм федерального законодательства публичная обязанность по обеспечению доступности зданий и сооружений для инвалидов и других групп населения с ограниченными возможностями передвижения возлагается в первую очередь на собственников зданий и сооружений. Применительно к зданиям и сооружениям, находящимся в муниципальной собственности, данная обязанность возлагается на муниципальные образования в лице органов местного самоуправления, если нормативно не установлено иное. Поэтому полномочия органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов необходимо рассматривать, в первую очередь, в качестве полномочий собственника.

Вместе с тем полномочия собственника не являются единственными полномочиями органов местного самоуправления в данной сфере. Органы мест-

ного самоуправления участвуют в деятельности по обеспечению инвалидам, проживающим на территории соответствующих муниципальных образований, равных с другими гражданами возможностей в реализации их прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ. Исходя из этого органы местного самоуправления должны участвовать в обеспечении доступной среды для инвалидов не только на объектах муниципальной собственности, но и на территории муниципального образования в целом совместно с органами государственной власти и организациями.

Ко второй группе полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов можно отнести:

1) полномочия органов местного самоуправления, которые реализуются ими при наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в сфере обеспечения доступной среды для инвалидов;

2) полномочия органов местного самоуправления, которые реализуются ими совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации за счет субсидий из регионального бюджета в рамках реализации мероприятий государственных программ субъектов Российской Федерации о доступной среде;

3) полномочия органов местного самоуправления по участию совместно с общественными организациями инвалидов в работе по паспортизации приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения, проводимой органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

В связи с низкими фактическими значениями показателей доступности для инвалидов объектов и услуг муниципальных образований органам местного самоуправления необходимо организовать планомерную работу по повышению значений данных показателей доступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рахимли А. П. Особенности конституционно-правового статуса инвалидов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / А. П. Рахимли. – М., 2007. – 264 с.
2. Бризецкий С. Н. Законодательное обеспечение конституционных прав инвалидов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / С. Н. Бризецкий. – М., 2012. – 221 с.
3. Лыхина Т. А. Права инвалидов : проблемы международно-правового регулирования и международные обязательства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Т. А. Лыхина. – СПб., 2011. – 198 с.
4. Альбеева А. Ю. Правовая политика в отношении инвалидов в советской и постсоветской России: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Альбеева. – Самара, 2017. – 248 с.
5. Ильина О. М. Конституционное право на основное общее образование и гарантии его реализации детьми-инвалидами в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / О. М. Ильина. – Саратов, 2010. – 176 с.
6. Ушанков И. В. Конституционно-правовые гарантии права на образование детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и детей-инвалидов в условиях социального, правового государства : дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Ушанков. – М., 2015. – 184 с.
7. Чепурной А. Г. Конституционно-правовое регулирование государственной политики Российской Федерации в сфере социальной защиты инвалидов боевых действий : дис. ... д-ра юрид. наук / А. Г. Чепурной. – М., 2006. – 512 с.
8. Антипьева Н. В. Правовое регулирование социальной защиты инвалидов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Антипьева. – Омск, 2000. – 245 с.
9. Ясырева И. Н. Право социального обеспечения о комплексной реабилитации инвалидов : дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Ясырева. – Пермь, 2007. – 223 с.
10. Жаворонков Р. Н. Правовое регулирование труда и социального обеспечения инвалидов в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / Р. Н. Жаворонков. – М., 2014. – 495 с.
11. Рочева Я. С. Термин «инвалид» с позиций современной модели инвалидности / Я. С. Рочева, А. А. Свинцов, В. И. Радуту // Социальное и пенсионное право. – 2021. – № 2. – С. 38–44.
12. Шестаков В. П. Основные направления совершенствования законодательства Российской Федерации в соответствии с требованиями Конвенции о правах инвалидов / В. П. Шестаков, А. А. Свинцов, Т. С. Чернякина, В. И. Радуту // Социальное и пенсионное право. – 2019. – № 2. – С. 37–42.

13. Шестаков В. П. Современные аспекты правового регулирования в сфере социальной защиты инвалидов в Российской Федерации / В. П. Шестаков, А. А. Свинцов, В. И. Радуту, Е. А. Радькова, Г. И. Чернова // Социальное и пенсионное право. – 2013. – № 1. – С. 11–14.
14. Лебедева Е. П. О государственной программе Российской Федерации «Доступная среда» до 2020 года: проблемы законодательства и правоприменения / Е. П. Лебедева, А. А. Минина, С. М. Перепада, О. А. Ризк // Социальное и пенсионное право. – 2016. – № 3. – С. 26–30.
15. Долинская В. В. Требования безбарьерной среды в строительстве в источниках права / В. В. Долинская, Л. М. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 10. – С. 68–73.
16. Лаврова Ю. В. Защита прав лиц с ограниченными возможностями здоровья на беспрепятственный доступ к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры / Ю. В. Лаврова // Законность. – 2018. – № 5. – С. 20–21.
17. Радуту В. И. Формирование систем вспомогательных услуг и персональной помощи инвалидам в целях содействия им в реализации права вести самостоятельный образ жизни: предложения по совершенствованию нормативно-правового урегулирования на федеральном уровне / В. И. Радуту, А. А. Свинцов, В. П. Шестаков // Социальное и пенсионное право. – 2022. – № 1. – С. 50–54.
18. Радуту В. И. Организационно-правовые и доктринальные аспекты совершенствования законодательства субъектов Российской Федерации по вопросам ведения инвалидами самостоятельного образа жизни в рамках исполнения положений Конвенции ООН о правах инвалидов и федерального законодательства / В. И. Радуту, А. А. Свинцов, Т. С. Чернякина // Социальное и пенсионное право. – 2022. – № 4. – С. 44–50.
19. Шестаков В. П. Организационные и правовые аспекты реализации Конвенции ООН о правах инвалидов на региональном уровне / В. П. Шестаков, А. А. Свинцов, Т. С. Чернякина, В. И. Радуту // Социальное и пенсионное право. – 2017. – № 4. – С. 42–46.
20. Шестаков В. П. Отдельные аспекты судебной практики судов общей юрисдикции в рамках исполнения положений Конвенции о правах инвалидов / В. П. Шестаков, А. А. Свинцов, Т. С. Чернякина, В. И. Радуту // Администратор суда. – 2019. – № 4. – С. 23–27.
21. Радуту В. И. Административно-правовая составляющая обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры / В. И. Радуту // Социальное и пенсионное право. – 2010. – № 4. – С. 23–26.
22. Сергеев А. А. О полномочиях органов местного самоуправления по регулированию благоустройства территории / А. А. Сергеев // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 2. – С. 53–59.
23. Лаврентьева О. В. Полномочия органов местного самоуправления в сфере благоустройства / О. В. Лаврентьева // Российский юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 66–70.
24. Матулов Б. Н. Делегирование государственных социальных полномочий органам местного самоуправления: возможности и пределы / Б. Н. Матулов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 4. – С. 30–33.
25. Соломаха Д. В. Разграничение полномочий органов местного самоуправления при реализации полномочий собственника муниципального имущества / Д. В. Соломаха // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2014. – № 3. – С. 24–26.
26. Радуту В. И. Муниципально-правовые аспекты реабилитации инвалидов / В. И. Радуту // Социальное и пенсионное право. – 2009. – № 4. – С. 19–24.

REFERENCES

1. Rakhimli A.P. *Features of the constitutional and legal status of disabled people in the Russian Federation*, Cand. Diss. Moscow, 2007. 264 p. (In Russ.).
2. Brizetskii S.N. *Legislative support of constitutional rights of disabled people in the Russian Federation*, Cand. Diss. Moscow, 2012. 221 p. (In Russ.).
3. Lykhina T.A. *The rights of persons with disabilities: problems of international legal regulation and international obligations of the Russian Federation*, Cand. Diss. St. Petersburg, 2011. 198 p. (In Russ.).
4. Al'beeva A.Yu. *Legal policy in relation to disabled people in Soviet and post-Soviet Russia: historical and legal research*, Cand. Diss. Samara, 2017. 248 p. (In Russ.).

5. Il'ina O.M. *The constitutional right to basic general education and guarantees of its implementation by disabled children in the Russian Federation*, Cand. Diss. Saratov, 2010. 176 p. (In Russ.).
6. Ushankov I.V. *Constitutional and legal guarantees of the right to education of children with disabilities and children with disabilities in a social, legal state*, Cand. Diss. Moscow, 2015. 184 p. (In Russ.).
7. Chepurnoi A.G. *Constitutional and legal regulation of the state policy of the Russian Federation in the field of social protection of combat invalids*, Doct. Diss. Moscow, 2006. 512 p. (In Russ.).
8. Antip'eva N.V. *Legal regulation of social protection of disabled people in the Russian Federation*, Cand. Diss. Omsk, 2000. 245 p. (In Russ.).
9. Yasyreva I.N. *Social security law on complex rehabilitation of disabled people*, Cand. Diss. Perm, 2007. 223 p. (In Russ.).
10. Zhavoronkov R.N. *Legal regulation of labor and social security of disabled people in the Russian Federation*, Doct. Diss. Moscow, 2014. 495 p. (In Russ.).
11. Rocheva Ya.S., Svintsov A.A., Raduto V.I. The "person with disabilities" term from the standpoint of the modern disability model. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2021, no. 2, pp. 38–44. (In Russ.).
12. Shestakov V.P., Svintsov A.A., Chernyakina T.S., Raduto V.I. The main areas for improvement of the laws of the Russian Federation pursuant to the requirements of the convention on the rights of persons with disabilities. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2019, no. 2, pp. 37–42. (In Russ.).
13. Shestakov V.P., Svintsov A.A., Raduto V.I., Rad'kova E.A., Chernova G.I. Contemporary aspects of legal regulation in the sphere of social protection of invalids in the Russian Federation. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2013, no. 1, pp. 11–14. (In Russ.).
14. Lebedeva E.P., Minina A.A., Perepadya S.M., Rizk O.A. On State program of the Russian Federation "Available environment" up to 2020: issues of legislation and law application. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2016, no. 3, pp. 26–30. (In Russ.).
15. Dolinskaya V.V., Dolinskaya L.M. Requirements of barrier-free environment in construction and sources of law. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2016, no. 10, pp. 68–73. (In Russ.).
16. Lavrova Yu.V. Protection of the rights of individuals with disabilities to unimpeded access to social, engineering, and transport infrastructure facilities. *Zakonnost'*, 2018, no. 5, pp. 20–21. (In Russ.).
17. Raduto V.I., Svintsov A.A., Shestakov V.P. The establishment of systems of auxiliary services and personal assistance to people with disabilities to facilitate exercising of their right to independent living: proposals for the improvement of the legal regulation on the federal level. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2022, no. 1, pp. 50–54. (In Russ.).
18. Raduto V.I., Svintsov A.A., Chernyakina T.S. Organizational, legal and doctrinal aspects of improvement of laws of the constituent entities of the Russian Federation on living a self-sustained life by persons with disabilities within the framework of fulfillment of provisions of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities and federal laws. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2022, no. 4, pp. 44–50. (In Russ.).
19. Shestakov V.P., Svintsov A.A., Chernyakina T.S., Raduto V.I. Organizational and legal aspects of regional implementation of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2017, no. 4, pp. 42–46. (In Russ.).
20. Shestakov V.P., Svintsov A.A., Chernyakina T.S., Raduto V.I. Some aspects of the judicial practice of general jurisdiction courts within the framework of fulfillment of provisions of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities. *Administrator suda = Court's Administrator*, 2019, no. 4, pp. 23–27. (In Russ.).
21. Raduto V.I. Administrative-law element of unchecked access of invalids to the objects of social infrastructure. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2010, no. 4, pp. 23–26. (In Russ.).
22. Sergeev A.A. On powers of local self-government in terms of regulation of site improvement. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2023, no. 2, pp. 53–59. (In Russ.).
23. Lavrentyeva O.V. The powers of local authorities in the sphere of territory improvement. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2016, no. 1, pp. 66–70. (In Russ.).
24. Matulov B.N. Delegation of state social powers to local self-government authorities: opportunities and limits. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2020, no. 4, pp. 30–33. (In Russ.).

25. Solomakha D.V. Delimitation of powers of local governments in the implementation of the powers of municipal property owner. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal Service: legal issues*, 2014, no. 3, pp. 24–26. (In Russ.).

26. Raduto V.I. Municipal-legal aspects of rehabilitation of disabled people. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2009, no. 4, pp. 19–24. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дитятковский Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, доцент, ¹профессор кафедры конституционного и муниципального права; ²профессор кафедры государственного и муниципального права

¹ *Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского*

¹ 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

² 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: ditmihur@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7318-212X

ResearcherID: W-2788-2019

SPIN-код РИНЦ: 3935-0431

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дитятковский М.Ю. О доступной среде в муниципальных образованиях Российской Федерации / М.Ю. Дитятковский // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 96–105. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).96-105.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Mikhail Yu. Dityatkovsky – Doctor of Law, Associate Professor; ¹Professor, Department of Constitutional and Municipal Law; ²Professor, Department of State and Municipal Law

¹ *Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

² *Dostoevsky Omsk State University*

¹ 9, Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russia

² 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: ditmihur@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7318-212X

ResearcherID: W-2788-2019

RSCI SPIN-code: 3935-0431

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dityatkovsky M.Yu. Accessible environment in municipalities of the Russian Federation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 96–105. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).96-105. (In Russ.).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

В.В. Ольховик^{1,2}, Э. Юхневич³

¹ Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, г. Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

³ Гданьский университет, г. Гданьск, Польша

Информация о статье

Дата поступления –

13 ноября 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Горизонтальные субсидии, муниципальное образование, местное самоуправление, межмуниципальная ассоциация, консорциум, объединенный муниципальный офис, синдикат, совместное муниципальное учреждение, кантон

Правовое регулирование отношений, складывающихся между муниципальными образованиями, в Швейцарии, Франции, Словакии и Чехии рассматривается в контексте организационно-правовых форм их сотрудничества и вопросов осуществления финансовой деятельности с целью выявления эффективных форм финансовой деятельности муниципальных образований по различным направлениям сотрудничества, а также возможности применения исследуемого опыта в Российской Федерации. В результате проведенного анализа были выявлены различные организационные формы межмуниципальной кооперации: ассоциации округов и кантонов (Швейцария), совместные муниципальные учреждения, муниципальные объединения, ассоциации юридических лиц (Словакия), синдикаты и дистрикты (Франция). Особое внимание было уделено опыту межмуниципального сотрудничества в Словакии, которое рассматривается не только как важнейший элемент функционирования местных органов власти, но и как инструмент управления проектами, источниками финансирования которых являются внешние фонды.

LEGAL REGULATION OF INTER-MUNICIPAL COOPERATION IN EUROPEAN COUNTRIES

Vladimir V. Olkhovik^{1,2}, Edvardas Juchnevicius³

¹ Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

³ University of Gdansk, Gdansk, Poland

Article info

Received –

2022 November 13

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Horizontal subsidies, municipal formation, local self-government, inter-municipal association, consortia, joint municipal office, syndicate, joint municipal institution, canton

The subject. Financial relations between municipal entities represent a crucial mechanism for enhancing the efficiency of public service delivery in European countries. Collaborative efforts among municipalities can lead to cost savings and the utilization of economies of scale. This is particularly prominent in countries with a high number of small municipalities. This article aims to identify effective forms of financial activities among municipalities across various cooperation domains and assess the applicability of international experience in the context of the Russian Federation.

Methodology. This study analyzes various organizational forms of inter-municipal cooperation, drawing insights from different countries, including Switzerland (associations of districts and cantons), Slovakia (joint municipal institutions, municipal associations, associations of legal entities), and France (syndicates and districts). Special attention is paid to the experience of inter-municipal cooperation in Slovakia, where it is not only a vital component of local government but also a tool for project management, often funded by external sources.

The main results, scope of application. The analysis of international experience in inter-municipal cooperation reveals diverse organizational models, each tailored to specific local contexts. Based on this analysis, the authors propose amendments and enhancements to Russian legislation. Implementation of these suggestions could enhance the efficiency of

interactions among Russian municipal entities, improve planning capabilities, enhance labor productivity, and optimize public service expenditure.

Conclusions. Inter-municipal cooperation, as demonstrated by various international models, offers valuable insights for Russia. Adapting and implementing lessons from abroad can lead to improved governance and resource allocation, ultimately resulting in enhanced service delivery and cost-effectiveness for the benefit of the Russian population.

1. Введение

Муниципальная раздробленность является серьезным барьером для эффективного предоставления государственных услуг на местном уровне. С увеличением количества малочисленных муниципальных образований актуальность этой проблемы возрастает, поскольку она напрямую влияет на качество жизни населения и возможность получения ими необходимых услуг. Среднее количество муниципалитетов на 100 тыс. населения в 2023 г. по странам ОЭСР составляло 10,3, при этом наибольшее значение указанного показателя отмечается в Чехии, Словакии и Франции, для которых характерен и наименьший средний размер муниципалитета (менее 2 тыс. чел.). Венгрии и Швейцарии присуща, наоборот, меньшая раздробленность муниципалитетов и укрупненный их размер (более 3 тыс. чел.). Детализированные данные по странам европейского содружества представлены в таблице.

**Размеры муниципальных образований
в странах ОЭСР в 2023 г.**

Страны	Среднее количество муниципалитетов на 100 тыс. населения	Средний размер муниципалитета (численность населения)
Чехия	59,2	1 688
Словакия	54,0	1 854
Франция	53,1	1 885
Венгрия	32,4	3 088
Швейцария	26,5	3 768
Австрия	24,0	4 166
Исландия	22,0	4 541
Испания	17,5	5 720
Люксембург	17,5	5 727
Германия	13,4	7 449
Италия	13,1	7 617

Примечание. Сост. по: Subnational governments in OECD countries: Key data. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=SNGF>.

Рассмотрение юридических аспектов межмуниципального сотрудничества, включая законодательные акты и правовые основы создания ассоциаций,

а также предоставление субсидий для развития и обеспечения деятельности ассоциаций, представляет собой важный элемент научной новизны, поскольку это позволяет разработать более эффективные правовые инструменты для содействия сотрудничеству между муниципалитетами.

Сравнение опыта Австрии, Венгрии и Словакии в сфере межмуниципального сотрудничества дает возможность выявить успешные практики и перенести их в контекст других стран. Это способствует развитию новых методов и моделей муниципального сотрудничества, что является научно значимым и практически полезным.

К примеру, в Австрии существует широкий спектр межмуниципального сотрудничества, как формального, так и неформального. Договоренности о сотрудничестве включают сотрудничество, взаимопомощь, частные юридические контракты, ассоциации и компании в соответствии с Гражданским кодексом Австрии и законодательством о компаниях, а также межмуниципальные ассоциации по публичному праву.

Межмуниципальное сотрудничество осуществляется в Венгрии в соответствии с Законом о местном самоуправлении и Законом о муниципальных ассоциациях. Существуют различные формы сотрудничества: от создания совместных административных органов и учреждений до интегрированного представительного органа по договорам о сотрудничестве.

Интересен опыт Словакии, где правовые положения о многоцелевых микрорегиональных ассоциациях предусматривают предоставление небольших субсидий как для создания, так и для обеспечения деятельности таких ассоциаций.

Таким образом, исследования по теме межмуниципального сотрудничества и преодоления муниципальной раздробленности актуальны, поскольку они позволяют разрабатывать решения для оптимизации организации местного управления и повышения качества предоставления государственных услуг в условиях разнообразных муниципальных образований.

2. Обзор литературы

В 2004 г. J. Budds [1] представил отчет, который освещает текущее состояние межмуниципального сотрудничества. Этот отчет может предоставить ценную информацию о структуре и эффективности такого сотрудничества. Исследование В. De Peuter, V. Pattyn, E. Wayenberg [2], опубликованное в 2011 г., оценивает критерии, лежащие в основе решений и дебатов о реформах местного управления во Фландрии. Это исследование дает представление о факторах, учитываемых при формировании политики местного самоуправления. Также в 2011 г. F. Ebinger, S. Grohs и R. Reiter [3] провели исследование, сравнивая стратегии децентрализации в Германии, Франции и Англии. Это сравнение позволяет выявить различия в эффективности разных стратегий децентрализации. А в 2010 г. E.S. Pfeil [4] рассмотрел реформы местного управления в Венгрии и создание микрорегиональных ассоциаций. Его работа дает представление о разнообразии подходов к организации местного управления и применении многоцелевых ассоциаций.

В 2016 г. R. Steiner [5] представил главу о межмуниципальном сотрудничестве в книге *Praxishandbuch Public Management*. Эта глава позволяет рассмотреть межмуниципальное сотрудничество как важный элемент организации местного управления. Книга F. Teles и P. Swianiewicz [6], опубликованная в 2017 г., рассматривает межмуниципальное сотрудничество в Европе. Эта работа выделяет роль такого сотрудничества в улучшении предоставления услуг и организации местного управления.

В 2012 г. H. Wollmann [7] провел исследование реформ местного управления в нескольких европейских странах. Его работа позволяет сравнить общие и отличительные черты этих реформ, что может быть полезным для анализа изменений в местном управлении.

Обзор литературы, учитывая синхронность даты публикации по авторам, позволяет выделить актуальные темы и тренды в исследованиях местного самоуправления и децентрализации на определенный момент. В данном случае авторы, опубликовавшие свои работы, могут внести наиболее согласованный вклад в данную тему.

О.А. Алавердян и Н.Р. Аветисян [8] в 2018 г. опубликовали исследование вызовов международного налогового сотрудничества в Армении. Это актуально для понимания международных аспектов местного самоуправления. В 2020 г. И.В. Бабичев [9] исследовал изменения в конституционном статусе

местного самоуправления в России. Это важно для анализа изменений в законодательстве. В этом же году А.М. Будаев [10] исследовал взаимодействия местного самоуправления. Это актуальная тема для понимания политических отношений на местном уровне. А Е.С. Шугрина [11] дает представление о будущей государственной политике в сфере местного самоуправления, что раскрывает перспективы развития местного управления.

Т.М. Бялкина [12] упоминает о некоторых аспектах городского самоуправления в России, что особенно актуально для понимания проблем городского управления. Л.Т. Чихладзе [13] исследует административную децентрализацию и отношений между органами власти, а Е.С. Шугрина [14] рассматривает законодательство о местном самоуправлении и его развитии с учетом законодательных изменений.

Обзор литературы по теме межмуниципального сотрудничества, рассмотренный через призму работ указанных авторов, позволяет выделить ряд ключевых аспектов:

1. *Федерализм и конституционная реформа.* Е.В. Гриценко [15] в контексте конституционной реформы в России обращает внимание на вопросы местного самоуправления и федерализма. Межмуниципальное сотрудничество может стать важным инструментом в управлении муниципальными образованиями, особенно в новом конституционном контексте.

2. *Институт управления главой муниципального образования.* Н.Ю. Давыдова [16] рассматривает проблемы муниципального управления, включая вопросы, связанные с увольнением глав муниципальных образований, которые могут требовать совместных усилий и сотрудничества между различными муниципалитетами.

3. *Наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями.* М.Ю. Дитяковский [17] поднимает важный вопрос о предоставлении местным органам власти определенных государственных полномочий. Межмуниципальное сотрудничество может помочь в более эффективном выполнении таких полномочий.

4. *Финансово-правовой статус муниципальных образований.* С.М. Миронова [18] проводит оценку финансового статуса муниципальных образований, который определяется более эффективно через сотрудничество и обмен опытом между муниципалитетами.

5. *Зарубежный опыт межмуниципального сотрудничества*. В.В. Ольховик [19] сравнивает международный опыт межмуниципального сотрудничества России и других стран.

6. *Конституционная реформа местного самоуправления*. Н.Л. Пешин [20] рассмотрел местное самоуправление в рамках конституционной реформы и подчеркивает важность правовых аспектов муниципального сотрудничества.

7. *Проблемы ответственности в муниципальных образованиях*. В.В. Пылин [21] считает, что межмуниципальное сотрудничество может способствовать более эффективному решению вопросов ответственности перед населением и представительными органами.

8. *Административная децентрализация*. Л.Т. Чихладзе [13] уточняет, что взаимоотношения между государственными и муниципальными властями могут быть более эффективными с использованием принципов административной децентрализации и муниципального сотрудничества.

9. *Роль местного самоуправления в системе публичной власти*. К.Ф. Шеремет [22] считает, что анализ роли местного самоуправления в общей системе государственной власти может привести к разработке новых моделей сотрудничества.

10. *Расхождение конституционной, законодательной и фактической модели местного самоуправления*. О.Е. Шишкина [23] обращает внимание на различия между формальными конституционными положениями и реальной практикой, что может быть связано с необходимостью более тесного сотрудничества и согласования.

11. *Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления*. В.А. Щепачев [24] считает, что межмуниципальное сотрудничество может стать инструментом для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Таким образом, тема межмуниципального сотрудничества рассматривается в контексте различных аспектов местного самоуправления и федерализма, предоставляя ценные исследовательские и практические выводы для совершенствования организации и управления на муниципальном уровне.

3. Результаты исследования

3.1. Опыт и формы межмуниципального сотрудничества в Словакии

Наиболее значимой формой межмуниципальной кооперации в Словакии является совместное муниципальное учреждение, или объединенный муниципальный офис (словац. *Spoločné obecné úrady*; англ. *Joint municipal offices*). Согласно обзору общих муниципальных органов власти в реестре Министерства внутренних дел Словацкой Республики, по состоянию на 2019 г. в Словакии действовал уже 221 объединенный офис¹.

Объединенный муниципальный офис Виничне (*Vinicne*)² в составе трех муниципальных образований (Виничне, Лимбах и Словенский гроб) с численностью населения 8 184 чел. действует на основании договора, заключенного с целью выполнения конкретной задачи или деятельности, о создании или учреждении юридического лица в соответствии с законом. Основные направления деятельности – это пространственное планирование, охрана природы, строительство, водные коммуникации.

Распространенными примерами межмуниципального сотрудничества в рамках объединенного муниципального офиса могут служить управление в сфере строительства и управление в сфере образования (школьный офис). Так, объединенный муниципальный офис Леопольдов (*Leopoldov*)³ базируется в Глоговце с целью решения вопросов в строительстве, экологических, социальных вопросов и является институтом совместного муниципального управления.

Объединения в форме школьного офиса создаются в соответствии с Законом № 596/2003 и Директивой № 50/2013, которая определяет порядок работы районного отделения в месте нахождения округа при утверждении муниципалитета в качестве органа школьного управления и при оценке профессиональной деятельности муниципалитета в данной сфере.

Например, объединенный школьный офис в Спишской беле (*Spišská Belá*)⁴ был создан 1 сентября 2007 г. для управления школами, принадлежащими

¹ Prehľad spoločných obecných úradov. URL: https://www.minv.sk/?prehlad_SOU&subor=245852 (дата обращения: 21.10.2022).

² URL: <https://www.vinicne.sk/historia-obce.html> (дата обращения: 21.10.2022).

³ URL: <https://www.leopoldov.sk> (дата обращения: 21.10.2022).

⁴ URL: <https://spisskabela.sk/obcan/skolstvo/spolocny-skolsky-urad/> (дата обращения: 21.10.2022).

муниципалитетам Спишска Бела, Топорец, Голумница, Подхораны, Крижова Вель, Словацкая Вель, по согласованию с мэрами всех муниципалитетов.

Другим примером кооперации является совместная школа в Сладковичово (*Sladkovicovo*)⁵, созданная в соответствии с § 20 Закона № 596/2003 «О государственном управлении в сфере образования и школьного самоуправления и о внесении изменений в некоторые законодательные акты».

Функциональная составляющая, а также правовая и организационная основа совместных учреждений оговариваются в договорах о создании объединенных муниципальных офисов. Данные договоры заключаются в соответствии со ст. 20 п. «а» Закона № 369/1990⁶ по установленной форме и предусматривают решение задач, делегированных местным органам власти действующим законодательством⁷.

3.2. Межмуниципальное сотрудничество во Франции

Франция имеет три основных территориальных уровня управления: регион, департамент и муниципалитет (коммуна). Французская территориальная система характеризуется сильной фрагментацией – 36 682 муниципалитета (коммуны), которые значительно различаются по размеру. Средняя численность жителей муниципалитета во Франции составляет около 1 700 чел., 98 % всех муниципалитетов имеют население менее 10 тыс. жителей.

Важной особенностью межмуниципального сотрудничества во Франции является то, что муниципалитеты создают объединения (союзы) добровольно с согласия местных советов. В целом муниципалитеты могут делегировать любые свои функции межмуниципальным организациям, за исключением тех, которые являются исключительными полномочиями мэров.

Преобладающей формой сотрудничества во Франции является целевая межмуниципальная ассоциация, созданная двумя или более муниципалитетами. Данные объединения являются добровольными муниципальными организациями, предоставляющими коммунальные услуги, такие как водоснабжение, утилизация отходов, транспорт и т. д., с

целью достижения повышения эффективности за счет эффекта масштаба.

Согласно Закону о Шевенменте (*Chevènement Law*) новые общины муниципалитетов должны создавать свои собственные органы управления (*EPCI*), а также иметь собственные политические полномочия (обязательные и необязательные) не только в традиционных сферах, таких как водоснабжение, санитария и управление отходами, но и в пространственном планировании, экономическом развитии и управлении городом.

3.3. Межмуниципальное сотрудничество в Чешской Республике

Наиболее распространенной формой сотрудничества в Чешской Республике является добровольное объединение муниципалитетов (микрорегионы). В 2015 г. был принят Закон № 128/2000 «О муниципалитетах», после внесения изменений в который законодательно закреплена только одна форма сотрудничества – добровольная ассоциация муниципалитетов (параграф 49). Предыдущие формы сотрудничества, такие как договор, заключенный с целью выполнения конкретной задачи и сотрудничество муниципалитетов, основанное на создании юридического лица, были исключены.

Одним из ярких примеров кооперации является микрорегион Союз муниципалитетов долины Десна, целью создания которого было восстановление местной железной дороги после наводнений 1997 г. Помимо этой задачи, были поставлены еще две: улучшить жилье, а также качество школьных помещений и их оснащение. Около 13 000 граждан проживают здесь в 9 муниципалитетах с численностью населения от 150 до 3 234 чел., которые сотрудничают в рамках микрорегиона. В микрорегионе созданы собственные микрорегиональные школы, которые имеют единую кадровую политику, собственную службу школьного автобуса. В рамках сотрудничества ведутся переговоры о снижении цен на энергоносители, что ведет к снижению эксплуатационных издержек. Источники финансирования – средства Европейского Союза и регионального правительства Оломоуцкого края.

⁵ URL: <https://zsmssladkovicovo.edupage.org/a/skolsky-klub-deti>. (дата обращения: 21.10.2022).

⁶ Zákon č. 369/1990 Zb. Zákon Slovenskej národnej rady o obecnom zriadení. URL: <https://www.zakonypreludi.sk/zz/1990-369/znenie-20190201#cast3> (дата обращения: 21.10.2022).

⁷ Zákon č. 583/2004 Z. z. Zákon o rozpočtových pravidlách územnej samosprávy a o zmene a doplnení niektorých zákonov. URL: <https://www.zakonypreludi.sk/zz/2004-583/znenie-20190101#cl1-cast2> (дата обращения: 21.10.2022).

3.4. Межмуниципальное сотрудничество в Швейцарии

В Швейцарии представлены следующие механизмы межмуниципального сотрудничества:

- неформальное сотрудничество – отношения, которые складываются между муниципалитетами без правовой основы; эта форма чаще всего применяется для соседних муниципалитетов с целью решения текущих проблем;
- формализованное сотрудничество, при котором один муниципалитет выполняет задачи самостоятельно для других муниципалитетов;
- совместное выполнение задачи двумя или более муниципалитетами, основанное на контракте.

Еще одной формой сотрудничества в швейцарских агломерациях является столичный регион Швейцарии (*Hauptstadtregion Schweiz*), членами которого являются кантоны, регионы, города и муниципалитеты в районе Берна. Его цель – развивать идентичность швейцарского столичного региона на основе сотрудничества между всеми участниками агломерации.

Сотрудничество осуществляется в соответствии с принципом паритета, означающим, что кантоны, с одной стороны, и города, муниципалитеты, региональные организации, с другой стороны, платят равную долю в агломерацию.

4. Заключение. Применимость зарубежного опыта в российских условиях

Анализ зарубежного опыта выявил ряд эффективных форм межмуниципальной интеграции и кооперации. Однако не все они применимы в российских условиях из-за более жесткого законодательного регулирования вопросов местного значения, а также ввиду критически высокой зависимости кооперативных форм от политического процесса в отдельных муниципальных образованиях.

Ниже представлены предложения по формам межрегиональной кооперации и интеграции, сформированные на основе анализа зарубежного опыта, применение которых в российских условиях представляется целесообразным.

1. *Расширение возможности использования бюджетных кредитов в межрегиональной и межмуниципальной хозяйственной кооперации.* С этой целью предлагается включить в ст. 93.3 Бюджетного кодекса РФ положение о предоставлении бюджетных кредитов на цели межрегиональной и межмуниципальной хозяйственной кооперации сле-

дующего содержания: «Из бюджета субъекта Российской Федерации (муниципального образования) на основе договора могут предоставляться бюджетные кредиты другому субъекту Российской Федерации (муниципальному образованию), предоставляемые в целях реализации межрегиональных инвестиционных проектов и программ социально-экономического развития, а также совместного осуществления полномочий по организации предоставления (предоставлению) государственных (муниципальных) услуг в рамках полномочий органов власти субъектов Российской Федерации (муниципальных образований)».

2. *Развитие публично-правовых договоров (соглашений) в межмуниципальной хозяйственной кооперации.* Предлагается следующее определение: межмуниципальная хозяйственная кооперация – совместное на основе соглашений между муниципальными образованиями осуществление деятельности по реализации инвестиционных проектов и программ социально-экономического развития, предоставлению государственных услуг в рамках полномочий, установленных законодательством Российской Федерации. Для внедрения данной нормы потребуются разработка дополнений в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Гражданский кодекс РФ.

Таким образом, межмуниципальная кооперация в зарубежной практике является важным инструментом социально-экономического развития территории. Положительное влияние подобных коопераций достигается благодаря:

- эффективному предоставлению общественных услуг, что предусматривает как снижение стоимости услуги, так и повышение ее качества (при этом улучшение качества местных общественных услуг не достигается автоматически при внедрении межмуниципального сотрудничества);
- улучшению доступности местных общественных услуг;
- инструменту для преодоления фрагментированной структуры органов местного самоуправления;
- увеличению возможностей планирования и производительности муниципальных образований, входящих в кооперацию;
- эффективному распределению дополнительных финансовых ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Budds J. G. Report on the status of inter-municipal co-operation : prepared for the OSCE Spillover Monitor Mission to Skopje / J. G. Budds. – Organization for Security and Co-operation in Europe, 1 June 2004. – 23 p.
2. De Peuter B. Territorial Reform of Local Government: Evaluation Criteria Underpinning Decisions and Debate in Flanders / B. De Peuter, V. Pattyn, E. Wayenberg // *Local Government Studies*. – 2011. – Vol. 37, iss. 5. – P. 533–552.
3. Ebinger F. The Performance of Decentralisation Strategies Compared: An Assessment of Decentralisation Strategies and their Impact on Local Government Performance in Germany, France and England / F. Ebinger, S. Grohs, R. Reiter // *Local Government Studies*. – 2011. – Vol. 37, iss. 5. – P. 553–575.
4. Pfeil E. S. Hungarian Public Service Reform: Multipurpose Microregional Associations // *Territorial Consolidation Reforms in Europe* / ed. P. Swianiewicz. – Budapest : Local Government and Public Service Reform Initiative : Open Society Institute, 2010. – P. 255–264.
5. Steiner R. Interkommunale Zusammenarbeit / R. Steiner // *Praxishandbuch Public Management* / Hrsg. A. Bergmann, D. Giaouque, D. Kettiger, A. Lienhard, E. Nagel, A. Ritz, R. Steiner. – Zurich ; Kissing ; Paris ; Amsterdam ; Wien, 2016. – P. 897–914.
6. *Inter-Municipal Cooperation in Europe* / eds. F. Teles, P. Swianiewicz. – Cham : Palgrave Macmillan, 2017. – XIV, 354 p. – DOI: 10.1007/978-3-319-62819-6.
7. Wollmann H. Local Government Reforms in (Seven) European Countries: Between Convergent and Divergent, Conflicting and Complementary Developments / H. Wollmann // *Local Government Studies*. – 2012. – Vol. 38, iss. 1. – P. 41–70.
8. Алавердян О. А. Армения и современные вызовы международного налогового сотрудничества / О. А. Алавердян, Н. Р. Аветисян // *Финансовый журнал*. – 2018. – № 4 (44). – С. 32–37. – DOI: 10.31107/2075-1990-2018-4-32-37.
9. Бабичев И. В. Местное самоуправление в единой системе публичной власти: некоторый анализ конституционных новелл / И. В. Бабичев // *Местное право*. – 2020. – № 6. – С. 3–12.
10. Будаев А. М. Президент и местное самоуправление в России: теория и практика взаимодействия / А. М. Будаев // *Актуальные проблемы российского права*. – 2020. – Т. 15, № 12. – С. 41–47. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.121.12.041-047.
11. Шугрина Е. С. Проектируем будущее: что должно быть в основах государственной политики в сфере местного самоуправления / Е. С. Шугрина // *Местное право*. – 2020. – № 3. – С. 3–16.
12. Бялкина Т. М. О некоторых аспектах российского городского самоуправления в свете новой муниципальной реформы / Т. М. Бялкина // *Конституционное и муниципальное право*. – 2015. – № 1. – С. 62–66.
13. Чихладзе Л. Т. Административная децентрализация в свете новых тенденций развития взаимоотношений между органами государственной и муниципальной власти / Л. Т. Чихладзе // *Образование и право*. – 2016. – № 3. – С. 71–76.
14. Шугрина Е. С. Законодательство о местном самоуправлении: анализ состояния и тенденции развития / Е. С. Шугрина // *Муниципальное право*. – 2014. – № 4. – С. 2–19.
15. Гриценко Е. В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года / Е. В. Гриценко // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2020. – № 4. – С. 80–97.
16. Давыдова Н. Ю. Институт удаления главы муниципального образования в отставку / Н. Ю. Давыдова // *Адвокат*. – 2009. – № 12. – С. 67–70.
17. Дитятковский М. Ю. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями / М. Ю. Дитятковский. – М. : Юнити-Дана, 2007. – 304 с.
18. Миронова С. М. Особенности реализации финансово-правового статуса муниципальных образований, входящих в городские агломерации / С. М. Миронова // *Правоприменение*. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 85–95. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(1).85-95.
19. Ольховик В. В. Зарубежный опыт межмуниципального сотрудничества стран ОЭС / В. В. Ольховик // *Финансы*. – 2020. – № 12. – С. 52–56.

20. Пешин Н. Л. Конституционная реформа местного самоуправления: единство публичной власти как новый всеобщий принцип организации местного самоуправления / Н. Л. Пешин // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 11. – С. 24–29.

21. Пылин В. В. Некоторые проблемы ответственности перед населением и представительным органом в муниципальных образованиях / В. В. Пылин // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2010. – № 3. – С. 2–5.

22. Шеремет К. Ф. Становление правовой базы местного самоуправления в Российской Федерации / К. Ф. Шеремет // Местное самоуправление: современный российский опыт законодательного регулирования. – М., 2018. – С. 3–55.

23. Шишкина О. Е. Государственная власть и местное самоуправление в современной России: к вопросу о расхождении конституционной, законодательной и фактической модели взаимоотношений / О. Е. Шишкина // Lex russica. – 2013. – Т. 95, № 8. – С. 839–846.

24. Щепачев В. А. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления как форма общественного контроля / В. А. Щепачев // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 2. – С. 57–61.

REFERENCES

1. Budds J.G. *Report on the status of inter-municipal co-operation*, prepared for the OSCE Spillover Monitor Mission to Skopje. Organization for Security and Co-operation in Europe Publ., 1 June 2004. 23 p.

2. De Peuter B., Pattyn V., Wayenberg E. Territorial Reform of Local Government: Evaluation Criteria Underpinning Decisions and Debate in Flanders. *Local Government Studies*, 2011, vol. 37, iss. 5, pp. 533–552.

3. Ebinger F., Grohs S., Reiter R. The Performance of Decentralisation Strategies Compared: An Assessment of Decentralisation Strategies and their Impact on Local Government Performance in Germany, France and England. *Local Government Studies*, 2011, vol. 37, iss. 5, pp. 553–575.

4. Pfeil E.S. Hungarian Public Service Reform: Multipurpose Microregional Associations, in: Swianiewicz P. (ed.). *Territorial Consolidation Reforms in Europe*, Budapest, Local Government and Public Service Reform Initiative Publ., Open Society Institute Publ., 2010, pp. 255–264.

5. Steiner R. Interkommunale Zusammenarbeit, in: Bergmann A., Giauque D., Kettiger D., Lienhard A., Nagel E., Ritz A., Steiner R. (eds.). *Praxishandbuch Public Management*, Zurich, Kissing, Paris, Amsterdam, Wien, 2016, pp. 897–914.

6. Teles F., Swianiewicz P. (eds.). *Inter-Municipal Cooperation in Europe*. Cham, Palgrave Macmillan Publ., 2017. XIV + 354 p. DOI: 10.1007/978-3-319-62819-6.

7. Wollmann H. Local Government Reforms in (Seven) European Countries: Between Convergent and Divergent, Conflicting and Complementary Developments. *Local Government Studies*, 2012, vol. 38, iss. 1, pp. 41–70.

8. Alaverdyan O.A., Avetisyan N.R. Modern Challenges of International Tax Cooperation and Armenia. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2018, no. 4 (44), pp. 32–37. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-4-32-37. (In Russ.)

9. Babichev I.V. Local self-government in a unified system of public power: some analysis of constitutional novels. *Mestnoe pravo*, 2020, no. 6, pp. 3–12. (In Russ.)

10. Budaev A.M. The President and Local Government in Russia: The Theory and Practice of Interaction. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 12, pp. 41–47. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.12.041-047. (In Russ.)

11. Shugrina E.S. Projecting the future: what should be in the foundations of state policy in the field of local self-government. *Mestnoe pravo*, 2020, no. 3, pp. 3–16. (In Russ.)

12. Byalkina T.M. On some aspects of Russian city self-government in light of the new municipal reform. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 1, pp. 62–66. (In Russ.)

13. Chikhladze L.T. Administrative decentralization in the light of new tendencies of development of relations between organs of state and municipal authority. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2016, no. 3, pp. 71–76. (In Russ.).
14. Shugrina E.S. Legislation on local government: analysis of the situation and tendency of development. *Munitsipal'noe pravo = Municipal Law*, 2014, no. 4, pp. 2–19. (In Russ.).
15. Gritsenko E.V. Federalism and local self-government in the light of the Russian constitutional reform of 2020. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2020, no. 4, pp. 80–97.
16. Davydova N.Y. Institute of removal of the head of municipal formation in resignation. *Advokat*, 2009, no. 12, pp. 67–70. (In Russ.).
17. Dityatkovskii M.Yu. *Vesting local self-government bodies with separate state powers*. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2007. 304 p. (In Russ.).
18. Mironova S.M. Features of the implementation of the financial and legal status of municipalities, included in urban agglomerations. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 85–95. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(1).85-95. (In Russ.).
19. Olkhovik V.V. Foreign experience of inter-municipal cooperation of the OECD countries. *Finansy = Finance*, 2020, no. 12, pp. 52–56. (In Russ.).
20. Peshin N.L. The Constitutional Reform of Local Self-Government: The Unity of Public Government as a New Universal Principle of Arranging of Local Self-Government. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 11, pp. 24–29. (In Russ.).
21. Pylin V.V. Some problems facing the population and the representative body in municipalities. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal Service: legal issues*, 2010, no. 3, pp. 2–5. (In Russ.).
22. Sheremet K.F. Formation of legislative base of local self-government in the Russian Federation, in: *Mestnoe samoupravlenie: sovremenniy rossiskiy opyt zakonodatel'nogo regulirovaniya*, Moscow, 1998, pp. 3–55. (In Russ.).
23. Shishkina O.E. State power and local self-government in modern Russia: on the issue of the divergence of the constitutional, legislative and factual model of relations. *Lex Russica*, 2013, vol. 95, no. 8, pp. 839–846. (In Russ.).
24. Schepachev V.A. Evaluation of local government performance as a form of social control. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 2, pp. 57– 61. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольховик Владимир Витальевич – кандидат экономических наук, ¹старший научный сотрудник, ²доцент Школы финансов
¹ Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации
² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
¹ 125375, Россия, г. Москва, Настасьинский пер., 3/2
² 109028, Россия, г. Москва, Покровский бул., 11
E-mail: olhovik@nifi.ru
SPIN-код РИНЦ: 2957-3199

Юхневич Эдвард – доктор права, профессор департамента финансового права
Гданьский университет
80-309, Польша, г. Гданьск, ул. Яна Бажинского, 6
e-mail: edvardas.juchnevicus@prawo.ug.edu.pl
ORCID: 0000-0001-7390-4885

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vladimir V. Olkhovik – PhD in Economics; ¹Leading Researcher; ²Associate Professor, School of Finance
¹ *Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation*
² *HSE University*
¹ 3/2, Nastas'inskii per., Moscow, 125375, Russia
² 11, Pokrovskii bul., Moscow, 109028, Russia
E-mail: olhovik@nifi.ru
RSCI SPIN-code: 2957-3199

Edvardas Juchnevicus – Doctor of Law, Professor, Department of Financial Law
University of Gdansk
6, Jana Bażyńskiego ul., Gdańsk, 80-309, Poland
e-mail: edvardas.juchnevicus@prawo.ug.edu.pl
ORCID: 0000-0001-7390-4885

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ольховик В.В. Правовое регулирование межмуниципальной кооперации в европейских странах / В.В. Ольховик, Э. Юхневич // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 106–115. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).106-115.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Olkhovik V.V., Juchnevicius E. Legal regulation of inter-municipal cooperation in European countries. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 106–115. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).106-115. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

УДК 343.22

DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(4).116-125

КВАЛИФИКАЦИЯ СОВМЕСТНОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ЛИЦОМ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В.М. Степашин, И.А. Шеховцов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

08 июня 2023 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Соучастие, уголовная ответственность, субъект преступления, исполнитель, группа лиц, групповой способ совершения преступления

В науке и практике не разрешена проблема квалификации преступления, совершенного двумя и более лицами, если только одно из них подлежит уголовной ответственности. Цель статьи – определить, образуются ли в указанных случаях соучастие и группа лиц. Отмечается, что практика квалификации такого рода совместного совершения преступлений нестабильна и обусловлена видом преступления. В доктрине подобное совместное совершение преступления оценивается как с признанием признаков группы и соучастия, так и с их отрицанием. Сделан вывод о том, что совместное совершение преступления несколькими лицами, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, образует группу без признаков соучастия.

QUALIFICATION OF A CRIME JOINTLY COMMITTED WITH A CRIMINALLY UNLIAIBLE PERSON

Vitaliy M. Stepashin, Ivan A. Shekhovtsov

Dostoevsky Omsk State University

Article info

Received –

2023 June 08

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Complicity, criminal liability, subject of a crime, perpetrator, group, group way of committing a crime

The subject. The qualification's problem of a crime jointly committed by two or more people, only one of whom is criminally liable, is ambiguously resolved. It is shown that there is a case law tendency to bring into the scope of criminal liability all of people, who have participated in committing a crime together, as accomplices and co-perpetrators. However, it does not correspond to the main theory of complicity, according to which a group of perpetrators being a form of complicity consists exclusively of criminally liable offenders. And, moreover, there is a plenty of sentences, in which courts confirm that a criminally unliable person is not able to be one of accomplices and co-perpetrators, as a consequence another offender is individually responsible for committing a crime.

The goal of the study is to determine whether joint commission of a crime by two or more people, only one of whom is criminally liable, constitutes complicity and a group of perpetrators. General (analysis, synthesis) and private scientific (formal-dogmatic, historical-legal) methods are used to achieve the goal.

The main results. In case law qualification of joint commission of a crime by two or more people, only one of whom is criminally liable, has gone through several stages in its development and directly depended on a type of the crime. Regional case law often does not coincide with the position of the Supreme Court of the Russian Federation. There are three main theories in criminal law science, according to which joint commission of a crime by some people, only one of whom is criminally liable: (a) forms both complicity and a group; (b) does not form either complicity or a group; (c) forms a group without signs of complicity. Conclusion. Joint commission of a crime by two or more people, only one of whom is criminally liable, constitutes a group of perpetrators without signs of complicity. The interpretation dividing complicity and a group of perpetrators into two different institutions allows to take into account a group way of committing a crime as a feature of the objective side and define criminally liable offenders.

1. Введение

Участие нескольких лиц в совершении преступления породило немало дискуссионных вопросов в уголовно-правовой доктрине и судебно-следственной практике. Одним из таких является квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности ввиду недостижения возраста уголовной ответственности (ст. 20 Уголовного кодекса (далее – УК) РФ)¹, невменяемости (ч. 1 ст. 21 УК РФ), непреодолимого физического принуждения (ч. 1 ст. 40 УК РФ) и других причин, предусмотренных уголовным законом.

В судебно-следственной практике квалификация совместного совершения преступления двумя и более лицами, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, не отличалась единообразием. Верховный Суд (далее – ВС) РФ в одних случаях признавал наличие соучастия, в других – констатировал его отсутствие, а деяния подлежащего уголовной ответственности лица (далее – субъект) признавались совершенными в группе или единолично в зависимости от вида преступления.

Такая непоследовательность обусловлена, в частности, различной интерпретацией уголовно-правовых норм о соучастии [1, с. 165; 2, с. 183–185; 3, с. 211], причиной чего является нецелесообразность буквального применения уголовно-правовых норм, не обеспечивающих принятия справедливого решения [4, с. 171–174]. Но «ситуации, когда в сходных случаях или по одному и тому же поводу принимаются диаметрально противоположные решения», по верному замечанию М.П. Клейменова, «вызывают серьезную тревогу» [5, с. 281].

Цель исследования – определить, образует ли совместное совершение преступления двумя или более лицами, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, соучастие (ст. 32 УК РФ) и группу в уголовно-правовом значении (ст. 35 УК РФ).

Исследование основано на всеобщем методе познания в виде исторического материализма, использованы общенаучные (обобщение, анализ, син-

тез) и частнонаучные (формально-догматический, историко-правовой) методы.

2. Квалификация совместного совершения преступления с не подлежащим уголовной ответственности лицом в судебной практике по различным категориям дел

В Постановлении Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» отсутствуют правила квалификации убийства, в совершении которого совместно участвовали два или более лица, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности. Тем не менее в подобных случаях² совершения убийства ВС РФ признавал наличие и соучастия, и группы.

Так, П. был признан виновным в убийстве, совершенном группой лиц с невменяемым Б. (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Президиум ВС РФ указал, что *убийство признаётся совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости*³.

Отметим, что в начале 2000-х гг. ВС РФ принимал и диаметрально противоположные по смыслу решения⁴. Например, совершенное С. убийство совместно с невменяемым М. переqualифицировано с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ⁵.

В абз. 2 п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» указывалось, что изнасилование считается совершенным группой лиц, если в его осуществлении участвовали два и более лица, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности.

Так, П. был признан виновным в покушении на изнасилование К., совершенном группой лиц с невменяемым лицом (ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ⁶). Суд признал квалификацию правильной, поскольку *умыслом П. осознавались и использовались*

¹ Здесь и далее нормативные правовые акты и акты судебных органов приводятся по СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант», если не указано иное.

² Определения ВС РФ от 9 июля 2003 г. по делу № 6-кп003-17, от 24 ноября 2005 г. по делу № 66-о05-110, от 29 октября 2008 г. по делу № 81-О08-87, от 17 мая 2018 г. по делу № 31-АПУ18-4, от 25 апреля 2019 г. по делу № 4-АПУ19-10.

³ Обзор судебной практики ВС РФ за III квартал 2004 г. (Постановление Президиума ВС РФ по делу № 604П04пр) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

⁴ См.: Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ за 2003 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 9.

⁵ Определение ВС РФ от 15 мая 2003 г. по делу № 79-о03-1.

⁶ УК РФ от 13 июня 1996 г.

*групповые усилия на преодоление сопротивления потерпевшей*⁷.

Однако в последующие постановления Пленум ВС РФ аналогичного разъяснения правила квалификации не включил⁸, что, однако, не повлияло на практику нижестоящих судов⁹.

В п. 19 Постановления Пленума ВС РФ от 22 марта 1996 г. № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» указывалось, что грабеж и разбой считаются совершенными группой лиц по предварительному сговору, если в их осуществлении участвовали два или более лица, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности.

В абз. 1 п. 12 постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – Постановление № 29), *напротив*, разъяснялось, что кража считается совершенной группой лиц (группой лиц по предварительному сговору), если в ее осуществлении участвовали лица, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности в соответствии со ст. 19 УК РФ. Суды перестали признавать наличие группы и, соответственно, соучастия, в случае совершения кражи двумя или более лицами, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности¹⁰. Например, Верховный Суд Республики Татарстан исключил квалифицирующий признак совершения кражи «группой лиц по предварительному сговору» в связи с ее осуществлением совместно с малолетним Ш.¹¹ Тем не менее некоторые суды в подобных случаях признавали наличие группы, *поскольку согласно закону преступление признаётся совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, независимо от того, что некоторые из них не были привлечены к уголовной ответственности в силу недо-*

*стижения возраста уголовной ответственности или ввиду невменяемости*¹².

Но в указанном постановлении Пленум ВС РФ умолчал о квалификации при подобных обстоятельствах грабежа и разбоя. Как следствие, судебная практика не выработала единого подхода.

Так, Т. был признан виновным в разбойном нападении и убийстве, совершенных в том числе группой лиц по предварительному сговору с невменяемым Г. (п. «д», «ж», «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ). ВС РФ указал, что *признание Г. невменяемым не влияет на оценку действий Т. и не освобождает его от уголовной ответственности за преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору*¹³.

Иным образом поступил ВС РФ в отношении Ш., который был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «в», «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ. Суд, исключив квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», указал, что *согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признаётся совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в совершении преступления совместно участвовало два и более исполнителя, которые в силу ст. 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности*¹⁴.

В феврале 2007 г. Пленум ВС РФ в п. 12 Постановления № 29 уточнил, что не только кража, но и грабеж и разбой считаются совершенными группой лиц по предварительному сговору, *если в их осуществлении участвовали лица, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности в соответствии со ст. 19 УК РФ*. Несмотря на это, судебная практика характеризовалась хаотичностью: если одни суды перестали признавать наличие группы и, соответственно, соучастия, в случае совершения грабежа и разбоя двумя или более лицами, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности¹⁵,

⁷ См.: Обобщение судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131, 132, 133 УК РФ за 2001 год и 1-е полугодие 2002 года Красноярского краевого суда.

⁸ См. постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2004 г. № 11; от 4 декабря 2014 г. № 16.

⁹ Приговор Самарского областного суда от 31 мая 2011 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qQdgvCHhf3xs> (дата обращения: 27.05.2023).

¹⁰ См.: Бюллетень судебной практики Московского областного суда по гражданским и уголовным делам за 2003 год от 8 апреля 2004; Определение Московского городского суда от 22 ноября 2010 г. по делу № 22-14946\2010.

¹¹ См.: Обзор судебной практики Верховного суда Республики Татарстан по уголовным делам за II квартал 2008 г.

¹² Определение Свердловского областного суда от 22 октября 2004 г. по делу № 22-11029/2004.

¹³ Определение ВС РФ от 9 июля 2003 г. по делу № 6-КП003-17.

¹⁴ Определение ВС РФ от 3 февраля 2003 г. по делу № 9-о02-107.

¹⁵ Постановления Президиума Московского городского суда от 9 декабря 2010 г. по делу № 4у/6-8936/10, от 24 декабря 2010 г. по делу № 44у-379/10.

то другие в сходных случаях выносили противоположные по смыслу решения. Например, сам ВС РФ признал К. виновным в разбойном нападении, совершенном группой лиц по предварительному сговору с невменяемым Ш., поскольку *умыслом К. охватывалось совершение преступлений по предложению и совместно с Ш., действия которого для К. носили внешне адекватный, последовательный, целенаправленный характер*¹⁶.

В декабре 2010 г. Пленум ВС РФ исключил разъяснение, содержащееся в п. 12 Постановления № 29, придя к выводу о том, что кража¹⁷, грабеж¹⁸ или разбой¹⁹, если в их осуществлении участвовали два или более лица, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, следует признавать совершенными группой лиц по предварительному сговору. Например, Ч. был признан виновным в совершении двух краж группой лиц по предварительному сговору с невменяемым Л. (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ), поскольку *деяния, образующие объективную сторону преступлений, выполнены Ч. совместно и по предварительному сговору с Л., действия которого для Ч. носили адекватный, последовательный и целенаправленный характер, а наступившие последствия в виде причиненного материального ущерба явились результатом их совместных действий; положениями ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не предусмотрено обязательное наличие вмещаемо-*

*сти и соответствующего возраста соучастников преступления, и уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности*²⁰. Тем не менее региональная судебная практика продолжала демонстрировать непризнание соучастия и группы при совершении кражи²¹, грабежа²² и разбоя²³ при указанных обстоятельствах.

Но в дальнейшем признание группой совместно совершивших преступление лиц, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, было не только воспринято судебной практикой, но и спроецировано на иные виды преступлений: ст. 111²⁴, 112²⁵, 126²⁶, 163²⁷, 228.1²⁸, 238²⁹ УК РФ.

Обобщение судебной практики позволяет сделать следующие выводы:

1. Позиция ВС РФ по вопросу квалификации совместных преступных деяний двух или более лиц, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, прошла в своем развитии несколько этапов и напрямую зависела от вида преступления (см. табл. 1). Показательными являются метаморфозы в разъяснениях правил квалификации кражи, грабежа и разбоя при относительной стабильности уголовно-правовой оценки убийства и изнасилования.

¹⁶ Определение ВС РФ от 26 февраля 2010 г. по делу № 13-010-3.

¹⁷ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31 августа 2022 г. по делу № 77-4723/2022; Постановление Московского городского суда от 27 июня 2022 г. по делу № 10-862/2022; Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 7 декабря 2020 г. по делу № 77-1140/2020.

¹⁸ Определение Московского городского суда от 4 апреля 2011 г. по делу № 22-3889/11.

¹⁹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 января 2021 г. по делу № 77-7/2021.

²⁰ Определение ВС РФ от 27 мая 2021 г. по делу № 75-УДП21-8-КЗ.

²¹ Определение Московского областного суда от 13 июня 2013 г. по делу № 22-3857/2013.

²² Постановление Президиума Волгоградского областного суда от 4 мая 2011 г. по делу № 44У-67/2011.

²³ См.: Буллетень судебной практики Московского областного суда за I квартал 2016 г.; Обзор судебной практики по уголовным делам Президиума Нижегородского областного суда за II квартал 2016 г.; Постановление Президиума

Забайкальского краевого суда от 21 ноября 2019 г. по делу № 44у-230-2019.

²⁴ Определение Московского городского суда от 7 октября 2019 г. по делу № 10-14713/2019; Постановление Московского городского суда от 5 декабря 2016 г. по делу № 4у-4734/2016; Определение ВС РФ от 1 июня 2010 г. по делу № 81-д10-11; Определение Ленинградского областного суда от 18 августа 2011 г. № 22-1115/2011.

²⁵ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июня 2021 г. по делу № 77-2835/2021; Приговор Тракторозаводского районного суда Челябинской области от 26 июня 2019 г. по делу № 1-120/2019.

²⁶ Определение ВС РФ от 23 июня 2011 г. по делу № 85-О11-10СП.

²⁷ Определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 19 июля 2022 г. по делу № 22-3775/2022.

²⁸ Определение Московского городского суда от 8 декабря 2022 г. по делу № 10-23225/2022; Определение Красноярского краевого суда от 7 апреля 2017 г. по делу № 22-598/2017; Определение Камчатского краевого суда от 24 мая 2016 г. по делу № 22-338/2016.

²⁹ Приговор Советского районного суда Оренбургской области от 16 апреля 2015 г. по делу № 1-152/2015.

Таблица 1

Квалификация совместного преступного деяния двух или более лиц, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, в практике Верховного Суда РФ

Статья УК РФ	Квалификация			
	апр. 1992 – дек. 2002	дек. 2002 – февр. 2007	февр. 2007 – дек. 2010	дек. 2010 – июнь 2023
105. Убийство	В группе	В группе	В группе	В группе
131. Изнасилование	В группе	В группе	В группе	В группе
158. Кража	В группе	Единолично	Единолично	В группе
161. Грабеж	В группе	В группе / единолично	Единолично	В группе
162. Разбой	В группе	В группе / единолично	Единолично	В группе

Таблица 2

Квалификация совместного преступного деяния двух или более лиц, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, в практике региональных судов

Статья УК РФ	Квалификация			
	апр. 1992 – дек. 2002	дек. 2002 – февр. 2007	февр. 2007 – дек. 2010	дек. 2010 – июнь 2023
105. Убийство	В группе	В группе	В группе	В группе ¹
131. Изнасилование	В группе	В группе	В группе	В группе
158. Кража	В группе	В группе / единолично	Единолично	В группе ² / единолично ³
161. Грабеж	В группе	В группе / единолично	В группе / единолично	В группе ⁴ / единолично ⁵
162. Разбой	В группе	В группе / единолично	В группе / единолично	В группе ⁶ / единолично ⁷

¹ Приговор Свердловского областного суда от 12 января 2016 г. по делу № 1-7/2016.

² Определение Вологодского областного суда от 19 мая 2021 г. по делу № 22-892/2021; Постановление Мурманского областного суда от 16 марта 2023 г. по делу № 22-307/2023; Определение Кировского областного суда от 31 октября 2022 г. по делу № 22-2208/2022.

³ Приговор Ленинского районного суда Красноярского края от 19 июня 2020 г. по делу № 1-114/2020; Определение Забайкальского краевого суда от 13 октября 2020 г. по делу № 22-2565/2020; Определение Ленинградского областного суда от 28 ноября 2018 г. по делу № 22-1986/2018.

⁴ Определение суда Ханты-Мансийского АО от 17 ноября 2022 г. по делу № 22-2224/2022; Определение Тверского областного суда от 24 августа 2017 г. по делу № 22-1513/2017.

⁵ Приговор Качканарского городского суда Свердловской области от 12 апреля 2019 г. по делу № 1-15/2019; Приговор Серпуховского городского суда Московской области от 30 марта 2016 г. по делу № 1-128/2016; Приговор Тушинского районного суда Московской области от 5 апреля 2017 г. по делу № 01-0062/2017.

⁶ Определение Челябинского областного суда от 15 ноября 2018 г. по делу № 10-5818/2018; Определение Свердловского областного суда от 23 июня 2015 г. по делу № 22-5346/2015.

⁷ Определение Кемеровского областного суда от 25 февраля 2020 г. по делу № 22-690/2020.

2. Региональная судебная практика квалификации совместных преступных деяний нескольких лиц, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, не отличается единообразием, носит инертный характер, не всегда учитывает позиции ВС РФ (см. табл. 2).

3. Предварительный сговор с не подлежащими уголовной ответственности лицами, в частности, малолетними или невменяемыми, не исключен.

4. Признание судами совместного совершения преступных деяний двумя или более лицами, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, соучастием и, соответственно, группой лиц, как

правило, обосновывается тем, что уголовный закон *непосредственно* не связывает возможность признания соучастия с наличием только лиц, подлежащих уголовной ответственности. Так, неосведомленность субъекта о причинах, исключающих уголовную ответственность другого лица (юридическая ошибка), на квалификацию содеянного не влияет³⁰, и в этих случаях квалифицирующие признаки «группой лиц», «группой лиц по предварительному сговору» вменяются субъекту на основании совместного выполнения объективной стороны преступления и односторонней субъективной связи с лицами, не подлежащими уголовной ответственности.

³⁰ Постановление Президиума ВС РФ от 27 декабря 2000 г. по делу № 740п99.

5. Непризнание судами в исследуемых ситуациях ни соучастия, ни группы, основывается на том, что все принимающие участие в совместной преступной деятельности лица должны соответствовать общим требованиям субъекта, установленным в ст. 19 УК РФ.

6. Наиболее распространенными судебными ошибками при квалификации совместных преступных действий двух или более лиц, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, являются:

- применение по аналогии правила о посредственном исполнителе³¹;
- использование разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума ВС РФ, ухудшающих положение лица или утративших силу³²;
- признание совершения преступления в группе одновременно в качестве и квалифицирующего признака, и обстоятельства, отягчающего наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ)³³.

3. Квалификация совместного совершения преступления с не подлежащим уголовной ответственности лицом в уголовно-правовой доктрине

В уголовно-правовой литературе не предвидится консенсуса по ключевому для исследуемой проблемы вопросу: может ли иметь групповой способ совершения деяния самостоятельное значение как признак объективной стороны преступления?

Условно можно выделить три основные теоретические позиции, согласно которым совместное совершение преступления несколькими лицами, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности: а) не образует ни соучастия, ни группы; б) образует и соучастие, и группу; в) образует группу без признаков соучастия.

Наиболее распространенным в доктрине является мнение, что подобные совместные деяния не образуют ни соучастия, ни группы, поскольку соучастие в преступлении подразумевает признание всех участников субъектами в уголовно-правовом значении и наличие двусторонней субъективной связи. Соучастие (гл. 7 УК РФ) и преступные группы (ст. 35 УК РФ) соотносятся между собой как род и вид [6, с. 208], что подтверждается их расположением в системе уголовно-правовых норм (ст. 35 УК РФ включена в гл. 7 УК РФ). Соответственно, каждая из преступных групп должна отражать в себе все отличительные

атрибуты соучастия – отсутствие хотя бы одного из признаков исключает и соучастие, и преступную группу.

Тем не менее следует подвергнуть сомнению аргументы о недопустимости признания не подлежащего уголовной ответственности лица исполнителем деяния (но, конечно, не субъектом преступления): а) *необходимостью квалификации общественно опасного деяния*, совершенного таким лицом, например, для назначения принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 21, п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ) с обязательным указанием *сведений о способе совершения деяния*, в частности, о группе (п. 2 ч. 2 ст. 434 УПК РФ); б) возможностью выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении одного из лиц, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости (ст. 436 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

Признание лица фактическим соисполнителем деяния позволяет признать и наличие фактической группы, хотя отсутствие между фактическими соисполнителями юридически значимой двусторонней субъективной связи с очевидностью исключает соучастие в преступлении.

Ученые же, признающие в подобных случаях соучастие и, соответственно, наличие группы, приводят следующие аргументы:

- использование категории «лица» в закрепленной в ст. 32 УК РФ дефиниции «соучастие» позволяет понимать под ними и субъектов, и не подлежащих уголовной ответственности лиц [7, с. 33; 8, с. 13; 9, с. 22; 10, с. 49];
- отсутствие двусторонней субъективной связи не является препятствием для образования соучастия: достаточно осознания субъектом совместного совершения преступления с не подлежащим уголовной ответственности лицом [7, с. 33; 8, с. 13; 10, с. 49; 11, с. 204];
- квалификация содеянного субъектом не зависит от правового статуса не подлежащего уголовной ответственности лица [8, с. 13; 10, с. 48; 11, с. 204];
- осуществляемая по объекту и объективной стороне преступления уголовно-правовая оценка общественно опасного деяния не подлежащего уголовной ответственности лица позволяет признать его соисполнителем [8, с. 13–14; 11, с. 204; 12, с. 7].

³¹ Определение Псковского областного суда от 24 января 2007 г. по делу № 22-46.

³² Постановление Московского городского суда от 18 мая 2011 г. по делу № 4у4-3223.

³³ Приговор Нанайского районного суда Хабаровского края от 10 марта 2020 г. по делу № 1-20/2020.

Однако такое обоснование, по мнению многих правоведов, противоречит уголовному законодательству, а деяние субъекта преступления следует признавать совершенным единолично, поскольку:

– расширительное толкование используемой в дефиниции «соучастие» категории «лица» недопустимо, поскольку не подлежащие уголовной ответственности лица не отвечают требованиям субъекта и совершают не преступление, а общественно опасное деяние [6, с. 55; 13, с. 95, 101, 104; 14, с. 61–62; 15, с. 82–83; 16, с. 31; 17, с. 344; 18, с. 90–91; 19, с. 59; 20, с. 47–48; 21, с. 86]; более того, такое расширительное толкование противоречит принципу законности (ст. 3 УК РФ), поскольку представляет собой применение уголовного закона по аналогии [17, с. 344; 18, с. 90];

– односторонняя субъективная связь исключает соучастие в преступлении: необходимо совпадение волеизъявлений субъектов, осуществляющих объективную сторону преступления [14, с. 62–63; 15, с. 81; 16, с. 31–32; 17, с. 346, 348–351; 20, с. 47; 21, с. 83–84].

Более взвешенного, на наш взгляд, подхода придерживаются ученые, полагающие, что совместное осуществление преступления несколькими лицами, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, образует группу лиц, но без признаков соучастия [22, с. 17–18; 23, с. 137; 24, с. 96–97; 25, с. 73; 26, с. 60, 64].

Совместное выполнение объективной стороны и необходимость учета интересов потерпевшего, облегчения способа совершения преступления и повышенной общественной опасности преступного посягательства обуславливают признание преступления совершенным в группе [23, с. 137; 26, с. 46–50]. Отсутствие между лицами двусторонней субъективной связи исключает соучастие в преступлении.

Тем не менее отметим, что совершение преступления группой лиц не следует отождествлять с групповым способом как признаком объективной стороны преступления [22, с. 17–18; 25, с. 66, 72; 26, с. 61]. Возможность привлечения к уголовной ответственности хотя бы одного из фактических исполнителей и наличие между ними по меньшей мере од-

носторонней юридически значимой субъективной связи [26, с. 61], позволяющей отграничить ситуации случайного совпадения независимой преступной деятельности нескольких лиц, являются отличительными признаками преступной группы.

Ученые, не признающие в подобных случаях наличие группы, отмечают, в частности, что расширительное толкование преступных групп порождает вопросы о необходимости иной систематизации уголовно-правовых норм, поскольку в статье (части, пункте) Особенной части УК РФ будет отражен квалифицирующий признак, включенный сейчас только в главу о соучастии в преступлении, но при этом не являющийся формой соучастия [14, с. 63; 19, с. 61]. В последнем мы солидарны. Именуемые в доктрине формы соучастия представляют собой ни что иное, как соисполнительство, которое отражает совместную преступную деятельность нескольких фактических исполнителей. «Когда все виновные совершают преступление, предусмотренное в диспозиции уголовного закона, – по верному замечанию М.Д. Шаргородского, – нет и соучастия, ибо все виновные являются исполнителями, но при совиновничестве, когда несколько лиц совместно выполняют состав, необходимо исследование вопроса с точки зрения института соучастия» [27, с. 313]. Такая интерпретация уголовно-правовых норм о соучастии позволяет определить соучастие и преступную группу как самостоятельные формы совместной преступной деятельности.

4. Заключение

1. Совместное совершение преступления двумя и более лицами, лишь одно из которых подлежит уголовной ответственности, не образует соучастие в преступлении.

2. Подобное совместное деяние образует группу лиц без признаков соучастия.

3. Преступная группа представляет собой не являющееся формой соучастия соисполнительство и предполагает возможность привлечения к уголовной ответственности хотя бы одного из нескольких фактических исполнителей и наличие между ними по меньшей мере юридически значимой односторонней субъективной связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пудовочкин Ю. Е. Взаимоотношения судебной и законодательной власти в контексте уголовной политики / Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – Вып. 1 (51). – С. 153–185. – DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-153-185.

2. Пудовочкин Ю. Е. Противоречия судебно-уголовной политики / Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 174–190. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).174-190.
3. Пестерева Ю. С. Роль Пленума Верховного Суда Российской Федерации в формировании судебной практики / Ю. С. Пестерева, И. Г. Рагозина, Е. И. Чекмезова // *Правоприменение*. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 209–225. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).209-225.
4. Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации / О. Н. Бибик. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. – 243 с.
5. Клейменов М. П. Методология уголовно-правового прогнозирования / М. П. Клейменов // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 277–288. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).277-288.
6. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность / А. П. Козлов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 362 с.
7. Гарбатович Д. А. Соучастие в преступлении с «негодным» субъектом: проблемы буквального толкования уголовного закона / Д. А. Гарбатович // *Администратор суда*. – 2022. – № 4. – С. 32–34.
8. Есаков Г. А. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике / Г. А. Есаков // *Уголовное право*. – 2011. – № 2. – С. 10–15.
9. Макаров С. Д. Квалификация соучастия в преступлении с ненадлежащим субъектом / С. Д. Макаров // *Российский судья*. – 2005. – № 8. – С. 22–25.
10. Трухин А. Соучастник преступления / А. Трухин // *Уголовное право*. – 2006. – № 3. – С. 46–50.
11. Ковалев М. В. К вопросу о квалификации деяния совершенного с лицом, не подлежащим уголовной ответственности / М. В. Ковалев // *Вестник Брянского государственного университета*. – 2019. – № 2 (40). – С. 201–207.
12. Пудовочкин Ю. Е. Судебная практика квалификации преступлений, совершенных в соучастии / Ю. Е. Пудовочкин // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. – 2011. – № 2. – С. 5–15.
13. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении / А. А. Арутюнов. – М. : Статут, 2013. – 408 с.
14. Мелешко Д. А. Квалификация преступлений, совершенных при фактическом участии лиц, не подлежащих уголовной ответственности / Д. А. Мелешко // *Уголовное право*. – 2016. – № 4. – С. 57–65.
15. Мелешко Д. А. Квалификация соучастия в преступлении / Д. А. Мелешко // *Уголовное право*. – 2017. – № 2. – С. 78–85.
16. Шеслер А. В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении / А. В. Шеслер // *Lex russica*. – 2015. – Т. 103, № 6. – С. 30–38.
17. Шеслер А. В. Содержание совместности при соучастии в преступлении / А. В. Шеслер // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 342–354. – DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).342-354.
18. Прокументов Л. М. Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности / Л. М. Прокументов, А. В. Шеслер // *Вестник Томского государственного университета. Право*. – 2022. – № 43. – С. 86–96. – DOI: 10.17223/22253513/43/7.
19. Шиханов В. Н. Участие в совершении преступления с лицами, не подлежащими уголовной ответственности: подходы к правовой оценке в современной судебной практике / В. Н. Шиханов // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2014. – № 2 (28). – С. 52–62.
20. Яни П. С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике / П. С. Яни // *Законность*. – 2013. – № 7 (945). – С. 44–49.
21. Тарбагаев А. Н. Квалификация убийства, совершенного с участием малолетнего или невменяемого / А. Н. Тарбагаев, Д. М. Куренев // *Уголовное право*. – 2011. – № 2. – С. 80–86.
22. Гостькова Д. Ж. Преступления с «негодным субъектом» / Д. Ж. Гостькова // *Российский следователь*. – 2022. – № 11. – С. 15–18.
23. Клепицкий И. А. Участие невменяемого в совершении преступления / И. А. Клепицкий // *Актуальные проблемы российского права*. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 135–140. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.17.2.135-140.

24. Савельев Д. В. Преступная группа: уголовно-правовая интерпретация / Д. В. Савельев // Российский юридический журнал. – 1999. – № 1 (21). – С. 94–102.
25. Морозов В. И. Квалификация преступлений, совершенных с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности / В. И. Морозов, В. В. Галкин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 4 (46). – С. 60–73.
26. Галиакбаров Р. Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия / Р. Р. Галиакбаров. – Хабаровск : Хабар. высш. шк. МВД СССР, 1987. – 96 с.
27. Шаргородский М. Д. Избр. тр. / М. Д. Шаргородский. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 382 с.

REFERENCES

1. Pudovochkin Yu.E., Babayev M.M. Relationship between Judicial and Legislative Power in the Context of Criminal Policy. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2021, iss. 1 (51), pp. 153–185. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-153-185. (In Russ.).
2. Pudovochkin Yu.E., Babayev M.M. Contradictions of judicial criminal policy. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 174–190. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).174-190. (In Russ.).
3. Pestereva Yu.S., Ragozina I.G., Chekmezova E.I. Role of the Plenum of Russian Supreme Court in the judicial practice formation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 209–225. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).209-225. (In Russ.).
4. Bibik O.N. *Sources of criminal law of the Russian Federation*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2006. 243 p. (In Russ.).
5. Kleyenov M.P. Methodology of criminal law forecasting. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 277–288. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).277-288. (In Russ.).
6. Kozlov A.P. *Complicity: traditions and reality*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2001. 362 p. (In Russ.).
7. Garbatovich D.A. Participation in a crime with a subject that cannot be held legally responsible: problems of literal interpretation of the criminal law. *Administrator suda = Court's Administrator*, 2022, no. 4, pp. 32–34.
8. Esakov G.A. Qualification of crime committing jointly with a person not criminally responsible: a new turn in case law. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2011, no. 2, pp. 10–15. (In Russ.).
9. Makarov S.D. Qualification of complicity in a crime with an improper subject. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2005, no. 8, pp. 22–25. (In Russ.).
10. Trukhin A. Crime's accomplice. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2006, no. 3, pp. 46–50. (In Russ.).
11. Kovalev M.V. To the question of the qualification of an act committed by a person not subject to criminal liability. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*, 2019, no. 2 (40), pp. 201–207. (In Russ.).
12. Pudovochkin Yu.Ye. Court practice of qualifying offences committed in complicity. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2011, no. 2, pp. 5–15. (In Russ.).
13. Arutyunov A.A. *Complicity in a crime*. Moscow, Statut Publ., 2013. 408 p. (In Russ.).
14. Meleshko D.A. Classification of crimes committed in view of actual participation of persons not subject to criminal liability. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2016, no. 4, pp. 57–65. (In Russ.).
15. Meleshko D.A. Classification of criminal complicity. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 2, pp. 78 – 85. (In Russ.).
16. Shesler A.V. Perspectives for the improvement of criminal legal norms on co-preparation in a crime. *Lex Russica*, 2015, vol. 103, no. 6, pp. 30–38. (In Russ.).
17. Shesler A.A. The content of collaboration in the complicity in a crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 342–354. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).342-354. (In Russ.).
18. Prozumentov L.M., Shesler A.A. Criminal legal means against combating group crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2022, no. 43, pp. 86–96. DOI: 10.17223/22253513/43/7. (In Russ.).

19. Shikhanov V.N. Participation in crime with persons being not liable to criminal responsibility: approaches to legal treatment in modern jurisprudence. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, vol. 2, no. 28, pp. 52–62. (In Russ.).
20. Yani P.S. The problems of understanding of complicity in judicial practice. *Zakonnost'*, 2013, no. 7 (945), pp. 44–49. (In Russ.).
21. Tarbagaev A.N., Kurenev D.M. Qualification of murder committed with participation of minor or insane person. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2011, no. 2, pp. 80–86. (In Russ.).
22. Gostkova D.Zh. Crimes with a subject that cannot be held legally responsible. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 11, pp. 15–18. (In Russ.).
23. Klepitskiy I.A. Participation of a mentally ill person in the commission of a crime. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 135–140. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.135-140. (In Russ.).
24. Savel'ev D.V. Criminal group: criminal law interpretation. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 1999, no. 1 (21), pp. 94–102. (In Russ.).
25. Morozov V.I., Galkin V.V. Qualification of crimes committed with the participation of persons who are not subject to criminal liability. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2018, no. 4 (46), pp. 60–73. (In Russ.).
26. Galiakbarov R.R. *Qualification of multi-subject crimes without signs of complicity*. Khabarovsk, Khabarovsk Higher School of the MIA of the USSR, 1987. 96 p. (In Russ.).
27. Shargorodskii M.D. *Selected works*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 382 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Степашин Виталий Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: stivomsk@rambler.ru
SPIN-код РИНЦ: 9569-9315

Шеховцов Иван Андреевич – студент юридического факультета
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: mr.shehovtcov@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Степашин В.М. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности / В.М. Степашин, И.А. Шеховцов // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 116–125. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).116-125.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vitaliy M. Stepashin – Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: stivomsk@rambler.ru
RSCI SPIN-code: 9569-9315

Ivan A. Shekhovtsov – Student, Faculty of Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: mr.shehovtcov@mail.ru

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Stepashin V.M., Shekhovtsov I.A. Qualification of a crime jointly committed with a criminally unliable person. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 116–125. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).116-125. (In Russ.).

ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СУДЬИ КАК МЕРА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

И.В. Глазунова¹, А.В. Никитина^{2,3}

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

² Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Хабаровск, Россия

³ Квалификационная коллегия судей Хабаровского края, г. Хабаровск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

10 февраля 2023 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Дисциплинарная ответственность, дисциплинарный проступок, досрочное прекращение полномочий, Закон о статусе судей, конституционно-правовая ответственность, коррупционное правонарушение, независимость судей, порочащий честь и достоинство поступок, статус судьи, юридическая ответственность

Рассматривая досрочное прекращение полномочий судьи в качестве меры юридической ответственности, авторы обращают внимание как на общетеоретические проблемы, вызванные отсутствием научного единства по вопросу отраслевой природы такой меры, так и на проблемы правового регулирования оснований и порядка ее применения. Анализ обширной практики Верховного Суда РФ, Высшей квалификационной коллегии судей РФ, квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации позволил авторам выявить ряд проблем применения правовых норм, регулирующих вопросы досрочного прекращения полномочий судей. Делая вывод о несоответствии российского законодательства и правоприменительной практики основополагающим принципам юридической ответственности и базовым положениям ее теории, авторы формулируют предложения по их совершенствованию.

EARLY TERMINATION OF A JUDGE'S POWERS AS A MEASURE OF LEGAL RESPONSIBILITY: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Irina V. Glazunova¹, Anna V. Nikitina^{2,3}

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

² Far Eastern Branch of Russian State University of Justice, Khabarovsk, Russia

³ Judges Qualification Board of the Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Russia

Article info

Received –

2023 February 10

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Disciplinary responsibility, disciplinary misconduct, early termination of powers, the Law on the Status of Judges, constitutional and legal responsibility, corruption

The subject of the study is the theoretical, legislative and practical application problems of the early termination of a judge as a measure of legal responsibility. According to the authors' opinion there are several problems: the lack of scientific and legislative unity on the issue of the sectoral nature of this measure; the unsystematic, uncoordinated nature of legislation and law enforcement practice; the apparent discrepancy of the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation" (hereinafter - the Status of Judges) which regulates the grounds and procedure for the early termination of the powers of a judge and the practice of its application to the fundamental principles of legal responsibility.

The aim of this article is to make recommendations aimed at improving the legal regulation and practice of such a legal liability measure as early termination of the power of the judge. The methodology. The main method of research is the general scientific dialectical method of cognition, using universal scientific methods: analysis and synthesis, induction and deduction, formal-logical and systemic. The specific scientific methods are applied: the formal legal method, the methods of legal modelling and the methods of forecasting.

offense, independence of judges, an act discrediting honor and dignity, the status of a judge, legal responsibility

Main results and field of application. The authors concluded that the early termination of a power of judge, for whatever reason, is related to his or her illegal behaviour. It should be explicitly recognized as a measure of legal responsibility in the Status of Judges. It is necessary that the legal grounds for judge early termination meet the requirements of legal certainty. The application of this measure is based on the fundamental principles of legal responsibility: justice, humanism, legal equality, proportionality of the sanction to the degree of social danger of the act committed, individualization of the punishment, etc. The Status of Judges and the Regulation on the functioning of the qualification collegium of Judges should be supplemented by legal provisions governing the procedure for applying to a judge early termination as a measure of legal liability that does not involve the commission of a disciplinary offence. A fair, public and adversarial procedure must be used to ensure that judges in the high and medium courts can be terminated early. The rules for this procedure must be laid down in federal constitutional law.

Conclusions. The implementation of such proposals would lead to the formation of legislation and the law enforcement practice, consistent with the main principles of legal responsibility and the basic provisions of its theory. It would guarantee the fairness and predictability of decisions towards judges. Ultimately it would ensure an appropriate balance between the independence of judges and their accountability for gross and systematic violations incompatible with the status of judges.

1. Введение

Конституционно-правовой статус судьи как должностного лица, выполняющего публично значимые функции по отправлению правосудия, требует особых гарантий обеспечения его независимости, среди которых важное место занимают основания и порядок досрочного прекращения полномочий, налагаемого на судью в качестве меры юридической ответственности за противоправное поведение. Принципы несменяемости и неприкосновенности судьи будут действительными только в том случае, если досрочное прекращение полномочий будет применяться в качестве исключительной меры к лицу, чье поведение абсолютно несовместимо со статусом судьи, причиняет ущерб его репутации и дискредитирует судебную власть. При этом законодательно установленные основания досрочного прекращения полномочий должны характеризоваться правовой определенностью, а процедура его применения гарантировать самому судье справедливое публичное независимое разбирательство.

Вместе с тем Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации», принятый еще в 1992 г. (далее – Закон о статусе судей)¹, не в полной мере отвечает указанным требованиям, несмотря на постоянно

вносимые изменения. Основные проблемы правового регулирования и правоприменения досрочного прекращения полномочий вызваны, на наш взгляд, разнородными причинами. Во-первых, несистемным, рассогласованным характером трансформации норм закона по вопросам юридической ответственности судей, которая зачастую является либо ответом на отдельные юридические кейсы, либо попыткой «примирить» архаичные нормы закона с иным, быстроразвивающимся законодательством. Во-вторых, тем, что официальное разъяснение правовых норм по вопросам дисциплинарной ответственности судей не в полной мере соответствует действующей редакции Закона о статусе судей, поскольку в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей»², принятое в 2016 г., актуальные изменения не вносились ни разу, несмотря на значительную корректировку в 2018 г. ст. 12.1 Закона о статусе судей и ряда норм Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (далее – Закон об органах судебного сообщества)³, регулирующих вопросы дисциплинарной ответственности су-

¹ Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 10.07.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной

ответственности судей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 6.

³ Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 11. Ст. 1022.

дей⁴. И, в-третьих, несоответствием многих норм закона базовым положениям теории юридической ответственности. Не добавляет стройности и единства законодательству о статусе судей внесенные после поправок в Конституцию РФ 2020 г. изменения, устанавливающие специфические основания и порядок досрочного прекращения полномочий судей судов высшего и среднего звена.

По-прежнему остается актуальным высказанное более десяти лет назад мнение М.И. Клеандрова: «ни законодательство об ответственности судьи, ни Кодекс судейской этики, ни иные акты (в том числе акты органов судейского сообщества), ни довольно обширная правоприменительная практика в отношении ответственности судей не дают оснований полагать, что весь совокупный механизм судейской ответственности... совершенен, адекватен, соразмерен, эффективен и не требует конструктивно-содержательных преобразований» [1, с. 1]. В связи с чем различные проблемы юридической ответственности судей продолжают оставаться предметом многочисленных научных исследований (см., напр.: [2; 3; 4, с. 103–121]).

Отрицательное влияние на законодательство имеет и более общая проблема – отсутствие научного единства по вопросу отраслевой природы юридической ответственности судей за нарушение Закона о статусе судей и Кодекса судейской этики, включая и такую меру, как досрочное прекращение полномочий.

Все эти обстоятельства в совокупности и обусловили проведение научного анализа проблем правового регулирования и практики применения такой меры юридической ответственности, как досрочное прекращение полномочий судьи.

2. Проблемы отраслевой природы юридической ответственности судей

Согласно Закону о статусе судей досрочное прекращение полномочий судьи признаётся дисциплинарной ответственностью, что, в свою очередь, вызывает критику ученых, отмечающих, среди прочего, что «дисциплинарная ответственность судей не соответствует их конституционно-правовому статусу

и ее необходимо заменить мерами конституционно-правовой ответственности» [5, с. 14]; «понятие “дисциплинарная ответственность судей” сложилось в советское время и не отвечает современному признанию судьи носителем судебной власти» [6, с. 103]; «юридическая сущность анализируемого вида ответственности судей не совпадает с признаками родового понятия дисциплинарной ответственности» [7, с. 27].

Вызывает возражение ученых и установление дисциплинарной (т. е. юридической по своей природе) ответственности за нарушение этических норм, включенных в Кодекс судейской этики [8, с. 12; 9, с. 65].

Сложность отраслевой идентификации такой ответственности, отнесения ее к определенному виду вызвана и тем, что с принятием антикоррупционного законодательства и его распространением на судей в объем дисциплинарного проступка стало включаться и коррупционное правонарушение. Согласно п. 3.1.1 Методических рекомендаций по реализации квалификационными коллегиями судей норм законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции судья может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за несоблюдение антикоррупционных требований по основаниям и в порядке, предусмотренными Законом о статусе судей и Законом об органах судейского сообщества⁵. В результате появляются весьма неоднозначные утверждения о том, что «коррупционное правонарушение, совершенное судьей, полностью соответствует понятию дисциплинарного проступка, через которое раскрывается содержание дисциплинарной ответственности судей, поскольку является следствием нарушения обязанностей, ограничений и запретов, установленных Законом о статусе судей, Кодексом судейской этики и иными нормативными правовыми актами» [10, с. 62].

Еще более сложной и неоднозначной является проблема отнесения досрочного прекращения полномочий к конкретному виду юридической ответственности. Дело в том, что закрепленные в ст. 14 и 14.1 Закона о статусе судей основания досроч-

⁴ Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и Федеральный закон “Об органах судейского сообщества в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 31. Ст. 4832.

⁵ Методические рекомендации по реализации квалификационными коллегиями судей норм законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции: утв. решением Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 26 января 2017 г. (в ред. от 5 февраля 2021 г.). URL: <http://vkks.ru/publication/42259> (дата обращения: 22.07.2023).

ного прекращения полномочий судьи весьма эклектичны. Среди них мы находим и смерть судьи, и добровольный уход в отставку, и нарушение разнообразных запретов и ограничений (не иметь иностранное гражданство, не хранить деньги в иностранных банках, не заниматься деятельностью, не совместимой со статусом, судьи. и пр.). При этом ряд таких оснований напрямую связан с нарушением судьей российского законодательства, препятствующим ему занимать должность судьи.

Однако только в одном из этих случаев досрочное прекращение полномочий судьи прямо названо Законом о статусе судей мерой юридической ответственности – в случае совершения судьей дисциплинарного проступка, за который решением квалификационной коллегии судей на судью наложено дисциплинарное взыскание в виде рассматриваемой меры (пп. 13 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей). Во всех остальных случаях виновное противоправное поведение судьи, влекущее досрочное прекращение полномочий, законодательно каким-либо видом юридической ответственности не признаётся. В практическом плане такой подход лишает судью важнейших гарантий – к нему не применяются сроки давности, в отношении него не действуют общие принципы юридической ответственности – правовой определенности, справедливости, юридического равенства, индивидуализации наказания, соразмерности санкции общественной опасности совершенного деяния, и пр.

При этом, задолго до внесения поправок в Конституцию РФ 2020 г., которые, по справедливому утверждению В.П. Очередыко и К.А. Сафроновой, «ввели в легальный оборот если не термин, то содержание понятия конституционной ответственности судей высших судов» [11, с. 53], развивалась и обосновывалась идея о том, что «досрочное прекращение полномочий судьи как наказание за конституционно значимое нарушение статусно-судейских положений есть мера конституционной, а не дисциплинарной ответственности судьи» [1, с. 8]. Предлагалось разграничить меры дисциплинарной и конституционно-правовой ответственности судей, исключив досрочное прекращение полномочий из числа мер дисциплинарной ответственности, установив полноценную процедуру импичмента судьи с участием законодательных органов власти [12, с. 122–123], или специального федерального государст-

венно-властного органа, представляющего судебную власть и находящегося на одном уровне с парламентом и правительством – Советом судебной власти РФ [13, с. 139–140].

Вместе с тем поправки в Конституцию РФ и развивающие их законодательные изменения, по нашему мнению, не решили, а усугубили существующие проблемы: особый механизм ответственности (не названной в законе конституционной) установлен лишь для судей судов высшего и среднего звена, а для судей нижестоящих судов основания и порядок привлечения к ответственности остались прежними, что ставит вопрос о нарушении принципа единства статуса судей, согласно которому все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией (ст. 12 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»)⁶. Кроме того, по мнению ряда исследователей, «эти изменения не только создают дисбаланс в системе сдержек и противовесов между ветвями власти, но и обладают огромным манипулятивным потенциалом» [14, с. 23], поскольку основания досрочного прекращения полномочий руководителей и судей высших судов не отличаются правовой определенностью и не обеспечены «надлежащей правовой процедурой» [15].

3. Проблемы правового регулирования и практики применения досрочного прекращения полномочий судьи за совершение дисциплинарного проступка

В соответствии с п. 5 ст. 12.1 Закона о статусе судей досрочное прекращение полномочий в качестве меры дисциплинарной ответственности может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений материального права и (или) процессуального законодательства, Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики (абз. 1 п. 5 ст. 12.1). При этом данное дисциплинарное взыскание может налагаться на судью за нарушение указанных положений, допущенных при осуществлении правосудия, только при наличии совокупности следующих условий: эти нарушения носят систематический и (или) грубый характер, повлекли искажение принципов судопроизводства, свидетельствуют о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий; данные

⁶ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федера-

ции» (в ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.

нарушения установлены вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о приращении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок; имеются жалобы или обращения участника (участников) процесса о нарушении его (их) прав незаконными действиями судьи; судья ранее подвергался дисциплинарному взысканию (абз. 2 п. 5 ст. 12.1).

Таким образом, Закон о статусе судей делает различия между существенным несовместимым со званием судьи нарушением норм материального и процессуального права, Закона о статусе судей, Кодекса судейской этики и нарушением этих же норм при осуществлении правосудия, ставя в последнем случае досрочное прекращение полномочий в зависимости от соблюдения ряда условий, часть которых фактически является особыми гарантиями для судьи, не позволяющими бесосновательно применять столь строгую меру ответственности. Однако одной из существенных проблем применения положений этой статьи является отсутствие единообразного толкования термина «нарушения, допущенные при осуществлении правосудия» в практике квалификационных коллегий судей и Верховного Суда РФ, в связи с чем сфера действия гарантий, указанных в абз. 2 п. 5 ст. 12.1 Закона о статусе судей, является довольно размытой и неопределенной.

Стоит отметить, что положения этого абзаца были введены в закон в 2018 г. для отграничения дисциплинарных проступков, совершенных в сфере правосудия, от судебных ошибок, которые могут возникнуть в ходе разрешения конкретного дела при толковании и применении норм материального или процессуального права, и для защиты судей от привлечения к ответственности за такие ошибки. Как было отмечено Конституционным Судом РФ в Постановлении от 20 июля 2011 г. № 19-П, такие неумышленные судебные ошибки ординарного характера возможны при осуществлении судебной деятельности, не дискредитируют априори лиц, их допустивших, и не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профес-

сиональным обязанностям⁷. Подобные ошибки могут быть следствием неопределенности правового регулирования, допускающей двоякое толкование правовых норм, пробелов и коллизий в нормативных актах, а также следствием усмотрения судьи, который зачастую вынужден принимать судебные решения в отсутствие полной информации, в том числе намеренно скрываемой от него сторонами дела. Однако, если судебные ошибки, связанные с нарушением норм материального права или положений процессуального законодательства, носят систематический или грубый характер, приводят к искажению принципов судопроизводства, свидетельствуют о пренебрежительном, недобросовестном отношении судьи к исполнению своих обязанностей, судья не может продолжать свою профессиональную деятельность, его полномочия должны быть досрочно прекращены.

Несмотря на законодательные изменения, Верховным Судом РФ до сих пор не выработано устойчивых правовых позиций, которые позволили бы проводить различия между основаниями досрочного прекращения полномочий судьи в соответствии с положениями абз. 1 и 2 п. 5 ст. 12.1 Закона о статусе судей. Следствием этого являются жалобы на решения квалификационных коллегий судей, досрочно прекративших полномочия судей, допустивших грубейшие нарушения процессуального или материального права при рассмотрении одного или нескольких не связанных между собой дел (т. е. при отвлечении правосудия)⁸.

Вопрос о том, допущены ли нарушения «при осуществлении правосудия» в указанных в качестве примера делах, не поднимался, и, соответственно, досрочное прекращение полномочий судей не было поставлено в зависимость от соблюдения тех условий, которые перечислены в абз. 2 п. 5 ст. 12.1 Закона о статусе судей. Справедливости ради следует признать, что допущенные судьями нарушения действительно носили исключительный, несовместимый со статусом судьи характер.

Другая практика складывается при рассмотрении квалификационными коллегиями судей и Верховным Судом РФ дел о прекращении отставки

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Россий-

ской Федерации» в связи с жалобой гражданки А.В. Матюшенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 31. Ст. 4809.

⁸ Решения Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 13 июля 2021 г. № ДК21-40 и от 5 июля 2021 г. № ДК21-45 (СПС «КонсультантПлюс»).

судьи в случае выявления после ухода в отставку нарушений, допущенных судьей при исполнении полномочий судьи, являющихся основанием для наложения дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий в соответствии с п. 1 и 5 ст. 12.1 Закона о статусе судей (пп. 1 п. 6 ст. 15). Как видно, это основание прекращения отставки «привязано» к основаниям досрочного прекращения полномочий действующего судьи, применяемого в качестве меры дисциплинарной ответственности. Соответственно, толкование и применение этих норм должно быть единообразным, но, к сожалению, единство практики отсутствует.

Так, Высшая квалификационная коллегия судей РФ при рассмотрении одного из дел⁹ использовала довольно широкое толкование термина «при осуществлении правосудия», распространив его на многочисленные случаи грубого нарушения сроков изготовления постановлений по делам об административных правонарушениях, вручения их копий лицам, участвующим в деле, обращения к исполнению решений по различным делам. При этом в научной статье, опубликованной позднее одним из членов коллегии, отмечались определенные сложности, с которыми столкнулась Высшая квалификационная коллегия судей РФ при толковании указанных положений [16, с. 10].

В свою очередь, как видно из примеров, приведенных выше, Верховный Суд РФ не склонен рассматривать множественные существенные разнородные нарушения, допущенные при рассмотрении различных дел, в качестве «нарушений, допущенных при осуществлении правосудия» и использует узкий подход к толкованию данного термина. Например, в деле судьи районного суда Н.В., чья отставка была прекращена Квалификационной коллегией судей Удмуртской Республики, Верховный Суд РФ указал, что исходя из требований абз. 2 п. 5 ст. 12.1 Закона о статусе судей факт рассмотрения судьей Н.В. гражданского дела по иску З. к З. о взыскании долга по договору займа при наличии признаков конфликта интересов в отсутствие жалоб от участника (участников) процесса о нарушении его (их) прав незаконными действиями суда и соответствующего судебного акта вышестоящей судебной инстанции или судебного акта, принятого по заявлению об ускорении

рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, которым были бы установлены нарушения Н.В. при осуществлении правосудия положений материального права и (или) процессуального законодательства, Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики, не мог служить самостоятельным основанием для прекращения отставки судьи¹⁰.

Подобных противоречий в практике толкования и применения одних и тех же норм разными правоприменительными органами удалось избежать, если бы в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» было дано разъяснение понятия «нарушения, допущенные при осуществлении правосудия» и сформулированы критерии их отграничения от иных нарушений положений материального права и (или) процессуального законодательства, Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики, являющихся самостоятельным основанием для досрочного прекращения полномочий судьи.

Крайне важным с позиций правовой определенности является соблюдение принципов юридической ответственности (таких, как установление сроков давности, соразмерность и индивидуализация наказания) при применении досрочного прекращения полномочий судьи в качестве санкции, в том числе за несоблюдение установленных ограничений и запретов. Истечение сроков давности является универсальным, характерным для всех видов основанием освобождения от юридической ответственности [17, с. 7]. Н.В. Витрук справедливо отмечал: «устанавливая определенный срок давности, законодатель тем самым презюмирует, что за этот срок правонарушение потеряло общественную опасность и (или) сам правонарушитель не представляет общественной опасности. Ответственность не может преследовать человека всю его жизнь. В этом состоит социальный смысл института давности в публичном праве» [18, с. 329]. Применительно к различным видам ответственности Конституционный Суд РФ выработал правовые позиции о недопустимости нахождения лица под угрозой преследования и наказания

⁹ Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2022. № 6. С. 39–40.

¹⁰ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 12 октября 2020 г. № АКПИ20-639 // СПС «Консультант Плюс».

в течение неоправданно длительного времени, имеющие, по мнению ряда ученых, универсальный характер [19, с. 55]. Принципы пропорциональности (соразмерности) и индивидуализации ответственности имеют универсальное, решающее значение для применения всех видов юридической ответственности, делая ее справедливой и индивидуализированной [20, с. 109; 21, с. 35; 22, с. 502].

4. Заключение

Подводя итоги, следует отметить необходимость внесения существенных изменений в Закон о статусе судей в части, касающейся применения досрочного прекращения полномочий судьи. Насущной проблемой, требующей законодательного решения, является разделение оснований для досрочного прекращения полномочий на две группы: не связанные с противоправным поведением (заявление об отставке, неспособность по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, объявление судьи умершим, признание его недееспособным и пр.) и обусловленные его виновным противоправным поведением (занятие деятельностью, несовместимой со статусом судьи, нарушение антикоррупционных запретов и ограничений, совершение серьезного дисциплинарного проступка, несовместимого со званием судьи, и пр.). При этом досрочное прекращение полномочий судьи по всем правонарушающим основаниям должно быть эксплицитно признано мерой юридической ответственности в Законе о статусе судей и в перспективе иметь иное наименование, например – *лишение полномочий судьи или отрешение судьи от должности*. Все основания досрочного прекращения полномочий должны

отвечать признакам правовой определенности, применение же указанной меры должно базироваться на основополагающих принципах юридической ответственности – справедливости, гуманизма, пропорциональности (соразмерности) санкции степени общественной опасности совершенного деяния, индивидуализации наказания и пр.

Требует обновления Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» в целях его приведения в соответствие с изменениями, внесенными в 2018 г. в Закон о статусе судей и Закон об органах судейского сообщества. Верховному Суду РФ необходимо выработать официальную позицию относительно термина «нарушения, допущенные при осуществлении правосудия» в качестве основания для досрочного прекращения полномочий, применяемого в качестве меры дисциплинарного взыскания, с целью обеспечения единства практики квалификационных коллегий судей.

Реализация подобных предложений приведет к формированию законодательства и правоприменительной практики, отвечающих важнейшим принципам юридической ответственности и основополагающим положениям ее теории, будет гарантировать справедливость и предсказуемость решений, выносимых в отношении судей, и, в конечном итоге, позволит обеспечить надлежащий баланс между независимостью судей и неотвратимостью их ответственности за грубые и систематические нарушения, несовместимые со статусом судьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клеандров М. И. Конституционная ответственность судьи – дело послезавтрашнего дня? / М. И. Клеандров // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 2. – С. 1–8.
2. Дроздов А. Г. Дисциплинарная ответственность судей: история, теория, практика : моногр. / А. Г. Дроздов, В. И. Кайнов. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – 186 с.
3. Клеандров М. И. Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования : моногр. / М. И. Клеандров. – М. : Норма, 2019. – 240 с.
4. Корнакова С. В. Конституционно-правовые основы статуса судей Российской Федерации : моногр. / С. В. Корнакова, И. А. Щербак. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 157 с.
5. Виноградов В. А. Конституционно-правовая ответственность: системное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Виноградов. – М., 2005. – 48 с.
6. Шугрина Е. С. Ответственность органов публичной власти: правовое регулирование и правоприменительная практика : учеб. для магистров / Е. С. Шугрина, С. В. Нарутто, Е. М. Заболотских. – М. : Юрайт, 2019. – 347 с.
7. Аулов В. К. Ответственность судьи: дисциплинарная или конституционная? / В. К. Аулов, Ю. Н. Туганов // Администратор суда. – 2011. – № 3. – С. 25–29.

8. Клеандров М. И. Ответственность судьи: этическая или дисциплинарная? / М. И. Клеандров // Российское правосудие. – 2010. – № 5. – С. 3–28.
9. Клеандров М. И. Институт присяги российского судьи: дефектность формулы и конституционная ответственность за нарушение / М. И. Клеандров // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 58–71. – DOI: 10.12737/jrl.2020.017.
10. Лемешкина Е. А. Коррупционная составляющая дисциплинарной ответственности судей / Е. А. Лемешкина // Юридические науки: актуальные вопросы науки и практики : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2022. – С. 61–65.
11. Очередыко В. П. Конституционно-правовая ответственность в системе юридической ответственности судей / В. П. Очередыко, К. А. Сафронова // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 52–57. – DOI: 10.24412/2073-0454-2021-4-52-57.
12. Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика / А. А. Кондрашев. – М. : Юристъ, 2006. – 345 с.
13. Клеандров М. И. О Совете судебной власти Российской Федерации : моногр. / М. И. Клеандров. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 160 с.
14. Литвинов А. С. Анализ новых конституционных механизмов ответственности судей в РФ / А. С. Литвинов // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 6А. – С. 21–27.
15. Кошель А. С. Досрочное прекращение полномочий руководителей и судей высших судов в Российской Федерации как мера ответственности (на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) / А. С. Кошель, О. Е. Шишкина // Журнал конституционного правосудия. – 2022. – № 1. – С. 12–22.
16. Туманова Л. В. Обеспечение авторитета судебной власти и защита прав и законных интересов судей как двуединая задача Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации / Л. В. Туманова // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2022. – № 6. – С. 8–11.
17. Тихоненко И. Н. Основания освобождения от юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Тихоненко. – М., 1995. – 21 с.
18. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : моногр. / Н. В. Витрук. – М. : Норма, 2009. – 432 с.
19. Серенко С. Б. Прекращение отставки судьи как мера юридической ответственности / С. И. Серенко // Российский судья. – 2021. – № 11. – С. 52–56.
20. Игнатенко В. В. Принцип пропорциональности (соразмерности) конституционно-правовой ответственности выборных должностных лиц: теория, зарубежный опыт и проблемы российского правоприменения / В. В. Игнатенко, И. А. Минникес, А. В. Никитина // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 108–123. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).108-123.
21. Никитина А. В. Принцип пропорциональности (соразмерности) конституционно-правовой ответственности политических партий / А. В. Никитина // Правоприменение. – 2019. – Т. 3, № 1. – С. 33–43. – DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(1).33-43.
22. Бажанов А. А. Соразмерность как условие справедливости санкции / А. А. Бажанов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21, № 4. – С. 486–507. – DOI: 10.22363/2313-2337-2017-21-4-486-507.

REFERENCES

1. Kleandrov M.I. Constitutional responsibility of judge: matter of day after-tomorrow?. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2012, no. 2, pp. 1–8. (In Russ.).
2. Drozdov A.G., Kainov V.I. *Disciplinary responsibility of judges: history, theory, practice*, Monograph. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2020. 186 p. (In Russ.).
3. Kleandrov M.I. *Judicial Ethical Responsibility Mechanism: Issues of Formation*, Monograph. Moscow, Norma Publ., 2019. 240 p. (In Russ.).
4. Kornakova S.V., Shcherbakova I.A. *Constitutional and legal bases of the status of judges of the Russian Federation*, Monograph. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 157 p. (In Russ.).

5. Vinogradov V.A. *Constitutional and legal responsibility: a systematic study*, Doct. Diss. Thesis, Moscow, 2005. 48 p. (In Russ.).
6. Shugrina E.S., Narutto S.V., Zabolotskih E.M. *Responsibility of public authorities: legal regulation and law enforcement practice*, Textbook for masters. Moscow, Yurait Publ., 2019. 347 p. (In Russ.).
7. Aulov V.K., Tuganov Yu.N. Judge's responsibility: disciplinary or constitutional?. *Administrator suda = Court's administrator*, 2011, no. 3, pp. 25–29. (In Russ.).
8. Kleandrov M.I. Judicial responsibility: ethical or disciplinary?. *Rossiiskoe pravosudie = Russian justice*, 2010, no. 5, pp. 3–28. (In Russ.).
9. Kleandrov M.I. The institute of oath of a Russian judge: defectiveness of the formula and constitutional responsibility for violation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 2, pp. 58–71. DOI: 10.12737/jrl.2020.017. (In Russ.).
10. Lemeshkina E.A. Corruption component of disciplinary responsibility of judges, in: *Yuridicheskie nauki: aktual'nye voprosy nauki i praktiki*, Collection of articles of the IV International Scientific and Practical Conference, Penza, 2022, pp. 61–65. (In Russ.).
11. Ochered'ko V.P., Safronova K.A. Constitutional and legal responsibility in the system of legal responsibility of judges. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4, pp. 52–57. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-4-52-57. (In Russ.).
12. Kondrashev A.A. *The constitutional-legal responsibility in the Russian Federation: theory and practice*. Moscow, Yurist Publ., 2006. 345 p. (In Russ.).
13. Kleandrov M.I. *On the Council of the Judiciary in the Russian Federation*, Monograph. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2019. 160 p. (In Russ.).
14. Litvinov A.S. Analysis of new constitutional mechanisms of responsibility of judges in the Russian Federation. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2021, vol. 11, iss. 6A, pp. 21–27. (In Russ.).
15. Koshel A.S., Shishkina O.E. Early Termination of Powers of the Heads and Judges of the Highest Courts as a Measure of Responsibility (Based on the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation). *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2022, no. 7, pp. 12–22. (In Russ.).
16. Tumanova L.V. Ensuring the authority of the judiciary and protecting the rights and legitimate interests of judges as a two-pronged task of the Higher Qualification Collegium of Judges of the Russian Federation. *Vestnik Vyshei kvalifikatsionnoi kollegii sudei Rossiiskoi Federatsii*, 2022, no. 6, pp. 8–11. (In Russ.).
17. Tikhonenko I.N. *Grounds for exemption from legal liability*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 1995. 21 p. (In Russ.).
18. Vitruk N.V. *General theory of legal responsibility*, Monograph. Moscow, Norma Publ., 2009. 432 p. (In Russ.).
19. Serenko S.B. Termination of resignation of a judge as a legal liability measure. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2021, no. 11, pp. 52–56. (In Russ.).
20. Ignatenko V.V., Minnikes I.A., Nikitina A.V. The principle of proportionality of constitutional responsibility of elected officials: theory, foreign experience and problems of Russian law enforcement. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 108–123. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).108-123. (In Russ.).
21. Nikitina A.V. Principle of proportionality of constitutional legal responsibility of political parties. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 1, pp. 33–43. DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(1).33-43. (In Russ.).
22. Bazhanov A.A. Proportionality as a condition of sanction's justice. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2017, vol. 21, no. 4, pp. 486–507. DOI: 10.22363/2313-2337-2017-21-4-486-507. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глазунова Ирина Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Irina V. Glazunova – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of State and Municipal Law

*Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: irine.glazunovoi@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 9844-8842; AuthorID: 297941

Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: irine.glazunovoi@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 9844-8842; AuthorID: 297941

Никитина Анна Васильевна – доктор юридических наук, доцент, ¹профессор кафедры гражданского права, ²член

¹ *Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия*

² *Квалификационная коллегия судей Хабаровского края*

¹ 680014, Россия, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49

² 680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Серышева, 60

E-mail: A_Nikitina@inbox.ru

SPIN-код РИНЦ: 8657-1647; AuthorID: 395573

Anna V. Nikitina – Doctor of Law, Associate Professor; ¹Professor, Department of Civil Law; ²Member ¹ *Far Eastern Branch of Russian State University of Justice*

² *Judges Qualification Board of the Khabarovsk Territory*

¹ 49, Vostochnoe shosse, Khabarovsk, 680014, Russia

² 60, Serysheva ul., Khabarovsk, 680000, Russia

E-mail: A_Nikitina@inbox.ru

RSCI SPIN-code: 8657-1647; AuthorID: 395573

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Глазунова И.В. Досрочное прекращение полномочий судьи как мера юридической ответственности: проблемы правового регулирования и правоприменения / И.В. Глазунова, А.В. Никитина // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 126–135. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).126-135.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Glazunova I.V., Nikitina A.V. Early termination of a judge's powers as a measure of legal responsibility: problems of legal regulation and law enforcement. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 126–135. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).126-135. (In Russ.).

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

УДК 346.2+346.5

DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(4).136-145

ДИРЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАЦИЯМИ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

В.А. Лаптев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

11 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Корпорация, публичная корпорация, корпорации с государственным участием, управление корпорацией, директивная модель управления, директивное голосование, корпоративная ответственность, ответственность членов органов корпорации

Многообразие существующих моделей управления коммерческими корпорациями на современном этапе требует их оценки, в том числе применительно к отдельным сферам экономической деятельности. В настоящей статье исследуются правовые аспекты принципов построения и содержания директивной модели управления организациями на примере корпораций с государственным участием в сфере оборонно-промышленного комплекса. Анализируется процедура директивного голосования в органах корпорации. Раскрываются основы нормативного регулирования данной области корпоративных отношений. Исследуются локальные нормативные акты, обеспечивающие формирование директивной модели управления корпорациями. Дается обзор компетенции органов корпорации с участием публично-правовых образований. Предлагаются варианты правовой оценки ответственности лиц, входящих в состав органов рассматриваемых корпораций. Выявляются закономерности развития корпоративного законодательства по рассматриваемой проблематике и влияние на них различных факторов.

DIRECTIVE MODEL OF CORPORATION MANAGEMENT WITH THE PARTICIPATION OF THE STATE IN THE SPHERE OF THE MILITARY-INDUSTRY COMPLEX

Vasilii A. Laptev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Article info

Received –

2022 September 11

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Corporation, public corporation, corporations with public participation, management of the corporation, directive management model, directive voting, corporate responsibility, responsibility of members of bodies of the corporation

The subject. The variety of existing models of management of commercial corporations at the current stage requires their assessment, including in relation to certain areas of economic activity. This article examines the legal aspects of the principles of construction and content of a directive model of organization management using the example of corporations with state participation in the field of the military-industrial complex. The procedure for directive voting in the bodies of the corporation is analyzed.

The purpose is to identify the determination and the essence of directive model of corporate management in the field of the military-industrial complex.

Methodology of the research includes legal analysis of the Russian corporative legislation, directives of the Russian Government and judicial practice.

The main results. The basics of regulatory regulation in this area of corporate relations are disclosed. Local regulations ensuring the formation of a directive model of corporate management are investigated. The review of competence of bodies of corporation with participation of public legal entities is given. Options are proposed for a legal assessment of the liability of persons who are members of the bodies of the corporations in question.

General rule is proposed: in the case of voting in the bodies of a corporate organization, a representative of the state is released from responsibility if he acted on the basis of the issued directive (recommendation).

Conclusions. The regularities of the development of corporate legislation on the issues under consideration and the influence of various factors on them are revealed.

1. Введение

Построение системы органов корпорации и наделение их соответствующей компетенцией зависит от множества факторов. Выбор модели управления корпорацией может предопределяться экономическими, социальными, географическими, культурными и иными факторами [1–7].

В экономико-правовых исследованиях выделяются **основные**: *аутсайдерская* (множество акционеров, не обладающих крупными пакетами акций), *инсайдерская* (концентрации контроля и акционерного капитала в руках одного лица или группы лиц) [8, с. 564–565] – и **специальные** модели управления корпорациями: *директивная* (применение руководящих указаний публично-правовых образований), *бенефициарная* (опосредованный корпоративный контроль над корпорацией через ее конечных выгодоприобретателей) и «*обезличенная*» (сокрытие реального управленца корпорации) [9; 10].

Модели корпоративного управления в зависимости от состава акционеров также разделяются на *англо-американскую* (аутсайдерская с участием независимых и индивидуальных членов), *азиатскую* (с существенным участием банков и аффилированных лиц), *континентальную* (значительная доля участия банков) [11], *семейную* (семейные бизнес-группы) и *российскую* (развивающуюся с элементами других моделей) [12]. Выделяют также *акционерную* (приоритет интересов акционеров), *менеджерскую* (контроль над корпорацией в руках менеджмента), *трудовую* (обязательное избрание членов трудового коллектива в органы управления корпорацией), *государственную* (обеспечение публично-правовых интересов) и *стейкхолдерскую модели* (обеспечение интересов акционеров, работников, кредиторов, контрагентов и иных лиц при управлении корпорацией) [8, с. 1012–1015].

Значимым для выбора соответствующей модели управления является сфера деятельности хозяйствующего субъекта. В частности, в работах экономистов исследуется роль оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) в обеспечении устойчивого социально-экономического развития и национальной безопасности страны [13].

В настоящей работе исследуются правовые основы формирования, предпосылки будущего разви-

тия, а также содержание директивной модели управления отечественными корпорациями в области ОПК.

2. Предпосылки формирования директивной модели управления

В результате перехода России в 1990-х гг. к рыночной модели экономики, основанной на смешанном капитале, корпоративное управление включило в себя элементы исторически существующих и заимствованных зарубежных моделей. Речь идет как об управлении советскими предприятиями (институт директивного голосования), так и капиталистическими публичными корпорациями (институт независимых директоров и раскрытие информации). Детерминирующим фактором применения элементов различных моделей управления выступает также корпоративный комплаенс, снижающий риски нарушения законодательства, корпоративных прав и законных интересов участников корпоративных отношений, а также цифровизация процесса управления корпорацией [14].

Впервые в России директивное управление предприятиями закрепилось в нормативных правовых актах советского периода. Так, директивы определяли организационную структуру управления предприятиями и основы ее совершенствования (п. 2.3.1 Межотраслевых методических рекомендаций «Совершенствование организационных структур управления предприятий и производственных объединений», утв. Госкомтрудом СССР) и способствовали укреплению плановой и договорной дисциплины (напр., Инструктивное письмо Госарбитража СССР от 20 января 1972 г. № И-1-3).

В 1990-х гг. Правительством РФ была утверждена Концепция управления государственным имуществом и приватизации в РФ (1999 г.), поскольку на тот момент государство являлось участником (акционером) в 2 500 обществах, где доля превышает 25 % уставного капитала, представляющих базовые отрасли народного хозяйства. Кроме того, в отношении 580 акционерных обществ использовалось специальное право – «золотая акция».

Под *директивной* следует понимать руководящее указание представителю публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Федерации, муниципалитета), определяющее волю его доверителя (представляемого) по вопросам голосо-

вания повестки дня на заседаниях общего собрания и совета директоров корпорации [9, с. 256–261].

Директивой на современном этапе нередко обозначают распорядительные документы государственных органов нормативно-организационного характера (например, акты Минобороны России) и международных организаций (Евросоюза, Международной организации по стандартизации и др.).

Директивы в зависимости от срока их действия могут обладать разовым (единовременным) и длительным (многократным) характером применения. Соответствующими государственными органами нередко утверждаются формы директивы (рекомендации).

Распоряжениями Правительства РФ определяются акционерные общества, в отношении которых представителям интересов Российской Федерации выдаются директивы при их участии в работе органов корпорации (в частности, в отношении компаний Аэрофлот, Внешторгбанк, Газпром, Роснефть, РЖД и др.).

Государственная промышленная политика в области развития и деятельности организаций, а также государственной собственности в ОПК утверждается актами Президента РФ. Принимаются методические рекомендации по управлению закупочной деятельностью акционерных обществ с государственным участием и организаций ОПК (утв. Коллегией Военно-Промышленной Комиссии РФ 15 февраля 2017 г.).

В настоящем исследовании далее речь будет идти о корпорациях с участием Российской Федерации в сфере ОПК.

3. Понятие и признаки директивной модели управления корпорацией

Директивная модель управления – форма организации системы органов корпорации с участием публично-правовых образований, при которой реализация их компетенции протекает на основе направляемых компетентными лицами директив (рекомендаций), определяющих единую экономическую политику корпоративной организации.

Далее в разделе будут рассмотрены признаки директивной модели управления, выделенные с опорой на содержание предложенной дефиниции.

3.1. Участие публично-правового образования в уставном капитале и (или) в органах корпоративной организации

Директивное управление прежде всего исходит от воли акционеров (участников) коммерческих

корпораций. Важно учитывать, что директивная модель управления традиционно формируется в тех корпорациях, уставный капитал которых распределен среди иных акционеров – физических и (или) юридических лиц (помимо государства). Рассматриваемая модель несвойственна корпоративным организациям, единственным акционером (участником) которых выступает публично-правовое образование, поскольку его решение оформляется в виде *акта уполномоченного органа* власти публично-правового образования, а не директивы.

Таким образом, при продаже (приватизации) хотя бы одной акции (части доли в уставном капитале) корпорации из ста процентов, принадлежащих государству, может быть образована директивная модель управления. В ряде отраслей промышленности, в частности в сфере ОПК, где возможно производство продукции двойного назначения (военного и гражданского), контролируемое вхождение частных акционеров могло бы дополнить руководство хозяйствующего субъекта новым менеджментом, что повысило бы его конкурентоспособность и расширило рынки сбыта.

Директивная модель свойственна корпорациям, управление которыми сочетает в себе частно-публичные аспекты, в том числе выраженные в выдаче руководящих директив (рекомендаций), определяющих волю лица, действующего в интересах публично-правового образования при сохранении корпорацией ряда правомочий и производственно-хозяйственных инициатив.

В корпорациях, уставной капитал которых распределяется исключительно среди частных лиц (физических или юридических), рассматриваемая директивная модель управления ни при каких условиях не образуется.

Дискуссионным является возможное образование директивной модели управления в акционерных обществах в сфере ОПК, где государство использует право вето («золотую акцию») в случаях, когда акции эмитента не принадлежат публично-правовому образованию. С одной стороны, золотая акция обеспечивает право доступа представителям государства к документам общества, участие представителя в общем собрании акционеров, особые правила заключения ряда крупных сделок и сделок с заинтересованностью (п. 1 ст. 51, п. 4 ст. 79, п. 1 ст. 81 и п. 10 ст. 91 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО)), а также то, что специальное право уста-

навливаются в целях обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства (ст. 38 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»). С другой стороны, практика показывает, что в корпорациях в сфере ОПК государство сохраняет участие в уставном капитале и не продает полностью принадлежащий ему пакет акций. И всё же вхождение представителей государства в состав органов корпоративной организации, а также реализующих свое участие в работе данных органов, может указывать на директивную форму управления.

3.2. Представительство публично-правовых образований в органах корпорации

Присутствие представителей публично-правового образования в органах корпорации (общем собрании или совете директоров) является необходимым условием для квалификации системы управления как «директивной».

На практике директивы (рекомендации) выдаются двум категориям лиц:

- представителям интересов на общем собрании;
- членам совета директоров.

В нормативных актах используются как тождественные категории «представитель интересов» и «член совета директоров» при обозначении лица, представляющего интересы публично-правового образования и действующего на основании директивы (рекомендации) [15].

Представителем могут выступать следующие лица:

- в общем собрании акционеров (участников) – государственные служащие (действующие без договора),
- в совете директоров – государственные служащие (действующие без договора) и иные лица (заключившие договор о представлении интересов публично-правового образования).

К работе в совете директоров нередко требуется привлекать профессионалов и профильных специалистов, которые не всегда являются государственными служащими.

Полномочия представителей в органах корпорации не отчуждаемы и не могут быть переданы третьим лицам. Полномочия члена совета директоров в лице государственного или муниципального служащего автоматически прекращаются при их увольнении, а лиц, действующих по договору, – при прекращении договора.

Указанные лица должны осуществлять возложенные на них функции добросовестно, разумно, неукоснительно придерживаться директив (рекомендаций), своевременно уведомлять о заседаниях органов корпорации, участие в которых требует выработки директив (рекомендаций), инициировать созыв собрания и включать в повестку заседания совета директоров вопросы, предложенные публично-правовым образованием.

3.3. Директива и рекомендация

Директивы (рекомендации) оформляются исключительно в *письменной форме*. Выдача директив в устной форме не допускается законодательством, поскольку данные руководящие указания не будут обладать свойством правовой определенности, а лицо, представляющее интересы публично-правового образования, может отступить либо исказить исконные цели и задачи указаний.

На практике директивой обозначают более жесткие к исполнению указания (например, при голосовании в совете директоров по вопросам утверждения повестки общего собрания, увеличения уставного капитала путем размещения дополнительных акций или образования исполнительных органов). То есть директивы выдаются при реализации компетенции органами корпорации, определенной законодательством, уставом, положением о совете директоров и иными локальными нормативными актами [16].

Рекомендации выдаются по «иным вопросам» повестки дня общего собрания либо совета директоров, в частности по вопросам утверждения стратегического бизнес-плана, бюджетов или оперативных планов развития корпорации.

Рекомендации не должны рассматриваться как более «мягкие» в сравнении с директивами, руководящими указаниями. Форма рекомендаций подчеркивает исключительно содержание вопроса, который требует обсуждения и допускает вариативные подходы при его решении. Вместе с тем общая позиция публично-правового образования содержится в рекомендациях.

В данном вопросе следует вспомнить труды В.В. Лаптева, в которых сформулирован третий метод правового регулирования в хозяйственных отношениях – *рекомендаций* [17, с. 68–71]. Метод рекомендаций содержит в себе сформулированную позицию публично-правового образования в лице компетентного органа, которую обязательно нужно принимать во внимание в своей работе лицам, пред-

ставляющим публично-правовое образование в корпорациях. В исключительных случаях допускается отступление от директивы (рекомендации), в частности когда такое голосование очевидно причинит убытки корпоративной организации.

4. Директивное управление корпорациями в сфере ОПК

Особенности управления корпоративными организациями с участием публично-правовых образований посредством выдачи директив (рекомендаций) регламентируется нормативными правовыми актами, а также актами государственных органов, например Правительством РФ в Распоряжении от 27 марта 2021 г. № 752-р, Министерством обороны РФ в Положении о Военно-техническом совете Минобороны РФ (1998 г.) и т. д.

Директивы выдаются не только по вопросам участия представителей в органах корпоративной организации, но и текущей хозяйственной деятельности. В частности, директивой может быть указано на необходимость повышать качество управления закупочной деятельностью, поручено провести инвентаризацию прав на результаты интеллектуальной деятельности и т. д. Директивы выдаются также в целях назначения соответствующего лица на должность руководителя организации.

Деятельность федеральных органов исполнительной власти и реализацию государственной политики в сфере ОПК в значительной степени определяет Коллегия Военно-промышленной комиссии РФ (при Правительстве РФ), образованная Указом Президента РФ от 10 сентября 2014 г. № 627.

Исследуя директивную модель управления корпорациями в целом, важно учитывать компетенцию Росимущества (Постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 432), которое подготавливает и представляет:

– Минфину России проекты директив для голосования на общих собраниях акционеров в акционерных обществах, включенных в специальный перечень, утверждаемый Правительством РФ, и на общих собраниях участников обществ с ограниченной ответственностью, доли в уставных капиталах которых находятся в федеральной собственности;

– письменные директивы представителям государства в органах управления акционерных обществ, акции которых находятся в федеральной собственности и (или) в отношении которых используется специальное право («золотая акция»), для голосования на общих собраниях участников обществ с

ограниченной ответственностью (п. 5.15.6 и 5.29 Положения о Росимуществе).

Применительно ко второму случаю установлены примерные формы государственных директив представителям в совете директоров и на общем собрании акционеров общества, акции которого находятся в собственности Российской Федерации (Приказ Росимущества от 26 июля 2005 г. № 228).

Относительно корпоративных организаций в сфере ОПК принимаются директивы, определяющие требования к руководителям предприятий (например, Директива Правительства РФ от 18 июня 2018 г. № 4440п-П7), вопросы производственно-хозяйственного цикла деятельности (директивы Правительства РФ от 3 марта 2016 г. № 1472-П13, от 6 декабря 2018 г. № 10068п-П13 и др.) и др.

В целях реализации директивы Правительства РФ № 4440п-П7 коллегией Военно-промышленной комиссии РФ утверждены основы формирования кадрового резерва – *Единые методические материалы* по формированию и развитию федерального кадрового резерва руководящего состава ОПК.

Минпромторгом России создано подведомственное ему структурное подразделение – Федеральный центр мониторинга подготовки кадров для организаций ОПК России.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что директива (рекомендация), будучи актом уполномоченного органа, приобрела свойство *инструмента* корпоративного управления, поскольку ее действие непосредственно влияет на ход производственно-хозяйственной деятельности корпоративных организаций в сфере ОПК.

Директивы (рекомендации) могут выдаваться и, как правило, выдаются представителям публично-правового образования по всем вопросам повестки дня **общего собрания акционеров (участников)** общества. Не имеет принципиального значения вид общего собрания – годовое или внеочередное – с точки зрения порядка выдачи директивы.

Директива (рекомендация) позволяет представителю четко голосовать на общем собрании, в связи с чем видится обоснованным указывать представителю на то, что в случае внесения дополнительных вопросов (на которые директивы не выдавались), не указанных в повестке дня и не согласованных с публично-правовым образованием, следует голосовать «против» принятия каких-либо решений.

Сложным является вопрос утверждения годового отчета общим собранием акционеров, по-

сколькo возможно вариативное толкование директивы ввиду того, что отчет включает в себя не только констатирующую информацию о предприятии (сведения о юридическом лице, органах управления и контроля, положение общества в отрасли или количество совершенных крупных сделок и сделок с заинтересованностью), но и пути развития его бизнеса (перспективы развития, факторы предпринимательского риска, итоги исполнения поручений, соблюдение корпоративной этики и т. д.).

Рекомендации о совершении сделки в случаях, когда ее совершение в силу закона или устава общества одобряется общим собранием акционеров (участников), выдается на основе анализа бухгалтерской документации (для крупных сделок) и аффилиации лиц (для сделок с заинтересованностью). На практике такая рекомендация должна содержать в себе, по сути, существенные или основные условия сделки, подготовленные на основе анализа (просчет итогов) последствий при заключении сделки на различных условиях.

Вопросами компетенции **совета директоров**, по которым может формироваться директива, выступают:

- утверждение повестки дня общего собрания акционеров (участников);
- увеличение уставного капитала общества путем размещения обществом дополнительных акций в пределах количества и категорий (типов) объявленных акций, если уставом общества в соответствии с законодательством это отнесено к его компетенции;
- принятие решений об участии и о прекращении участия общества в других организациях;
- образование исполнительного органа общества и досрочное прекращение его полномочий, если уставом общества это отнесено к его компетенции;
- рекомендации к размеру дивиденда по акциям и порядку его выплаты;
- решение вопросов об одобрении сделок с заинтересованностью и крупных сделок и т. д.

Директивная модель управления определяет *общую экономическую политику* хозяйствующего субъекта. Данная модель не исключает использование элементов «партиципативной» модели управления [18] корпорацией, при которой работники принимают активное участие в управлении организацией и активно взаимодействуют с ее руководством, подобно народным предприятиям в России (см.: Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ). Эффективность управленческой модели с участием ра-

ботников общества доказывается экономистами [19] и правоведами [20, с. 38–39].

В директивной модели управления есть и недостаток – отсутствие оперативности принятия управленческих решений, поскольку процедура выдачи директив (рекомендаций) формализована и поэтому продолжительна.

Экономические оценки эффективности управления предприятиями ОПК позволяют сформулировать основы устойчивого развития. Так, достижению указанных целей способствует внедрение внутрифирменных управляющих компаний (внутри промышленных комплексов), использование трастовых форм организаций и создание специальных органов (отделов, управлений), исключающих возможность банкротства предприятия и содействующих устойчивому функционированию производственной системы [21]. По сути, речь идет о необходимости привлечения «стороннего» профессионального менеджмента, например независимых членов совета директоров, что соответствует также рекомендациям Банка России о Кодексе корпоративного управления (2014 г.).

Видится возможным построение директивной модели управления корпорациями ОПК, обеспечивающей инвестиционную привлекательность общества для миноритарных акционеров-инвесторов, например в части управленческих решений в области производства продукции гражданского назначения (наряду с военной продукцией) или использования непрофильных активов предприятия.

Исследуя значения деятельности корпораций в сфере ОПК, обеспечивающих безопасность страны, предлагаются различные экономические и правовые пути развития [22]. Поскольку корпоративные организации ОПК работают, как правило, в структуре вертикально интегрированных комплексов, видятся эффективными и организационно оправданными директивы публично-правового образования, обеспечивающие военно-политические задачи государства, закрепленные в *Военной доктрине РФ* (2014 г.) и *Морской доктрине РФ* (2022 г.).

5. Юридическая ответственность публично-правового образования и его представителей

При директивном голосовании выделяются два подхода. Согласно первому, государство, будучи самостоятельным участником общественных отношений, несет такую же корпоративную ответственность за выданные им директивы (рекомендации), как и другие участники корпоративных отношений, в силу п. 3 ст. 53.1 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ

[23]. При этом поведение представителя, голосовавшего в органах корпорации согласно предписанной директиве, не может рассматриваться как виновное, поскольку оно является работой и обязанностью, а не правом (например, в силу п. 107 Кодекса корпоративного управления). Не случайно указанные представители именуются «зависимыми», поскольку они не формулируют и лишь сообщают волю публично-правового образования при принятии корпоративных решений [24].

Второй подход основан на разъяснениях ст. 53 ГК РФ, указанных п. 7 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62, в силу которых не освобождается от ответственности член коллегиального органа корпоративной организации, решения которого повлекли за собой убытки, в том числе в случаях, когда данные решения принимались на основании выданных директив. В данном случае действует универсальное правило о разумности и добросовестности лиц при их участии в работе органов корпорации (п. 1 ст. 71 Закона об АО, п. 1 ст. 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО)).

Нарушение директивы (рекомендации) членом совета директоров, действующим в интересах публично-правового образования, по общему правилу должно рассматриваться как основание для досрочного инициирования переизбрания данного члена совета директоров. Данное правило должно быть закреплено в Законе об АО и Законе об ООО.

Для представителей публично-правового образования в лице государственных служащих при нарушении директивы должна быть установлена дисциплинарная ответственность, для иных лиц – договорная ответственность (например, имущественная). Такое положение служит гарантией на случай недобросовестных действий его представителя.

Освобождение представителей от ответственности, в том числе в случаях, когда его голосование определялось директивой, является изменением основополагающего принципа о добросовестном и разумном поведении участников общественных отношений. Даже если принимать во внимание тот факт, что поведение лица определялось и направлялось директивой (рекомендацией), то не отменяется действие общих норм об ответственности (ст. 53 и 53.1 ГК РФ). Реализуя свое представительство в органах корпорации через соответствующих лиц, публично-правовое образование рассчитывает на их профессиональный и компетентный подход, действительно

обеспечивающий его интересы. В этой связи полное освобождение от ответственности возможно лишь в случаях, когда представитель голосовал по директиве и при этом не осознавал негативные правовые последствия (например, когда решение причинило ущерб корпоративной организации, но последствия такого ущерба не были очевидными и не могли быть объективно учтены в работе представителя) [25].

Вопрос об ответственности представителей непосредственно связан с правом и реальной возможностью публично-правового образования оперативно контролировать деятельность представителя, в том числе посредством уведомлений о принимаемых решениях, их обсуждения, деловой переписки и т. д. Освобождение представителя от ответственности за причиненные корпорации убытки в условиях отсутствия у государства возможности оперативного контроля не будет отвечать сути директивной модели управления, поскольку рассматриваемая модель предполагает учет интересов государства, определяющего производственную политику корпорации в сфере ОПК.

Ответчиком по требованию о возмещении причиненных корпорации убытков выступает лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, а в рассматриваемом случае – публично-правовое образование (абз. 4 п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, абз. 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53). Можно встретить подход, согласно которому привлечение к ответственности представителя (например, члена совета директоров) возможно лишь при отступлении от выданной директивы (см. Определение Верховного Суда РФ от 13 января 2016 г. № 305-ЭС15-17343). Видится, значение имеет не сам факт голосования вопреки выданной директиве (отклонение от нее), а последствия такого голосования – противоречие интересам публично-правового образования.

Сложной видится оценка случаев участия представителя публично-правового образования в органах корпорации при отсутствии выданной директивы (рекомендации), в том числе по вопросам, по которым директива не выдается (например, по некрупной сделке, но вопрос одобрения которой поставлен на обсуждение в повестку дня). Требуют оценки пределы компетенции представителя и о возможности наделения его дискреционными полномочиями, позволяющими действительно обеспечивать интересы государства и в отсутствие директивы.

Полагаем, если цели будут достигаться, то и интересы государства будут обеспечены.

На практике встречаются также случаи, когда в основу выданной директивы были заложены недостоверные исходные данные (например, техническая ошибка при использовании показателей в расчете последствий хозяйственной операции или использование подложных документов). В ходе обсуждения соответствующего вопроса представитель с должной степенью осмотрительности может обнаружить указанные факты и проголосовать в интересах государства, отступив от директивы, о чем требуется незамедлительно сообщить публично-правовому образованию с указанием мотивов такого отступления.

В качестве правовых последствий исследуемой проблематики предлагается общее правило: в случае голосования в органах корпоративной организации представитель государства освобождается от ответственности, если он действовал на основе выданной

директивы (рекомендации). Специальное правило предполагает оценку степени добросовестности поведения представителя публично-правового образования при участии в работе органов корпоративной организации на основе выданной директивы (при отклонении от нее или ее неисполнении; при ее отсутствии) с учетом фактических обстоятельств, в условиях которых принималось соответствующее решение.

6. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что вопросы директивной модели управления корпорациями в сфере ОПК требуют подробного их закрепления в корпоративном законодательстве. Акты государственных органов, формирующие позицию публично-правового образования в форме директив (рекомендаций) для их представителей в органах корпоративной организации, являются ключевым инструментом рассматриваемой модели управления, обеспечивающим реализацию политики государства в сфере ОПК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Радыгин А. Д. Экономико-правовые факторы и ограничения в становлении моделей корпоративного управления / А. Д. Радыгин, А. Е. Гонтмахер, И. В. Межероупс, М. Ю. Турунцева. – М. : ИЭПП, 2004. – 278 с.
2. Кондратьев В. Б. Основные факторы повышения эффективности корпоративного управления: зарубежный опыт и российские реалии / В. Б. Кондратьев // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2011. – № 4. – С. 78–89.
3. Соловьева С. В. Модели управления деятельностью некоммерческого юридического лица / С. В. Соловьева // Журнал российского права. – 2017. – № 3. – С. 73–81. – DOI: 10.12737/24851.
4. Костенко Е. П. Факторы формирования национальной модели HR-менеджмента / Е. П. Костенко // Journal of Economic Regulation. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 30–45. – DOI: 10.17835/2078-5429.2017.8.4.030-045.
5. Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. – М. : Статут, 2021. – 414 с.
6. Звягинцев П. С. Управление государственным имуществом: состояние и перспективы / П. С. Звягинцев // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2018. – № 6. – С. 115–129. – DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00077.
7. Осипенко О. В. Корпоративная конфликтология : моногр. / О. В. Осипенко. – М. : Статут, 2022. – 758 с.
8. Корпоративное право : учеб. / отв. ред. И. С. Шиткина. – 3-е изд., стер. – М. : КНОРУС, 2016. – 1080 с.
9. Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем : моногр. / В. А. Лаптев. – М. : Проспект, 2020. – 384 с. – DOI: 10.31085/9785392284238-2019-384.
10. Лаптев В. А. Модели обезличенного управления коммерческими корпорациями: правовые аспекты / В. А. Лаптев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13, вып. 2. – С. 378–395. – DOI: 10.21638/spbu14.2022.206.
11. Силова Е. С. Сравнительный анализ моделей корпоративного управления / Е. С. Силова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 32 : Экономика. – Вып. 34. – С. 104–107.
12. Дементьева А. Г. Модели корпоративного управления: опыт зарубежных стран и России / А. Г. Дементьева // Право и управление. XXI век. – 2008. – № 3. – С. 74–82.
13. Плотников В. А. Российский оборонно-промышленный комплекс как фактор обеспечения национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития / В. А. Плотников, А. В. Харламов // Экономика и управление. – 2017. – № 11. – С. 53–60.

14. Лаптев В. А. Цифровая трансформация инструментов управления современными корпорациями: состояние и пути развития / В. А. Лаптев, С. Ю. Чуча, Д. Р. Фейзрахманова // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 229–244. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).229-244.
15. Осипенко О. В. Статус члена совета директоров: физлицо или представитель участника хозяйственного общества / О. В. Осипенко // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 1. – С. 54–62.
16. Яковлев А. Ю. Правовые аспекты директивного голосования в управлении хозяйственными обществами (теория и практика) / А. Ю. Яковлев // Образование и право. – 2019. – № 2. – С. 230–235.
17. Лаптев В. В. Предмет и система хозяйственного права / В. В. Лаптев. – М. : Юридическая литература, 1969. – 175 с.
18. Петрович М.В. Партиципативная модель в современном управлении: методология и практика / М. В. Петрович // Экономика и управление. – 2016. – № 10 (132). – С. 51–56.
19. Симмонс Д. Как стать собственником: Американский опыт участия работников в собственности и управлении : пер. с англ. / Д. Симмонс, У. Мэрс ; ред. А. А. Воронков. – М. : Аргументы и факты, 1993. – 299 с.
20. Лаптев В. В. Акционерное право / В. В. Лаптев. – М. : Инфра-М : Контракт, 1999. – 254 с.
21. Волков А. Н. Формирование системы экономической устойчивости оборонных предприятий в современной российской экономике : дис. ... д-ра экон. наук / А. Н. Волков. – М., 2005. – 331 с.
22. Барков А. В., Соколов А. П. Устойчивое развитие оборонно-промышленного комплекса как элемент государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности / А. В. Барков, А. П. Соколов // Военное право. – 2020. – № 3 (61). – С. 10–19.
23. Шиткина И. С. Имущественная ответственность государства в корпоративных правоотношениях / И. С. Шиткина // Закон. – 2017. – № 5. – С. 171–182.
24. Кабанова И. Е. Ответственность публичных субъектов за действия представителя публичных интересов в органах управления корпорацией / И. Е. Кабанова // Гражданское право. – 2017. – № 1. – С. 12–14.
25. Жестеров П. В. Директивы: частное мнение представителя акционера или «индальгенция» от уголовной репрессии членов Совета директоров в компаниях с государственным участием? / П. В. Жестеров // Безопасность бизнеса. – 2020. – № 6. – С. 22–26.

REFERENCES

1. Radygin A.D., Gontmacher A.E., Mezheraups I.V., Turuntseva M.Yu. *Economic and legal factors and limitations in the formation of corporate governance models*. Moscow, Institute of Transition Economics Publ., 2004. 278 p. (In Russ.).
2. Kondratyev V.B. The cores faktor of increase of efficiency of corporate governance: foreign experience and the Russian realities. *Menedzhment i biznes-administrirovaniye = Management and Business Administration*, 2011, no. 4, pp. 78–89. (In Russ.).
3. Solovyova S.V. Governance Models of Non-Profit Organization's Activity. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 3, pp. 73–81. DOI: 10.12737/24851. (In Russ.).
4. Kostenko E.P. The Factors of Forming the National HR-Management Model. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki = Journal of Economic Regulation*, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 30–45. DOI: 10.17835/2078-5429.2017.8.4.030-045. (In Russ.).
5. Lomakin D.V. (ed.). *Twenty-five years of Russian joint stock law: problems, objectives, development prospects*. Moscow, Statut Publ., 2021. 414 p. (In Russ.).
6. Zvyagintsev P.S. State property management: status and prospects. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi Akademii Nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2018, no. 6, pp. 115–129. DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00077. (In Russ.).
7. Osipenko O.V. *Corporate conflictology*, Monograph. Moscow, Statut Publ., 2022. 758 p. (In Russ.).
8. Shitkina I.S. (ed.). *Corporate law*, Textbook, 3rd ed. Moscow, KNORUS Publ., 2016. 1080 p. (In Russ.).
9. Laptev V.A. *Corporate law: legal organization of corporate systems*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 384 p. DOI: 10.31085/9785392284238-2019-384. (In Russ.).
10. Laptev V.A. Models of “impersonal” management of commercial corporations: legal aspects. *Vesntik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2022, vol. 13, iss. 2, pp. 378–395. DOI: 10.21638/spbu14.2022.206. (In Russ.).

11. Silova E.S. Comparative analysis of corporate governance models. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 32: Economics, iss. 34, pp. 104–107. (In Russ.).
12. Dementieva A. Comparative analysis of corporate governance models in Russia and developed market economies. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Journal of Law and Administration*, 2008, no. 3, pp. 74–82. (In Russ.).
13. Plotnikov V.A., Kharlamov A.V. The Russian military-industrial complex as a factor of national security and sustainable socio-economic development. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2017, no. 11, pp. 53–60. (In Russ.).
14. Laptev V.A., Chucha S.Yu., Feyzrakhmanova D.R. Digital transformation of modern corporation management tools: the current state and development paths. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 229–244. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).229-244. (In Russ.).
15. Osipenko O.V. The status of a member of the board of directors: an individual or a company member representative. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki*, 2021, no. 1, pp. 54–62. (In Russ.).
16. Yakovlev A.Yu. Legal aspects of directive voting in governing the economic societies with state participation (theory and practice). *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2019, no. 2, pp. 230–235. (In Russ.).
17. Laptev V.V. *Subject and system of economic law*. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1969. 175 p. (In Russ.).
18. Petrovich M.V. Participatory model in modern management: methodology and practice. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2016, no. 10 (132), pp. 51–56. (In Russ.).
19. Simmons D., Mers W. *How to Become an Owner: American Experience of Employee Ownership and Management*. Moscow, Argumenty i fakty, 1993. 299 p. (In Russ.).
20. Laptev V.V. *Joint Stock Law*. Moscow, Infra-M Publ., Kontrakt Publ., 1999. 254 p. (In Russ.).
21. Volkov A.N. *Formation of the system of economic stability of defense enterprises in the modern Russian economy*, Doct. Diss. Moscow, 2005. 331 p. (In Russ.).
22. Barkov A.V., Sokolov A.P. Sustainable development of the defense-industrial complex as an element of state policy in the field of ensuring chemical and biological safety. *Voennoe pravo*, 2020, no. 3 (61), pp. 10–19. (In Russ.).
23. Shitkina I.S. Monetary liability of the state in corporate relations. *Zakon*, 2017, no. 5, pp. 171–182. (In Russ.).
24. Kabanova I.E. Liability of public entities for the actions of a public representative in corporate management bodies. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*, 2017, no. 1, pp. 12–14. (In Russ.).
25. Zhesterov P.V. Directives: a private opinion of a shareholder's representative or an indulgence of criminal repression for members of the board of directors in companies partially owned by the state?. *Bezopasnost' biznesa = Business Security*, 2020, no. 6, pp. 22–26. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лаптев Василий Андреевич – доктор юридических наук, главный научный сотрудник
Институт государства и права Российской академии наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10
E-mail: laptev.va@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6495-1599
ResearcherID: A-7888-2019
SPIN-код РИНЦ: 5776-0978; AuthorID: 364915

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лаптев В.А. Директивная модель управления корпорациями с участием государства в сфере оборонно-промышленного комплекса / В.А. Лаптев // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 136–145. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).136-145.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vasily A. Laptev – Doctor of Law, Chief Researcher
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka ul., Moscow, 119019, Russia
E-mail: laptev.va@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6495-1599
ResearcherID: A-7888-2019
RSCI SPIN-code: 5776-0978; AuthorID: 364915

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Laptev V.A. Directive model of corporation management with the participation of the state in the sphere of the military-industry complex. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 136–145. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).136-145. (In Russ.).

БОЛЕЗНЬ КАК УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА ВОССТАНОВЛЕНИЯ СРОКА ПРИНЯТИЯ НАСЛЕДСТВА

Е.А. Ходырева, П.М. Ходырев

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

26 октября 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Наследство, уважительная причина, восстановление срока, болезнь, наследники, COVID-19, опека / попечительство, недееспособность

На основе анализа правоприменительной практики, статистических данных, доктринальных суждений показаны особенности применения ст. 1155 Гражданского кодекса РФ. Посредством использования общенаучных (обобщение, анализ, синтез и др.) и частнонаучных методов (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.) доказано, что выяснение того, насколько та или иная болезнь действительно мешала своевременному осуществлению права наследования, представляет в ряде случаев значительную сложность. Поэтому судам необходимо учитывать совокупность факторов: характер заболевания, его длительность, условия лечения, прогноз развития заболевания, степень социальной адаптации наследника.

ILLNESS AS A VALID REASON FOR RESTORING THE TERM OF INHERITANCE ACCEPTANCE

Ekaterina A. Khodyreva, Pavel M. Khodyrev

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

Article info

Received –

2022 October 26

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Inheritance, valid reason, restoring the term, illness, heirs, COVID-19, guardianship, incapacity

The subject. Compliance with the term for the implementation of the inheritance rights for persons wishing to become successors of a deceased citizen is an important condition for acquiring rights to hereditary property. Nevertheless, frequently, owing to various reasons, citizens from among the heirs cannot comply with the procedure established by law, which, in most cases, engenders the need referring to the court with a inquire about extension of the deadline to recognize the right to inherited property. The court will be able to satisfy the stated requirements if there is a valid reason, which prevented the heir from exercising his right.

The purpose of the article. The authors dare to determine whether a disease, including a new coronavirus infection COVID-19, can be considered as a respectful reason for a recovery period for acceptance of the inheritance. The established objective has determined the need to solve the following tasks: (1) to analyze the legal reasoning of the disputed issue in the doctrine; (2) to study jurisprudence on the subject of the study; (3) to assess how fully the rules of Article 1155 of the Civil Code of the Russian Federation are applicable in relation to the citizens from whom it is potentially impossible to get out of a diseased state; (4) to offer our own perspective on the issue.

Research methods are systematic approach and formal legal analysis of doctrinal sources and the existing Russian legislation and law application practice.

The main results of a study. It is shown that not every painful condition can be regarded as a valid reason for restoring the term of inheritance acceptance under Article 1155 of the Civil Code of the Russian Federation. The existing science means do not allow us to formulate a final conclusion on the issue under study. Therefore, taking into account the evaluative nature of the rule applied, only the law enforcement body is able to make a decision, fully analyzing the relevant circumstances.

Conclusions. When considering cases on the restoration of the term of acceptance of inheritance due to illness, the courts need to take into account a combination of factors: the nature of the disease, its duration, treatment conditions, prognosis of the disease, the degree of social adaptation of the heir. The rules of Article 1155 of the Civil Code of the

Russian Federation regarding the establishment of a six-month period for applying to the court need to be revised. Their use is unjustified, and compliance is impossible in the event that a person's exit from a painful state is not expected, while due to the course of the disease, the heir is unable to declare his rights.

1. Введение

Одним из признаков права наследования как субъективного гражданского права является его срочный характер. Установление срока для реализации права необходимо в целях обеспечения стабильности и упорядоченности гражданских правоотношений, «ибо не может быть неопределенным тот период, в течение которого сохраняется состояние неизвестности по поводу субъектов, носителей прав и обязанностей, ранее принадлежавших наследодателю» [1, с. 110]. В то же время разные причины могут помешать субъекту осуществить право в установленные сроки, и состояние фактического бездействия субъекта, непринявшего наследство, вызванное рядом обстоятельств, может быть опровергнуто самим наследником при заявлении им требования о восстановлении срока принятия наследства и признании принявшим наследство.

2. Уважительные причины пропуска срока

По содержанию ст. 1155 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ для восстановления срока принятия наследства в судебном порядке требуется выполнение двух условий: 1) наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства или пропустил срок по другим уважительным причинам; 2) наследник обратился в суд в течение шести месяцев после того, как причины пропуска этого срока отпали. Как отмечают в литературе, словесная конструкция «не знал и не должен был знать» фиксирует обстоятельства субъективной или объективной добросовестности лица [2; 3, с. 506], определение которой составляет определенную сложность для судов. Верховный Суд РФ в одном из своих определений указал на необходимость тщательного оценивания всех выдвинутых стороной аргументов¹, не допуская тем самым формального под-

хода к определению характера причин, помешавших наследнику осуществить право.

Законодательно не определен перечень причин, признаваемых уважительными, что и невозможно сделать ввиду их разнообразия. Так, суды в качестве уважительных рассматривают: обнаружение завещания²; оспаривание завещания³; бездействие законного представителя, приведшее к пропуску срока принятия наследства⁴; несовершеннолетний возраст наследника⁵. Определение характера препятствующих реализации права наследования обстоятельств требует от суда учета различных факторов, что позволяет согласиться с А.В. Фиошиным в том, что уважительные причины пропуска срока – по сути оценочное понятие гражданского законодательства [4]. Отнесение понятия к числу оценочных важно, так как именно «оценочные понятия, с помощью которых компетентные органы в процессе решения юридических дел учитывают особенности рассматриваемого казуса, способствуют превращению в жизнь принципов справедливости, индивидуализации юридической ответственности и тем самым принципа гуманизма...» [5, с. 33]. Но применение оценочных понятий сопряжено и с определенным риском, так как «тождественные случаи того или иного поведения могут квалифицироваться по-разному» [6, с. 274]. И это требует от правоприменительного органа особой внимательности при оценке возникших обстоятельств на предмет их уважительности. И в этой связи важную роль будет играть юридическая наука, которая «должна системно заниматься вопросами правоприменительной политики» [7, с. 12], опосредующей «процессы реализации норм всех отраслей действующего права» [7, с. 7–8].

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 июля 2022 г. № 5-КГ22-50-К2. Здесь и далее судебные акты, если не указано иное, приводятся по базе «Судебные и нормативные акты РФ» (<https://sudact.ru>).

² См., напр.: Постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа № 44Г-47/2019 4Г-1100/2019 от 4 октября 2019 г. по делу № 2-2237/2018; Определение Ленинградского областного суда от 29 мая 2014 г. № 33-2245/2014.

³ См.: Апелляционное определение Самарского областного суда от 21 октября 2015 г. по делу № 33-11618/2015.

⁴ См.: п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2013 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.06.2014) (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 9); Решение Новочеркасского городского суда Ростовской области от 29 мая 2019 г. по делу № 2-1290/2019.

⁵ См.: Апелляционное определение Московского областного суда от 18 ноября 2015 г. по делу № 33-24259/2015.

Содержание оценочного понятия «уважительные причины» применительно к ст. 1155 ГК РФ несколько конкретизирует Верховный Суд РФ, предлагая учитывать два момента: 1) связанность обстоятельства с личностью истца (тяжелая болезнь, неграмотность, беспомощное состояние и т. п.); 2) невозможность принятия наследства в течение всего установленного срока⁶. Разъяснения высшей судебной инстанции, безусловно, как утверждает М.Ф. Лукьяненко, следует рассматривать как «основанный на обобщении и прогнозе судебной практики способ унифицированного преодоления относительной неопределенности содержания нормы» [8, с. 44], однако и в этом случае не всегда удается с достаточной степенью определенности сделать необходимый вывод, так как требуют отдельного уяснения указанные правоприменителем обстоятельства – тяжелая болезнь, неграмотность, беспомощное состояние и др.

3. Болезнь как уважительная причина

3.1. История вопроса

Если в настоящее время вопрос о возможности восстановления срока принятия наследства в силу уважительных причин решен на законодательном уровне, то такая ситуация не была характерна для ранее действующего законодательства. Еще Г.Ф. Шершеневич, анализируя положения Свода законов Российской империи, указывал на существенный пробел законодательства – «отсутствие какого-либо срока, до истечения которого наследник обязан решиться на принятие» [9, с. 683]. Ввиду этого не было необходимости и в рассмотрении вопроса о причинах и последствиях пропуска срока принятия наследства. По ГК РСФСР 1922 г., несмотря на установление продолжительности срока принятия наследства, не предусматривалась возможность его восстановления, с чем вполне были согласны цивилисты. Так, В.И. Серебровский указывал на необходимость четкого соблюдения установленного законом срока, поддерживая между тем идею Верховного Суда СССР о необходимости продления установленного законом срока при наличии особых обстоятельств, к числу которых относилась продолжительная болезнь [10, с. 190]. По ГК РСФСР 1964 г. возможность продления срока для принятия наследства при наличии уважительных причин уже предусматривалась в ст. 547. Как писал П.С. Никитюк, к случаям продления срока на принятие наследства применялись «общие критерии определения уважительности причин пропуска давностного

срока», среди которых была болезнь наследника [11, с. 185]. Следует обратить внимание, что продление срока, о котором речь шла ранее, отличается от восстановления срока, предусмотренного нормами действующего законодательства. Если в первом случае наследнику при продлении срока необходимо было завершить вопросы оформления прав на наследуемое имущество, обратившись к нотариусу, то при восстановлении срока суд одновременно определяет доли всех наследников и признаёт права на спорное имущество.

3.2. Теория

Болезнь как уважительная причина в одних случаях может препятствовать осознанию информации об открытии наследства, а в других – помешать наследнику принять наследство. Здесь вряд ли можно согласиться с мнением Т.Д. Чепиги о том, что тяжелая болезнь наследника относится к обстоятельствам, которые препятствовали «исполнению имеющегося у наследника намерения принять наследство» [12, с. 181]. Так, наличие тяжелого психического расстройства у наследника не позволит адекватно воспринять информацию о смерти гражданина и, как следствие, выразить волю на принятие наследства.

Обратившись к научной литературе, можно заметить, что причины пропуска срока принятия наследства, как правило, подробно не анализируются. До принятия Постановления Пленума № 9 нередко указывалось на тяжелую болезнь как уважительную причину пропуска срока принятия наследства (по аналогии со ст. 205 ГК РФ) [13]. Не так часто можно увидеть отдельные конкретизирующие высказывания относительно болезни как уважительной причины. Например, О.В. Мананников в качестве уважительной причины пропуска срока приводит нахождение лица «на карантине в больнице» [14, с. 231]. О.А. Рузакова болезнь называет уважительной причиной пропуска срока без указания каких-либо дополнительных квалифицирующих признаков (тяжелая, длительная и т. п.) [15]. А.С. Васильев, наоборот, болезненное состояние лица увязывает с тяжким недугом как уважительной причиной пропуска срока [16]. С.Г. Лиджиева определяет ряд состояний, которые могут объективно исключать своевременное принятие наследства: недееспособность; состояние комы; иные психические и физические расстройства [17]. Л.В. Лайко обращает внима-

⁶ Пункт 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной прак-

тике по делам о наследовании» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7; далее – Постановление Пленума № 9).

ние на период болезни, указывая, что «продолжительная болезнь» будет иметь для суда значение при рассмотрении спора [18]. Е.Г. Комиссарова занимает аналогичную позицию, определяя, что болезнь наследника длительное время станет уважительной причиной для восстановления срока [2]. На длительность болезни указывают также З. Гибадуллина и Е. Насртдинова [19]. Безусловно, длительность болезни важна, и по содержанию п. 40 Постановления Пленума № 9 она должна препятствовать принятию наследства «в течение всего установленного срока». Но сама по себе длительность болезни не может служить достаточным основанием для восстановления срока, поскольку если болезнь рассматривать как состояние организма, выраженное в нарушении его нормальной жизнедеятельности, то большинство людей на протяжении длительного периода или даже пожизненно оказываются в таком состоянии, но при этом достаточно успешно осуществляют гражданские права, исполняют обязанности. Поэтому требуется учитывать еще и тяжесть соответствующего заболевания, особенности течения и (или) лечения которого могут стать помехой к осознанию факта открытия наследства и необходимости принятия наследства либо сделать невозможным своевременное принятие наследства.

3.3. Практика

В судебной практике тяжелая болезнь увязана прежде всего с психическими заболеваниями, которые и рассматривают в качестве уважительной причины для восстановления срока, причем независимо от того, повлекли они признание лица недееспособным, ограниченно дееспособным или нет. Течение психического заболевания является длящимся и в большинстве случаев не предполагает выздоровление наследника в обозреваемый промежуток времени, а значит, возникает вопрос о том, как применять в подобной ситуации правила п. 1 ст. 1155 ГК РФ о необходимости обращения в суд в течение шести месяцев после того, как причины пропуска срока отпали. Суды в таких случаях восстанавливают срок независимо от того, как быстро в пределах шестимесячного срока наследник успел обратиться в суд. Так, суд учел факты наличия психического расстройства

на день открытия наследства и нахождения в стационаре в течение установленного шестимесячного срока, согласившись с необходимостью восстановления срока, не обращая внимание на своевременность обращения в суд⁷. Аналогично складывается ситуация для наследников, длительный характер болезни которых, не предполагающий выздоровления, подтверждается присвоением группы инвалидности с детства⁸. Стоит признать, что длительно протекающая болезнь без шансов на улучшение состояния, сопровождающаяся невозможностью восприятия социальной действительности, будет рассматриваться как уважительная причина и не повлечет необходимости для заинтересованного субъекта подтверждать выход из болезненного состояния и обращения в суд в течение шестимесячного срока. Условие о соблюдении этого срока привело бы к невозможности реализации права наследования и ограничивало бы права отдельных лиц. Следует полагать, что по содержанию сама правовая норма (ст. 1155 ГК РФ) рассчитана прежде всего на ситуации, предполагающие выздоровление гражданина, чего, к сожалению, не всегда можно добиться.

При назначении гражданину опекуна или попечителя именно эти лица, по мнению О.Ю. Шиловцова, должны надлежащим образом исполнять обязанности «по защите прав и интересов своих подопечных» [20], а значит, можно предположить, не должны допускать пропуска соответствующего срока. Если же срок все-таки оказывается пропущенным, то возможно ли в этом случае соблюсти установленный законом шестимесячный срок для обращения в суд? Так, иски опекунов с требованием о восстановлении срока принятия наследства заявляются достаточно часто, и соблюдение срока для обращения в суд в этом случае увязывается с поведением опекуна, который, узнав о факте открытия наследства, успевает обратиться за разрешением спора в шестимесячный срок не с момента отпадения уважительных причин, а с момента получения информации об открытии наследства⁹. Безусловно, установленный законом шестимесячный срок для обращения в суд призван стабилизировать гражданский оборот, способствовать необходимости скорей-

⁷ См., напр., Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 24 июля 2017 г. по делу № 33-15547/2017, Решение Интинского городского суда (Республика Коми) от 25 мая 2020 г. по делу № 2-360/2020.

⁸ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 3 февраля 2021 г. № 88-2337/2021.

⁹ См., напр., Апелляционное определение Московского городского суда от 30 марта 2021 г. по делу № 33-12717/2021, Решение Удорского районного суда (Республика Коми) от 19 января 2020 г. по делу № 2-46/2020.

шего разрешения ситуации с определением круга правопреемников. Но поскольку речь идет о праве наследования, имеющего имущественный характер, но тесно связанного с личностью его носителя, постольку необходимость соблюдения шестимесячного срока для обращения в суд при отпадении уважительных причин следует увязывать с поведением не законного представителя, а самого наследника. В противном случае неосуществление права законным представителем в силу различных причин (уважительных или неуважительных) и пропуск установленного законом шестимесячного срока для обращения в суд повлекло бы нарушение права наследника. Ненадлежащее исполнение законным представителем возложенной на него законом обязанности действовать в интересах подопечного не должно отрицательно сказываться на правах и интересах последнего. Следовательно, независимо от того, как своевременно законный представитель обратился в суд, вопрос о восстановлении срока вследствие наличия у наследника тяжелой болезни как уважительной причины должен быть решен в пользу такого наследника.

В судебной практике придают значение и болезненному состоянию законного представителя, который не смог принять наследство за подопечного. Так, в одном деле применительно к малолетнему наследнику суд восстановил срок для принятия наследства с указанием на то, что у законного представителя были заболевания, препятствовавшие своевременному совершению предписанных законом действий, направленных на получение наследства истцом¹⁰.

С.А. Слободян, рассуждая о последствиях пропуска срока принятия наследства, согласен с решениями судов, когда уважительной причиной признавали «не только болезнь самого истца, но и кого-либо из его родственников, за которым ему пришлось ухаживать» [21, с. 9]. Вряд ли к такому решению вопроса будут основания, поскольку в повседневной жизни субъект вынужден заниматься различными делами: работать, лечиться, за кем-то ухаживать и т. п., – что не мешает участию в гражданских правоотношениях. Болезнь как причина должна быть связана с лично-

стью самого наследника и стать препятствием получить информацию о смерти лица или предпринять необходимые действия, направленные на принятие наследства. Потому уход за больным человеком, как признал Верховный Суд РФ, не может рассматриваться в качестве уважительной причины¹¹. Неуважительной для суда будет и такая причина, когда субъект заявляет, что пропуск срока был обусловлен тяжелым состоянием здоровья родственника, который впоследствии умер, что повергло наследника в эмоциональные переживания¹².

Когда мы говорим о состоянии здоровья, то можно выделить две стадии в процессе протекания любого заболевания: стадия обострения и ремиссии. Заболевание в стадии ремиссии, т. е. стабилизированное состояние, даже если оно будет подтверждено группой инвалидности, само по себе не должно становиться уважительной причиной. В каком возрасте находилось в этом случае лицо – в пенсионном или нет – значения также не приобретает. Хотя судебная практика здесь противоречива. Есть решения, когда суд не считает пенсионный возраст и инвалидность лица уважительной причиной¹³. Но есть и обратные решения, когда возраст – 82 года – и инвалидность суд счел уважительной причиной¹⁴. Какой подход верный? Думается, что первый. Уважительность причин пропуска срока не связана с достижением конкретного возраста или с присвоением группы инвалидности. Эти факты должны быть сопряжены с дополнительными обстоятельствами, имеющими отношение к здоровью лица, свидетельствующими о том, что лицо было лишено возможности узнать об открытии наследства и (или) предпринять необходимые в связи с этим юридически значимые действия.

Факт наличия заболевания в острой стадии, безусловно, препятствует или затрудняет осуществление гражданином принадлежащих ему прав, но такие состояния, как правило, являются преходящими и могут быть квалифицированы в качестве кратковременных, не являющихся уважительной причиной для восстановления срока принятия наследства. И действительно, в практике можно увидеть судебные решения, когда нахождение на боль-

¹⁰ Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 23 марта 2021 г. по делу № 88-784/2021.

¹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 марта 2020 г. № 18-КГ19-178.

¹² Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 4 марта 2014 г. по делу № 33-1172/14.

¹³ Апелляционное определение Московского городского суда от 18 мая 2021 г. по делу № 33-18819/2021, 2-3007/2020.

¹⁴ Решение Шимановского районного суда (Амурская область) от 17 марта 2021 г. по делу № 2-60/2021.

ничном, подтверждающим состояние временной нетрудоспособности субъекта, суд счел неуважительной причиной¹⁵. Если же заболевание приобретает затяжной характер с периодическим нахождением лица в стационаре, то суд вправе придать такому состоянию характер уважительной причины¹⁶.

Болезненное состояние может привести человека к состоянию беспомощности, которая выступает самостоятельной причиной для восстановления срока принятия наследства. Категория «беспомощное состояние» – предмет изучения прежде всего науки уголовного права, так как беспомощное состояние является обстоятельством, отягчающим наказание (ст. 63 Уголовного кодекса РФ), и выступает «в качестве обязательного криминообразующего или квалифицирующего признака» [22, с. 4] ряда преступлений против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства личности, против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Но, несмотря на использование термина в различных статьях Уголовного кодекса РФ, его содержание существенно различается, что, по мнению К.А. Барышевой, делает актуальной задачу выработки единого понятия и признаков беспомощного состояния, что позволит «избежать неверного толкования норм закона» и будет способствовать установлению единообразной судебной практики [23, с. 118]. Однако с точки зрения ст. 1155 ГК РФ беспомощность состояния скорее выступает следствием болезненного состояния лица. Эти состояния, как правило, настолько переплетены, что отграничить их друг от друга невозможно. Так, в одном деле истец являлась пенсионером по старости, попала в ДТП и после травмы не могла самостоятельно передвигаться (только при помощи трости), выходить из дома и приобретать продукты питания. Суд восстановил срок для принятия наследства, указывая на беспомощное состояние истицы, которое не позволило ей самостоятельно в силу здоровья представить нотариусу доку-

менты, необходимые для принятия наследства¹⁷. Решение представляется спорным, поскольку принятие наследства – сделка, не требующая строго личного участия. По п. 1 ст. 1153 ГК РФ наследник может оформить доверенность на принятие наследства, переложив вопросы принятия и оформления наследства на представителя. Поэтому суду следовало бы уточнить в такой ситуации – насколько беспомощность состояния помешала наследнику воспользоваться правом назначить представителя.

4. COVID-19 как уважительная причина

Одной из актуальных причин для восстановления срока принятия наследства в относительно недавнее время была угроза распространения новой коронавирусной инфекции. Пандемия COVID-19, охватившая все континенты, отличалась от других эпидемий своими масштабами и глобальным воздействием на экономику многих стран [24, с. 110]. В науке отмечают, что с началом пандемии связано развитие «дистанционных услуг нотариата» [25], но именно в этот начальный период своевременное обращение к нотариусу с заявлением о принятии наследства оказалось не всегда выполнимой задачей. Граждане зачастую пропускали установленные законом сроки и вынуждены были обращаться в суд с заявлением об их восстановлении. При рассмотрении соответствующих дел суды в большинстве случаев удовлетворяли требования¹⁸, учитывая, тем не менее, ряд сопутствующих обстоятельств: установленную обязанность гражданина не покидать место проживания¹⁹, необходимость соблюдения антиковидных ограничений в целях прохождения лечения²⁰, соблюдение режима самоизоляции²¹, введение режима повышенной готовности на территории города и введение ограничений²², введение режима повышенной готовности, ограничивающего передвижение граждан²³, обязательность соблюдения режима самоизоляции, приостановление оказания государственных и иных услуг

¹⁵ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13 октября 2015 г. № 33-17159/2015.

¹⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 16 декабря 2019 г. по делу № 33-51853/2019.

¹⁷ Решение Чесменского районного суда (Челябинская область) от 15 июня 2021 г. по делу № 2-111/2021.

¹⁸ Решение Шигонского районного суда (Самарская область) от 5 июля 2021 г. по делу № 2-378/2021.

¹⁹ Решение Сортавальского городского суда (Республика Карелия) от 13 июля 2020 г. по делу № 2-645/2020.

²⁰ Решение Ленинского районного суда г. Новороссийска (Краснодарский край) от 20 июля 2020 г. по делу № 2-609/2020.

²¹ См., напр., Решение Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону (Ростовская область) от 6 июля 2020 г. по делу № 2-2004/2020.

²² См., напр., Решение Наро-Фоминского городского суда (Московская область) от 9 июля 2020 г. по делу № 2-1810/2020, Решение Неклиновского районного суда (Ростовская область) от 16 ноября 2020 г. по делу № 2-1287/2020.

²³ Решение Сортавальского городского суда (Республика Карелия) от 13 июля 2020 г. по делу № 2-645/2020.

в многофункциональных центрах, иных организациях²⁴, санитарные ограничения²⁵.

Однако даже в этот сложный период вопрос об уважительности причин пропуска срока необходимо было решать с учетом всего комплекса фактических обстоятельств. Если наследник вследствие санитарно-эпидемиологической обстановки попадает в режим действия ограничительных мер, то само по себе это обстоятельство не лишает его возможности участия в гражданских правоотношениях. Нахождение лица на карантине или самоизоляции в течение 14 дней также не могло считаться самостоятельной причиной для восстановления срока, поскольку лицу предоставляется немалой продолжительности, как правило, шестимесячный срок, в который вполне можно уложиться и успеть выразить волеизъявление. Так, в одном деле суд указал, что даже с учетом введенных ограничительных мер истица могла подать заявление о принятии наследства²⁶. В другом деле суд также, учитывая момент смерти гражданина и период, на который были установлены ограничения в связи с COVID-19, не посчитал возможным восстановить срок для принятия наследства ввиду наличия реальной возможности для совершения такого действия до введения ограничений²⁷. Действительно, если открытие наследства приходится на

12 сентября 2019 г., то к моменту введения ограничительных мер (конец марта 2020 г.) срок для принятия наследства уже истек, а значит наследник должен был успеть обратиться к нотариусу, и оснований для восстановления срока по причине санитарных ограничений из-за COVID-19 суд не должен был усмотреть, как это было сделано в одном деле²⁸.

5. Вывод

Таким образом, можно сказать, что в большинстве случаев болезнь наследника суды считают уважительной причиной для восстановления срока принятия наследства. Но чисто механический подход, основанный на констатации факта инвалидности, пенсионного возраста, наличия хронического заболевания, сложной эпидемиологической ситуации, не должен возобладать. Обязательному учету подлежит характер заболевания, его длительность, условия лечения, прогноз развития заболевания, степень социальной адаптации наследника. В пересмотре нуждаются правила ст. 1155 ГК РФ в части установления шестимесячного срока для обращения в суд. Их применение неоправдано, а соблюдение невозможно в том случае, когда выход лица из болезненного состояния не предполагается, а в силу течения болезни наследник не способен заявить о принятии наследства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России / Е. А. Ходырева. – М. : Статут, 2022. – 386 с.
2. Комиссарова Е. Г. Проблемы правоприменительного толкования правил ГК РФ о восстановлении срока на принятие наследства / Е. Г. Комиссарова // Наследственное право. – 2019. – № 2. – С. 29–33.
3. Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности / В. Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 3 (45). – С. 490–518. – DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-490-518.
4. Фиошин А. В. Оценочные понятия в нормах о принятии и разделе наследства / А. В. Фиошин // Нотариус. – 2016. – № 1. – С. 34–37.
5. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук / Т. В. Кашанина. – Свердловск, 1974. – 158 с.

²⁴ См., напр., Решение Глазовского районного суда (Удмуртская Республика) от 27 июля 2020 г. по делу № 2-1279/2020, Решение Дзержинского городского суда (Нижегородская область) от 24 июля 2020 г. по делу № 2-2487/2020, Решение Миллеровского районного суда (Ростовская область) от 29 июля 2020 г. по делу № 2-970/2020, Решение Ленинского районного суда г. Барнаула (Алтайский край) от 2 июля 2020 г. по делу № 2-1198/2020.

²⁵ Решение Благовещенского городского суда (Амурская область) от 19 октября 2020 г. по делу № 2-6073/2020.

²⁶ Решение Старооскольского городского суда (Белгородская область) от 24 сентября 2020 г. по делу № 2-2636/2020.

²⁷ См., напр., Решение Ухтинского городского суда (Республика Коми) от 14 июля 2020 г. по делу № 2-2248/2020, Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 25 февраля 2021 г. № 33-5836/2021 по делу № 2-2940/2020.

²⁸ Решение Чердаклинского районного суда (Ульяновская область) от 30 июля 2020 г. по делу № 2-2245/2020.

6. Чеговадзе Л. А. Действия по реализации гражданского права в форме использования / Л. А. Чеговадзе, Т. В. Дерюгина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – Вып. 2 (56). – С. 268–280. – DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-268-280.
7. Малько А. В. Правоприменительная политика: понятие, содержание, назначение / А. В. Малько, В. А. Рудковский // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 3. – С. 5–14. – DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(3).5-14.
8. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М. Ф. Лукьяненко. – М., 2010. – 53 с.
9. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – Тула : Автограф, 2001. – 720 с.
10. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В. И. Серебровский. – М. : Статут, 2003. – 558 с.
11. Никитюк П. С. Наследственное право и наследственный процесс / П. С. Никитюк. – Кишинев : Штиинца, 1973. – 258 с.
12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / отв. ред. Л. П. Ануфриева. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 656 с.
13. Ярошенко К. Б. Вопросы применения законодательства о наследовании (о сроках принятия наследства) / К. Б. Ярошенко // Комментарий судебной практики. – М. : Юридическая литература, 2002. – Вып. 8. – С. 3–14.
14. Мананников О. В. Наследственное право России : учеб. пособие / О. В. Мананников. – М. : Дашков и К°, 2004. – 356 с.
15. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2011. – 311 с.
16. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации : учеб.-практ. : Части первая, вторая, третья, четвертая : постат. / под ред. С. А. Степанова. – М. : Проспект ; Екатеринбург : Ин-т част. права, 2009. – 1504 с.
17. Лиджиева С. Г. Ограничение, утрата и восстановление наследственных прав: общее и различное / С. Г. Лиджиева // Наследственное право. – 2017. – № 3. – С. 11–13.
18. Лайко Л. В. Приобретение наследства, принятие наследства и вступление в наследство: о терминологии в наследственном праве, доктрине и практике / Л. В. Лайко // Наследственное право. – 2008. – № 2. – С. 17–25.
19. Гибадуллина З. Принятие наследства после истечения срока / З. Гибадуллина, Е. Насртдинова // Жилищное право. – 2020. – № 11. – С. 47–53.
20. Шиловост О. Ю. К вопросу о причинах пропуска срока принятия наследства, признаваемых судом уважительными при восстановлении этого срока (ч. 1 ст. 547 ГК РСФСР, п. 1 ст. 1155 ГК РФ) / О. Ю. Шиловост // Комментарий судебной практики. – М. : Юридическая литература, 2005. – Вып. 11. – С. 40–57.
21. Слободян С. А. Сроки для принятия наследства и последствия их пропуска / С. А. Слободян // Бюллетень нотариальной практики. – 2007. – № 4. – С. 6–10.
22. Шидула И. Р. Уголовно-правовая охрана прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии (российский и зарубежный опыт) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. Р. Шидула. – М., 2021. – 38 с.
23. Барышева К. А. Коллизии определения наличия признака беспомощности потерпевшего в некоторых составах преступлений / К. А. Барышева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 118–128. – DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.118.128.
24. Zimneva S. Legal Definition of Irresistible Force in the Civil Law of Russia and China / S. Zimneva, T. Popova, H. Siao // BRICS Law Journal. – 2021. – Vol. VIII, iss. 3. – P. 93–120. – DOI: 10.21684/2412-2343-2021-8-3-93-120.
25. Кириллова Е. А. К вопросу о расширении полномочий нотариуса в условиях цифровизации / Е. А. Кириллова // Нотариус. – 2022. – № 2. – С. 31–33.

REFERENCES

1. Khodyreva E. A. *The right of inheritance in the civil law of Russia*. Moscow, Statut Publ., 2022. 386 p. (In Russ.).
2. Komissarova E.G. Issues of the law enforcement interpretation of rules of the Civil Code of the Russian Federation for resetting of the inheritance acceptance period. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2019, no. 2, pp. 29–33. (In Russ.).

3. Golubtsov V.G. Subjective Good Faith in the Structure of the General Concept of Good Faith. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2019, iss. 3 (45), pp. 490–518. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-490-518. (In Russ.).
4. Fioshin A.V. Estimating concepts of rules on acceptance and partition of inheritance. *Notarius = Notary*, 2016, no. 1, pp. 34–37. (In Russ.).
5. Kashanina T.V. *Evaluative concepts in Soviet law*, Cand. Diss. Sverdlovsk, 1974. 185 p. (In Russ.).
6. Chegovadze L.A., Deryugina T.V. Actions on the Implementation of a Civil Right in the Form of Use. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2022, iss. 2 (56), pp. 268–280. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-268-280. (In Russ.).
7. Malko A., Rudkovsky V. Law enforcement policy: notion, content, purpose. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 5–14. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(3).5-14. (In Russ.).
8. Luk'yanenko M.F. *Evaluative concepts of civil law: theoretical and legal analysis and practice of law enforcement*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2010. 53 p. (In Russ.).
9. Shershenevich G.F. *Civil law course*. Tula, Avtograf Publ., 2001. 720 p. (In Russ.).
10. Serebrovskii V.I. *Selected works on inheritance and insurance law*. Moscow, Statut Publ., 2003. 558 p. (In Russ.).
11. Nikityuk P.S. *Inheritance law and inheritance process*. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1973. 258 p. (In Russ.).
12. Anufrieva L.P. (ed.). *Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part Three (article by article)*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2004. 656 p. (In Russ.).
13. Yaroshenko K.B. Questions of the application of inheritance legislation (on the timing of inheritance acceptance), in: *Kommentarii sudebnoi praktiki*, Iss. 8, Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 2002, pp. 3–14. (In Russ.).
14. Manannikov O.V. *Inheritance law of Russia*, Textbook. Moscow, Dashkov i K° Publ., 2004. 356 p. (In Russ.).
15. Krashennnikov P.V. (ed.). *Article-by-article commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part Three*. Moscow, Statut Publ., 2011. 311 p. (In Russ.).
16. Stepanov S.A. (ed.). *Commentary to the Civil Code of the Russian Federation (educational and practical). Parts One, two, three, four (article by article)*. Moscow, Prospekt Publ., Yekaterinburg, Institute for Private Law Publ., 2009. 1504 p. (In Russ.).
17. Lidzhieva S.G. Limitation, forfeiture and restoration of inheritance rights: common and special. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2017, no. 3, pp. 11–13. (In Russ.).
18. Laiko L.V. Acquisition of inheritance, acceptance of inheritance and entry into inheritance: on terminology in inheritance law, doctrine and practice. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2008, no. 2, pp. 17–25. (In Russ.).
19. Gibadullina Z., Nasrtdinova E. Acceptance of inheritance after expiration. *Zhilishchnoe pravo*, 2020, no. 11, pp. 47–53. (In Russ.).
20. Shilohvost O.Yu. To the question of the reasons for missing the deadline for accepting inheritance recognized by the court as valid when restoring this period (Part 1 of Article 547 of the Civil Code of the RSFSR, paragraph 1 of Article 1155 of the Civil Code of the Russian Federation), in: *Kommentarii sudebnoi praktiki*, Iss. 11, Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 2005, pp. 40–57. (In Russ.).
21. Slobodyan S.A. Terms for acceptance of inheritance and consequences of their omission. *Byulleten' notarial'noi praktiki = Bulletin Of Notary Practice*, 2007, no. 4, pp. 6–10. (In Russ.).
22. Shikula I.R. *Criminal-legal protection of the rights and freedoms of the victim, who is in a helpless state (Russian and foreign experience)*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2021. 38 p. (In Russ.).
23. Barysheva K. Collisions in Legal Interpreting the Victim Helplessness Signs in Different Crimes. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2016, no. 4, pp. 118–128. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.118.128. (In Russ.).
24. Zimneva S., Popova T., Siao H. Legal Definition of Irresistible Force in the Civil Law of Russia and China. *BRICS Law Journal*, 2021, vol. 8, iss. 3, pp. 93–120. DOI: 10.21684/2412-2343-2021-8-3-93-120.
25. Kirillova E.A. On the broadening of notary's powers in the conditions of digitalization. *Notarius = Notary*, 2022, no. 2, pp. 31–33. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ходырева Екатерина Александровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права
Удмуртский государственный университет
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1/4
E-mail: eay.07@mail.ru
ResearcherID: A-9297-2020
ORCID: 0000-0001-6767-2387
SPIN-код РИНЦ: 7912-3874

Ходырев Павел Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
Удмуртский государственный университет
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1/4
E-mail: uyl@udm.ru
ORCID: 0000-0002-9410-1106
SPIN-код РИНЦ: 3337-1746

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ходырева Е.А. Болезнь как уважительная причина восстановления срока принятия наследства / Е.А. Ходырева, П.М. Ходырев // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 146–155. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).146-155.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ekaterina A. Khodyreva – Doctor of Law, Associate Professor; Professor, Department of Civil Law
Udmurt State University
1/4, Universitetskaya ul., Izhevsk, 426034, Russia
E-mail: eay.07@mail.ru
ResearcherID: A-9297-2020
ORCID: 0000-0001-6767-2387
RSCI SPIN-code: 7912-3874

Pavel M. Khodyrev – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Civil Law
Udmurt State University
1/4, Universitetskaya ul., Izhevsk, 426034, Russia
E-mail: uyl@udm.ru
ORCID: 0000-0002-9410-1106
RSCI SPIN-code: 3337-1746

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Khodyreva E.A., Khodyrev P.M. Illness as a valid reason for restoring the term of inheritance acceptance. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 146–155. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).146-155. (In Russ.).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕДИЦИНСКИХ ОСМОТРОВ РАБОТНИКОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ДВИЖЕНИЕ ТРАНСПОРТА*

Ю.И. Клепалова¹, О.В. Щербакова²

¹ *Российский государственный университет правосудия, Северо-западный филиал, г. Санкт-Петербург, Россия*

² *Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

25 ноября 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Медицинские осмотры, работники транспорта, воздушный транспорт, железнодорожный транспорт, водный транспорт, внеуличный транспорт, цифровая трансформация, мобилизация

Анализируется правовое регулирование порядка проведения медицинских осмотров работников, чья деятельность связана с движением транспорта. Особое внимание уделяется отсутствию единообразия в нормативных актах, регулирующих данный вопрос: работники различных видов транспорта должны проходить медицинский осмотр в различном порядке и с использованием различных технологий и способов, что вряд ли является оправданным. Отмечается, что действующее правовое регулирование не учитывает появление и активное развитие высокоскоростного транспорта – не устанавливает повышенные требования к работникам в данной сфере. Делается вывод о необходимости фиксации дополнительного основания направления работников, связанных с движением транспорта, на внеочередной медицинский осмотр – участие в мобилизации.

CURRENT TRENDS IN MEDICAL EXAMINATIONS OF TRAFFIC-RELATED WORKERS**

Yuliya I. Klepalova¹, Olesya V. Shcherbakova²

¹ *Russian State University of Justice, North-Western Branch, St. Petersburg, Russia*

² *Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia*

Article info

Received –

2022 November 25

Accepted –

2023 October 10

Available online –

2023 December 20

Keywords

Medical examinations, transport workers, air transport, railway transport, water transport, off-street transport, digital transformation, mobilization

The subject of this study is the legal norms that establish the list of subjects to undergo compulsory medical examination, factors to be assessed during medical examination, as well as the procedure of medical examinations. The article is dedicated to the major aspects of the legal regulation of the procedure for medical examinations of workers engaged in the transportation.

The purpose of the study is to identify trends in the legal regulation of medical examinations of workers engaged in the transportation, including those caused by the introduction of digitalization in these processes.

Methodology. The empirical study consists of several stages. At the first stage, there was a sampling of types of transportation: road, railroad, water transportation and mass rapid transit. In the framework of the second stage the legislation regulating medical examinations of workers employed in these types of transport was analyzed using systemic, formal-legal and comparative-legal methods.

The results of the study show that to date the legal regulation of the procedure of medical examinations using telemedicine technologies is being formed in some types of transportation. At the same time, the methods of medical examinations, indicators and psycho-traumatic factors have not been adjusted to the examination with digital technologies.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева в рамках реализации проекта научной группы № 0402/2023.

** The study was supported by the Ural State Law University (grant for research project of academic group, No. 0402/2023).

Conclusions. There is a need for a differentiated approach to the legal regulation of medical examination of workers engaged in the transportation, depending on the type of transport. The authors draw attention to the outdated legal regulation of certain issues. For example, the list of professions of the ship staff of marine and inland water transport, the instruction on compulsory and periodic medical examinations was approved in 1989, and was canceled over 10 years ago. In connection with the growing interest in the development of high-speed railroad transportation, we believe that the regulations governing medical examinations of workers engaged in the transportation should be revised due to the need to include special norms establishing special studies or additional procedures required for admission to work in high-speed transportation. In addition, the authors suggest that employers should be granted the right to send their employees engaged in the transportation, whose employment contract has been suspended on the basis of the military service selection under mobilization of the Armed Forces of the Russian Federation, to take special medical examinations.

1. Введение

Стирание пространственных границ между населенными пунктами связано, в первую очередь, с развитием транспортной инфраструктуры и увеличением скорости движения транспортных средств. Всё это обуславливает повышенные требования к качеству правового регулирования данной сферы, ужесточая требования к проведению медицинских осмотров работников, связанных с движением транспорта. Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих, в том числе связанная с использованием источника повышенной опасности (транспорта), обязывает осуществляющих ее лиц к особой осторожности и осмотрительности, поскольку многократно увеличивает риск причинения вреда третьим лицам, что обуславливает введение правил, возлагающих на владельцев источников повышенной опасности – по сравнению с лицами, деятельность которых с повышенной опасностью не связана¹. Таким образом, любые вопросы, связанные с правовым регулированием движения транспорта, являются важными и актуальными в практической плоскости.

Общественные отношения, возникающие в сфере транспорта, представляют собой многоаспектное явление, регулируемое различными отраслями

права. Так, в трудовом праве устанавливаются требования к проведению медицинских осмотров работников, обеспечивающих движение транспорта. Всех работников, обеспечивающих движение транспорта, можно условно объединить в несколько групп в зависимости от видов транспорта. Так, на горизонтальном «срезе» можно выделить различные виды транспорта по критерию среды (воздушный, наземный, подземный, водный), по критерию наличия сопровождающего наблюдения – его наличие (диспетчер воздушного транспорта, а также части наземного, подземного и водного) или отсутствие (например, у водителей, работающих в такси). Кроме того, в нормативных правовых актах отдельно выделяется внеуличный транспорт, к которому относятся метрополитен, монорельсовый транспорт, транспортная подвесная канатная дорога, транспортный фуникулер². Это далеко не исчерпывающая классификация, которая дополняется категориями должностей и профессий работников, участвующих в движении данного транспорта³.

2. Обзор литературы

В настоящее время в науке трудового права отсутствует комплексное исследование правового регулирования порядка проведения медицинских осмотров работников, связанных с движением различных видов транспорта. В отдельных исследова-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10 марта 2017 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.С. Аринушенко, Г.С. Бересневой и других». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10032017-n-6-p-po/> (дата обращения: 05.09.2023).

² Статья 4 Федерального закона от 29 декабря 2017 г. № 442-ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СПС «Консультант Плюс»).

³ Постановление Правительства РФ от 30 июля 2004 г. № 395 «Об утверждении Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

ниях проводится анализ правового статуса работников в зависимости от вида транспорта (например, работников железнодорожного транспорта [1–3]), обоснование необходимости проведения медицинских осмотров работников транспорта [4–8], либо вопросов, связанных с внедрением цифровизации в указанные процессы [9–14]. Делается вывод о коллизии правовых норм по причине огромного пласта подзаконных нормативных актов различных ведомств и министерств [15; 16].

Во многих современных исследованиях большое внимание уделяется вопросам внедрения телемедицинских технологий, в том числе и в сферу труда. Необходимо отметить, что современные исследования в части влияния цифровизации на проведение медицинских осмотров работников транспорта в целом положительно оценивают последствия замены врачей на современные технологии в контексте экономии финансовых ресурсов работодателя [17; 18]. Вместе с тем ряд исследований (напр., [19]) посвящен выявлению технических и операционных факторов, снижающих достоверность оценки состояния водителя: вопрос идентификации пользователя, самостоятельное использование водителями бесконтактных термометров, отсутствие методов и средств выявления наличия наркотических и психотропных веществ, нарушающих функциональное состояние, невозможность определить психоэмоциональное состояние водителя без личного контакта с врачом. Отсутствие возможности при помощи цифровых технологий обнаружить и измерить уровень концентрации наркотических и психотропных веществ, нарушающих функциональное состояние, подтверждается исследованиями как отечественных ученых [20], так и зарубежных [21].

3. Правовое регулирование проведения медицинских осмотров работников

При правовом регулировании порядка проведения медицинских осмотров работников, связанных с движением транспорта, общей нормой выступает ч. 1, 3 ст. 220 Трудового кодекса РФ⁴, согласно которой работники, занятые на работах, связанных с

движением транспорта, проходят обязательные предварительные (при поступлении на работу) и периодические (в течение трудовой деятельности, для лиц в возрасте до 21 года – ежегодные) медицинские осмотры для определения пригодности этих работников для выполнения поручаемой работы и предупреждения профессиональных заболеваний. При этом для отдельных категорий работников могут также устанавливаться обязательные предсменные (предрейсовые), послесменные (послерейсовые) медицинские осмотры, медицинские осмотры в течение рабочего дня (смены), а также медицинские осмотры перед выполнением отдельных видов работ. Целью медицинских осмотров в ведомственном здравоохранении является динамическое наблюдение за состоянием здоровья, предупреждение осложнений, сохранение трудоспособности в условиях применения интенсивных технологий на транспорте, что увеличивает требования к состоянию здоровья [22, с. 100; 23, с. 102].

С учетом специфики каждого вида транспорта разработана и действует соответствующая нормативная база, регулирующая прохождение медицинских осмотров водителей транспортных средств. Однако если для подавляющего числа видов транспорта в 2020–2021 гг. она была обновлена, то порядок прохождения предсменных (предрейсовых) и послесменных (послерейсовых) медицинских осмотров работников автомобильного и внеуличного транспорта по-прежнему регламентируется нормативным актом 2014 г., а список профессий плавающего состава морского и речного транспорта, инструкция о проведении обязательных и периодических медицинских осмотров были утверждены в 1989 г.⁵, а отменены в 2012 г., с тех пор специальное нормативное регулирование отсутствует. Фактически плавающий состав морского и речного транспорта проходит предварительный и периодический медицинский осмотр, руководствуясь общим порядком проведения медицинских осмотров работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда⁶.

⁴ Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Приказ Министерства здравоохранения СССР от 6 сентября 1989 г. № 511 «Об улучшении организации медико-санитарного обеспечения работников морского, речного флота и рыбного хозяйства». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902359259> (дата обращения: 05.10.2022).

⁶ Приказ Министерства здравоохранения РФ «Об утверждении Порядка проведения обязательных предвари-

тельных и периодических медицинских осмотров работников, предусмотренных частью четвертой статьи 213 Трудового кодекса Российской Федерации, перечня медицинских противопоказаний к осуществлению работ с вредными и (или) опасными производственными факторами, а также работам, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры» // СПС «Консультант Плюс».

4. Возможность применения телемедицинских технологий при проведении медицинских осмотров

Далее представляется необходимым проанализировать современные тенденции порядка прохождения медицинских осмотров работников транспорта, которые уже становились предметом научного исследования [24], но внимание которым в научной литературе еще не достаточно.

С одной стороны, в 2017 г. было осуществлено закрепление правовых основ оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий⁷. С другой стороны, на законодательном уровне отсутствует перечень видов медицинской деятельности, в рамках реализации которых применение телемедицинских технологий было бы запрещено либо ограничено, либо перечень видов медицинской деятельности, в которых данные технологии возможно использовать. Вследствие вышеизложенного отдельные виды медицинской деятельности подвергаются контролю на предмет возможности применения в связи с их осуществлением телемедицинских технологий.

Так, предрейсовые медицинские осмотры работников автомобильного, внеуличного, железнодорожного и авиационного транспорта проводятся с целью выявления: состояний и заболеваний, препятствующих выполнению трудовых обязанностей, признаков алкогольного, наркотического или иного ток-

сического опьянения⁸. Выяснить указанные обстоятельства возможно только путем установления соответствующих изменений физиологических и других показателей жизнедеятельности организма человека. Следовательно, использование телемедицинских технологий не может препятствовать постановке правильных диагнозов, однако не позволяет выявить наличие психотравмирующих ситуаций и факторов, ухудшающих работоспособность [25], установление которых предполагается в ходе проведения предрейсового медицинского осмотра работников железнодорожного транспорта, которые осуществляют производственную деятельность, непосредственно связанную с движением поездов и маневровой работой, что не отвечает требованиям обеспечения транспортной безопасности и может осуществляться только медицинским работником.

Вслед за предоставлением возможности проведения медицинских осмотров водителей автомобилей с использованием медицинских изделий, обеспечивающих автоматизированную дистанционную передачу информации о состоянии здоровья работников⁹, появилась возможность проведения предполетных (предсменных) медицинских осмотров работников авиационного транспорта (члена экипажа воздушного судна или диспетчера управления воздушным движением)¹⁰, однако в случае их несогласия с результатами автоматизированного

⁷ Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» были внесены изменения в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в части регулирования телемедицинских технологий. В Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» была включена отдельная ст. 36.2 «Особенности медицинской помощи, оказываемой с применением телемедицинских технологий». Также в п. 22 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» была закреплена дефиниция «телемедицинские технологии»: информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультации, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента. С целью регламентации вопросов механизма применения телемедицинских технологий Прика-

зом Министерства здравоохранения Российской Федерации № 965н от 30 ноября 2017 г. был утвержден Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

⁸ Пункт 2 Приказа Министерства здравоохранения РФ «Об утверждении Порядка проведения предсменных, предрейсовых и послесменных, послерейсовых медицинских осмотров» от 15 декабря 2014 г. № 835н (СПС «Гарант»).

⁹ Приказ Минздрава России от 30 мая 2023 г. № 266н «Об утверждении Порядка и периодичности проведения предсменных, предрейсовых, послесменных, послерейсовых медицинских осмотров, медицинских осмотров в течение рабочего дня (смены) и перечня включаемых в них исследований» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202306010013.

¹⁰ Приказ Министерства транспорта РФ от 10 декабря 2021 г. № 438 «Об утверждении Порядка проведения предполетного и послеполетного медицинских осмотров членов экипажа гражданского воздушного судна, а также предсменного и послесменного медицинских осмотров диспетчеров управления воздушным движением» // СПС «Гарант».

медицинского осмотра повторный медицинский осмотр проводится медицинским работником.

Проведение предрейсовых (предсменных) и послерейсовых (послесменных) медицинских осмотров с использованием медицинских изделий, обеспечивающих автоматизированную дистанционную передачу информации о состоянии здоровья работников и дистанционный контроль состояния их здоровья, станет вскоре возможным на железнодорожном транспорте общего пользования (до 2017 г. только в качестве эксперимента)¹¹. Однако, в отличие от авиационного транспорта, где допускается проведение предполетных (предсменных) медицинских осмотров членов летного экипажа и диспетчеров управления воздушным движением с использованием программно-аппаратных комплексов, на железнодорожном транспорте проведение «дистанционных» медицинских осмотров не допускается в отношении работников, выполняющих работы, непосредственно связанные с управлением железнодорожным подвижным составом, осуществляющим перевозку пассажиров, а также опасных грузов. Подобная позиция законодателя представляется нам, с одной стороны, более взвешенной и обоснованной, поскольку обязательными станут и послерейсовые осмотры, что, несомненно, будет дисциплинировать работников, находящихся в рейсе, из перечня обследуемых в таком порядке исключены машинисты и их помощники, осуществляющие перевозку пассажиров и опасных грузов (взрывчатых веществ, ядовитых газов, радиоактивных веществ и т. д.), благопо-

лучное состояние здоровья которых при осуществлении перевозок позволит исключить непоправимые последствия для общества¹². С другой стороны, полагаем, что такое законодательное регулирование не в должной мере защищает интересы работодателей – предприятия железнодорожного транспорта и государства, поскольку работники, осуществляющие грузовое движение и вышедшие в рейс в состоянии, не обеспечивающем готовность к надлежащему выполнению трудовых обязанностей, могут своими действиями причинить значительный ущерб грузоотправителям, перевозчику, а также окружающей среде и обществу, не сопоставимый с экономией средств, затрачиваемых на организацию «очных» медицинских осмотров. Учитывая непродолжительный период возможности применения телемедицинских технологий, в том числе при проведении медицинских осмотров¹³, полагаем, что к настоящему времени еще не могла быть выработана эффективная методика проведения осмотров, а также критерии их проведения¹⁴.

5. Переход к скоростному и высокоскоростному транспорту

Курс на переход железнодорожного транспорта к скоростному и высокоскоростному движению¹⁵ в настоящее время вновь приобрел актуальность¹⁶. С вводом в эксплуатацию новых магистралей ожидаемо увеличится в разы число машинистов и их помощников, к которым предъявляются повышенные требования в сфере охраны труда и соблюде-

¹¹ Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 25 Федерального закона “О железнодорожном транспорте в Российской Федерации”» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202306130026.

¹² Правила перевозок опасных грузов по железным дорогам, утвержденные на 15-м заседании Совета по железнодорожному транспорту (в редакции с изменениями и дополнениями, утвержденными протоколами заседаний Совета от 23.11.07, 30.05.08, 22.05.09). URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/7/827> (дата обращения: 21.08.2023).

¹³ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Из результатов опросов работников железнодорожного транспорта следует, что многие считают такой способ проведения медицинских осмотров как ставящий под угрозу безопасность движения железнодорожного транспорта, подробнее см.: Войцеховский А. Врачи РЖД подсматри-

вают за всеми, кроме машинистов. Экономия или угроза безопасности: разбираем закон, обязывающий железнодорожников проходить медосмотры на удалёнке // Vgudok. 2023. 30 июля. URL: <https://vgudok.com/light/vrachi-rzhd-podsmatrivayut-za-vsemi-krome-mashinistov-ekonomiya-ili-ugroza-bezopasnosti> (дата обращения: 21.08.2023); Максимов В. Машинисты РЖД останутся без жён. Дистанционный предрейсовый медосмотр: шаг в будущее или удар по железнодорожным семьям? // Vgudok. 2021. 26 сент. URL: <https://vgudok.com/reforma/mashinisty-rzhd-ostanutsya-bez-zhyon-distancionnyy-predreysovyy-medosmotr-shag-v-budushchee> (дата обращения: 21.08.2023).

¹⁵ Стратегия развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 июня 2008 г. № 877-р. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/1/1010> (дата обращения: 21.08.2023).

¹⁶ Калинина Н. Со скоростью ветра: Путин дал старт строительству высокоскоростных магистралей в разные точки страны // ФедералПресс. 2023. 18 авг. URL: <https://fedpress.ru/article/3261632> (дата обращения: 22.08.2023).

ния мер безопасности при эксплуатации скоростных¹⁷ поездов. Однако если вопросы охраны труда¹⁸ уже нашли свое нормативное урегулирование, то в сфере медицинских осмотров для работников, трудовая функция которых связана с движением скоростных и высокоскоростных поездов, нормативные акты отсутствуют. На сегодняшний момент нормативные акты, регулирующие прохождение медицинских осмотров работников, связанных с движением транспортных средств, не содержат специальных норм, устанавливающих особые исследования или дополнительные процедуры, необходимые для допуска для работы в условиях высокоскоростного движения. Полагаем, что с введением в эксплуатацию новых участков магистралей, соединяющих крупные города в разных частях нашей страны и предполагающих движение на высоких скоростях по международным стандартам (250–300 км/ч и более)¹⁹, нормативные акты, регулирующие порядок прохождения медицинских осмотров, могут быть пересмотрены.

6. Возрастные роли внеочередного медицинского осмотра

Еще одной проблемой современного правового регулирования проведения медицинских осмотров работников, связанных с движением транспорта, является правовая неопределенность в вопросе направления работодателем на внеочередной медицинский осмотр работников, вернувшихся после окончания военной службы по мобилизации в специальной военной операции на территории Украины. Вряд ли подлежит обсуждению необходимость прохождения дополнительного медицинского осмотра работникам, которые еще совсем недавно участвовали в военных действиях. Вместе с тем действующее законодательство прямо не предусматривает право работодателя направить данных работников на внеочередной медицинский осмотр, а следовательно, и применить негативные последствия по результатам прохождения такого осмотра. Представляется, что системный анализ норм ч. 1 ст. 220 Трудового кодекса РФ и п. 19 Приказа Минздрава

России от 28 января 2021 г. № 29н позволяет сделать вывод о возможности работодателя направлять на медицинский осмотр после того, как работник участвовал в военных действиях, поскольку целью проведения внеочередных медицинских осмотров является определение пригодности работников для выполнения поручаемой работы и предупреждения профессиональных заболеваний.

7. Заключение

В настоящее время правовое регулирование порядка проведения медицинских осмотров работников, связанных с движением транспорта, вряд ли можно назвать единообразным и понятным по следующим причинам. Во-первых, порядок прохождения медицинских осмотров работников, связанных с движением транспорта, регулируется большим количеством подзаконных актов различных министерств и ведомств без установления приоритетности их применения. При этом до сих пор остаются пробелы в правовом регулировании данного вопроса: например, на сегодняшний день отсутствует специальное нормативно-правовое регулирование порядка прохождения медицинского осмотра работниками плавсостава морского и речного транспорта. Во-вторых, внедрение телемедицинских технологий в сфере охраны здоровья граждан неоднозначно воспринимается различными ведомствами: не все спешат заменить реальных медицинских работников на новые цифровые технологии, а если и заменяют, то применяют методики, предусмотренные для проведения медицинских осмотров медицинским персоналом. Ситуация осложняется развитием высокоскоростного транспорта, правовое регулирование которого пока не учитывает необходимость повышенных требований к здоровью работников, связанных с таким транспортом. Наконец, принимая объективную реальность участия многих работников в мобилизации, необходимо рассмотреть вопрос о возможности проведения внеочередных медицинских осмотров таких работников по направлению работодателя.

¹⁷ Скоростные пассажирские поезда должны иметь маршрутную скорость не менее 91 км/ч при допустимых скоростях движения в интервале 141–200 км/ч. URL: <https://www.rzd.ru/ru/9832> (дата обращения: 22.08.2023).

¹⁸ Правила по охране труда при обслуживании скоростных и высокоскоростных линий железных дорог ОАО «РЖД» (распоряжение ОАО «РЖД» от 25 июня 2010 г. № 1362р). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902269290> (дата обращения 08.09.2023); Инструкция по охране труда для локо-

мотивных бригад скоростного и высокоскоростного движения (в том числе без помощника машиниста) (распоряжение ОАО «РЖД» от 9 декабря 2013 г. № 2694р). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420276670> (дата обращения: 08.09.2023).

¹⁹ Council Directive 96/48/EC of 23 July 1996 on the interoperability of the trans-European high-speed rail system. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1996/48/oj> (дата обращения: 23.08.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клепалова Ю. И. Особенности регулирования труда работников железнодорожного транспорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. И. Клепалова. – Екатеринбург, 2007. – 26 с.
2. Карсанова Т. К. К вопросу оптимизации медицинского обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте / Т. К. Карсанова, Т. Г. Нечеталенко, А. И. Болиева, Ф. Т. Саламова, В. В. Ключева, А. М. Карсанов // Главный врач Юга России. – 2017. – № 1 (53). – С. 43–47.
3. Маринина Л. Ю. Предсменные осмотры как эффективный компонент профилактической работы в условиях железнодорожного здравоохранения / Л. Ю. Маринина, Г. Н. Шеметова, Р. Н. Молодцов // Здоровье и безопасность на рабочем месте : материалы III междунар. науч.-практ. форума. – Минск : Республик. центр охраны труда м-ва труда и соц. защиты Республики Беларусь, 2019. – С. 206–210.
4. Гречуха В. Н. Транспортное право: правовое регулирование деятельности воздушного транспорта : моногр. / В. Н. Гречуха. – М. : Юстиция, 2016. – 308 с.
5. Судейкина Н. А. Влияние вредных производственных факторов на заболеваемость работников вагоноремонтного производства / Н. А. Судейкина, Г. В. Куренкова, Е. П. Лемешевская // Гигиена и санитария. – 2016. – Т. 95, № 12. – С. 1150–1154.
6. Grebenkov S. V. Assessment of occupational risk drivers of specialized vehicles / S. V. Grebenkov, L. V. Dovgysha, E. V. Kolesova, Ya. M. Sukhova, S. B. Fedorova, O. V. Shvalev, T. G. Shimanskaya // Hygiene and Sanation. Russian journal. – 2017. – Vol. 96, № 4. – P. 357–362.
7. Самарская Н. А. Исследование условий труда и разработка предложений по регламентации требований безопасности при проведении работ в метрополитене / Н. А. Самарская, С. М. Ильин. – М., 2020. – 146 с.
8. Баранкина Т. А. Организация медицинского обслуживания плавсостава речного флота / Т. А. Баранкина, А. О. Фетисов, Р. М. Валеева, С. Н. Курбанова, О. Н. Якименко // Российский медицинский журнал. – 2020. – Т. 26, № 5. – С. 283–291.
9. Гольшева Г. В. Научное обоснование эффективности периодических медицинских осмотров работников железнодорожного транспорта (на примере Московской железной дороги) : дис. ... канд. мед. наук / Г. В. Гольшева. – М., 2004. – 138 с.
10. Панкова В. Б. Профессиональная тугоухость у работников транспорта / В. Б. Панкова // Вестник оториноларингологии. – 2008. – № 3. – С. 11–14.
11. Кленов М. В. Правовые и организационные вопросы контроля за состоянием здоровья работников и оказания медицинской помощи пассажирам на транспорте России / М. В. Кленов, И. В. Холиков // Мир транспорта. – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 180–191. – DOI: 10.30932/1992-3252-2019-17-3-180-191.
12. Лисеенко В. И. Правовое регулирование медицинских осмотров водителей авторотранспортных средств посредством телемедицинских технологий: история развития, современное состояние и перспективы развития / В. И. Лисеенко, В. Д. Романенков // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 11 (138). – С. 366–370.
13. Щербакова О. В. Использование цифровых технологий при проведении предрейсовых и послерейсовых медицинских осмотров — правовой аспект / О. В. Щербакова // Медицина труда и промышленная экология. – 2021. – Т. 61, № 8. – С. 515–520. – DOI: 10.31089/1026-9428-2021-61-8-515-520.
14. Хизбуллин Р. Н. Автоматизированный медицинский аппаратный комплекс для проведения предрейсового, послерейсового осмотра водителей и машинистов общественного городского транспорта / Р. Н. Хизбуллин // Вестник НЦБЖД. – 2016. – № 1 (27). – С. 105–114.
15. Холиков И. В. Законодательное обеспечение медицинского освидетельствования специалистов авиационного персонала государственной авиации / И. В. Холиков, В. С. Вовкодав // Право в Вооруженных Силах. – 2019. – № 7. – С. 38–43.
16. Морозов П. Е. Особенности правового регулирования труда авиационного персонала гражданской авиации стран Евразийского экономического союза : науч.-практ. пособие / П. Е. Морозов, А. С. Чанышев, И. Н. Саломатин. – М. : Проспект, 2017. – 176 с.
17. Черняева Д. В. Значение телемедицины в трудовых отношениях / Д. В. Черняева // Закон. – 2019. – № 11. – С. 88–95.

18. Сарсенова А. О. Промышленная медицина Казахстана в условиях цифровизации здравоохранения / А. О. Сарсенова, Т. В. Попова // *Prospects and key tendencies of science in contemporary world : Proceedings of II International Multidisciplinary Conference*. – Madrid, 2020. – P. 5–11.
19. Melnik O. V. Digital medicine technologies for pre-trip medical examination of drivers / O. V. Melnik, M. B. Nikiforov, V. V. Bonch-Bruevich, M. V. Kaplan, A. B. Shulyakov, D. I. Ustyukov // *E3S Web of Conferences*. – 2020. – Vol. 224, iss. 3. – Art. 03019. – DOI: 10.1051/e3sconf/202022403019.
20. Бакуткин В. В. Специализированная система предрейсовых медицинских осмотров с применением цифровых технологий / В. В. Бакуткин, И. В. Бакуткин, В. А. Зеленов // *Санитарный врач*. – 2021. – № 5. – С. 60–66. – DOI: 10.33920/med-08-2105-07.
21. Treglia M. Policies and Toxicological Screenings for No Drug Addiction: An Example from the Civil Aviation Workforce / M. Treglia, M. Pallocci, G. Ricciardi-Tenore, F. Baretti, G. Bianco, P. Castellani et al. // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2022. – Vol. 19, iss. 3. – Art. 1501. – DOI: 10.3390/ijerph19031501.
22. Дударева Г. Ю. К вопросу об эффективности медицинских осмотров работников железнодорожного транспорта / Г. Ю. Дударева, М. В. Мартынюк, С. Г. Мелешко // *Дальневосточный медицинский журнал*. – 2009. – № 3. – С. 100–102.
23. Тимошина Д. П. Особенности медицинского освидетельствования работников транспорта / Д. П. Тимошина // *Актуальные проблемы транспортной медицины*. – 2005. – № 2 (2). – С. 102–111.
24. Тимонина И. В. Особенности правового регулирования трудовых отношений на транспортных предприятиях в период пандемии COVID-19 / И. В. Тимонина // *Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву : материалы Третьего Междунар. транспорт.-прав. форума*. – М., 2021. – С. 278–283.
25. Панов Б. В. Проблемы выявления профессиональных и профессионально обусловленных заболеваний в транспортных отраслях / Б. В. Панов // *Актуальные проблемы транспортной медицины*. – 2013. – № 2-2 (32). – С. 13–18.

REFERENCES

1. Klepalova Yu.I. *Peculiarities of Labor Regulation of Railway Transport Workers*, Cand. Diss. Thesis. Yekaterinburg, 2007. 26 p. (In Russ.).
2. Karsanova T., Nechetalenko T., Bolieva A., Salamova F., Klyueva V., Karsanov A. To the problem of optimization of medical safety of the railways. *Glavnyi vrach Yuga Rossii*, 2017, no. 1 (53), pp. 43–47. (In Russ.).
3. Marinina L.Yu., Shemetova G.N., Molodtsov R.N. Pre-shift inspections as an effective component of preventive work in the conditions of railway healthcare, in: *Zdorov'e i bezopasnost' na rabochem meste*, Proceedings of the III International Scientific and Practical forum, Minsk, Republican Center for the Labor Protection of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus Publ., 2019, pp. 206–210. (In Russ.).
4. Grechukha V.N. *Transport law: legal regulation of air transport activities*, Monograph. Moscow, Yustitsiya Publ., 2016. 308 p. (In Russ.).
5. Sudeikina N.A., Kurenkova G.V., Lemeshevskaya E.P. The impact of harmful occupational factors on the morbidity rate of workers of the railway-car repair plant. *Gigiena i sanitariya = Hygiene and Sanitation*, 2016, vol. 95, no. 12, pp. 1150–1154. (In Russ.).
6. Grebenkov S.V., Dovgysha L.V., Kolesova E.B., Sukhova Ya.M., Fedorova S.B., Shvalev O.V., Shimanskaya T.G. Assessment of occupational risk drivers of specialized vehicles. *Higiene and Sanation. Russian journal*, 2017, vol. 96, no. 4, pp. 357–362.
7. Samarskaya N.A., Il'in S.M. *Study of working conditions and development of proposals for the regulation of safety requirements when working in the subway*. Moscow, 2020. 146 p. (In Russ.).
8. Barankina T.A., Fetisov A.O., Valeeva R.M., Kurbanova S.N., Yakimenko O.N. Medical care provided for the river fleet shipboard crews. *Rossiiskii meditsinskii zhurnal = Medical Journal of the Russian Federation*, 2020, vol. 26, no. 5, pp. 283–291. (In Russ.).
9. Golysheva G.V. *Scientific substantiation of the effectiveness of periodic medical examinations of railway workers (on the example of the Moscow Railway)*, Cand. Diss. Moscow, 2004. 138 p. (In Russ.).

10. Pankova V.B. Occupational hypoacusis in transport workers. *Vestnik otorinologii = Bulletin of Otorhinolaryngology*, 2008, no. 3, pp. 11–14. (In Russ.).
11. Klyonov M.V., Kholikov I.V. Legal and Organization Issues of Transport Occupational Health and Medical Assistance to Passengers in Russian Federation. *Mir transporta = World of Transport and Transportation*, 2019, vol. 17, no. 3, pp. 180–191. DOI: 10.30932/1992-3252-2019-17-3-180-191. (In Russ.).
12. Liseenko V.I., Romanenkov V.D. Legal regulation of medical examination of motor vehicle drivers by means of telemedicine technologies: history of development, current state and prospects of development. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2019, no. 11 (138), pp. 366–370. (In Russ.).
13. Shcherbakova O.V. The use of digital technologies in pre-trip and post-trip medical examinations – the legal aspect. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya = Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology*, 2021, vol. 61, no. 8, pp. 515–520. DOI: 10.31089/1026-9428-2021-61-8-515-520. (In Russ.).
14. Khizbullin R. Automated medical hardware system for pre- and after examination of drivers and drivers of public and urban transport. *Vestnik NTsBZhD*, 2016, no. 1 (27), pp. 105–114.
15. Kholikov I.V., Vovkodav V.S. Legislative provision of medical examination of specialists of aviation personnel of state aviation. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh*, 2019, no. 7, pp. 38–43. (In Russ.).
16. Morozov P.E., Chanyshv A.S., Salomatin I.N. *Peculiarities of legal regulation of labor of aviation personnel of civil aviation in the countries of the Eurasian Economic Union*, Scientific and practical guide. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 176 p. (In Russ.).
17. Chernyaeva D.V. The value of telemedicine in labor relations. *Zakon*, 2019, no. 11, pp. 88–95. (In Russ.).
18. Sarsenova A.O., Popova T.V. Industrial medicine of Kazakhstan in the context of digitalization of healthcare, in: *Prospects and key tendencies of science in contemporary world*, Proceedings of II International Multidisciplinary Conference, Madrid, 2020, pp. 5–11. (In Russ.).
19. Melnik O.V., Nikiforov M.B., Bonch-Bruevich V.V., Kaplan M.V., Shulyakov A.B., Ustyukov D.I. Digital medicine technologies for pre-trip medical examination of drivers. *E3S Web of Conferences*, 2020, vol. 224, iss. 3, art. 03019. DOI: 10.1051/e3sconf/202022403019.
20. Bakutkin V.V., Bakutkin I.V., Zelenov V.A. A specialized system of pre-trip medical examinations using digital technologies. *Sanitarnyi vrach = Sanitary Doctor*, 2021, vol. 5, pp. 60–66. DOI: 10.33920/med-08-2105-07. (In Russ.).
21. Treglia M., Pallocci M., Ricciardi-Tenore G., Baretta F., Bianco G., Castellani P. et al. Policies and Toxicological Screenings for No Drug Addiction: An Example from the Civil Aviation Workforce. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022, vol. 19, iss. 3, art. 1501. DOI: 10.3390/ijerph19031501.
22. Dudareva G.Y., Martynyuk M.V., Meleshko S.G. Efficacy of railway men's medical examinations. *Dal'nevostochnyi meditsinskii zhurnal = Far Eastern Medical Journal*, 2009, no. 3, pp. 100–102. (In Russ.).
23. Timoshina D.P. The peculiarities of the transport workers medical examinations. *Aktual'nye problemy transportnoi meditsiny = Actual Problems of Transport Medicine*, 2005, no. 2 (2), pp. 102–111. (In Russ.).
24. Timonina I.V. Features of the legal regulation of labor relations at transport enterprises during the COVID-19 pandemic, in: *Iskusstvennyi intellekt i trendy tsifrovizatsii: tekhnogennyi proryv kak vyzov pravu*, Proceedings of the Third International Transport and Legal Forum, Moscow, 2021, pp. 278–283. (In Russ.).
25. Panov B.V. The problems of occupational and occupational-related diseases detection in the spheres of transport. *Aktual'nye problemy transportnoi meditsiny = Actual Problems of Transport Medicine*, 2013, no. 2-2 (32), pp. 13–18. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клепалова Юлия Игоревна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права *Российский государственный университет правосудия, Северо-западный филиал* 197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5
E-mail: klepalova.yulia@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4842-3531

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Yuliya I. Klepalova – PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law *Russian State University of Justice, North-Western Branch* 5, Aleksandrovskii Park, St. Petersburg, 197046, Russia
E-mail: klepalova.yulia@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4842-3531

Щербакова Олеся Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: sm-light@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3111-257X
ResearcherID: AAS-1653-2020

Olesya V. Shcherbakova – PhD in Law, Associate Professor, Department of Labor Law
Ural State Law University
21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia
E-mail: sm-light@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3111-257X
ResearcherID: AAS-1653-2020

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Клепалова Ю.И. Современные тенденции в правовом регулировании медицинских осмотров работников, обеспечивающих движение транспорта / Ю.И. Клепалова, О.В. Щербакова // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 156–165. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).156-165.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Klepalova Yu.I., Shcherbakova O.V. Current trends in medical examinations of traffic-related workers. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 156–165. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).156-165. (In Russ.).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

AUTHOR GUIDELINES

---

1. Требования к содержанию публикации

Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлению «Юриспруденция», соответствующие тематике разделов журнала.

К публикации помимо оригинальных статей, отражающих результаты научных исследований, направленных на изучение закономерностей правоприменительной деятельности в различных сферах, принимаются также комментарии законодательства, лекции, рецензии, обзоры литературы, а также научных мероприятий, затрагивающие вопросы применения широкого спектра правовых норм.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях. В исключительных случаях по решению редакционной коллегии могут публиковаться ранее опубликованные результаты исследований, имеющих наибольшую значимость, с обязательным указанием источника первоначальной публикации.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование. Авторы должны соблюдать правила цитирования, а также иные требования этики научных публикаций (COPE), гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Требования к предоставляемым документам

Автор предоставляет:

1) Реферат статьи объемом около 3 тыс. знаков на английском языке, подготовленный носителем языка либо профессиональным переводчиком. Реферат должен включать предмет исследования, цель статьи (в виде подтверждения или опровержения научной гипотезы), описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах, выводы о достижении цели исследования. Реферат на русском языке не публикуется. Реферат предоставляется в том же файле, что и текст статьи.

2) Текст статьи. **Статья в обязательном порядке должна быть структурирована, каждый раздел статьи – поименован. В обязательном введении должен быть отражена постановка проблемы, ее актуальность, краткий обзор опубликованной по данной тематике научной литературы. В заключении – выводы о разрешении поставленной научной проблемы.** В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее 25 источников, имеющих автора, в научном обзоре – не менее 50–80. В том числе рекомендуется использовать не менее 5 источников, индексируемых в Web of Science или Scopus. Самоцитирование автора допускается не более 20 % от количества источников в списке. После извещения о принятии статьи к публикации автору предлагается предоставить ее перевод на английский язык, подготовленный носителем языка либо профессиональным переводчиком.

Объем статьи должен составлять не менее 30 тыс. и не более 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Приоритетная форма представления статей: посредством заполнения формы на сайте журнала <https://enforcement.omsu.ru>. Статьи и другие материалы для публикации также могут быть направлены в электронном виде по e-mail: omsk.ler@gmail.com, либо направлены почтой по адресу редакции: 644065, Россия, Омская область, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзов, д. 100/1, каб. 311, А.Н. Костюкову.

3. Требования к оформлению статьи

Статья оформляется в соответствии со следующими требованиями:

1) Индекс УДК располагается в левом верхнем углу страницы, ниже по центру прописными буквами указывается название статьи, на следующей строке строчными буквами указываются инициалы и фамилия автора, а также организация, которую он представляет.

2) Со следующей строки с выравниванием по ширине страницы дается аннотация (не менее 800 знаков) и ключевые слова (8–10), выделенные курсивом. Ниже размещается текст на английском языке в том же оформлении, что и на русском: инициалы и фамилия автора, сведения о нем, название статьи, реферат около 2 тыс. знаков (на англ. яз.) и ключевые слова. Текст статьи начинается на этой же странице. Сведения о поддержке исследования грантом размещаются в сноске, привязанной к заголовку статьи. В статье в обязательном порядке выделяются разделы, каждый раздел должен быть поименован.

3) В конце статьи приводятся данные об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, почетные звания (при наличии), должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с

почтовым индексом), электронный адрес автора, контактные телефоны, SPIN-код в системе ScienIndex, ORCID, ResearcherID (при наличии).

4) Таблицы располагаются после первого упоминания о них в тексте. Нумерация таблиц и рисунков сквозная по статье.

5) Рисунки располагаются после первого упоминания о них в тексте и могут выполняться следующим образом:

- во встроенном графическом редакторе MS Word;
- в графических редакторах (Adobe Photoshop, CorelDraw и т. п.);
- в векторном графическом редакторе Microsoft Visio и т. п.

4. Требования к оформлению ссылок

– В конце статьи должен помещаться список литературы (с целью определения рейтинга цитируемости). Публикации в нем оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003. **Список составляется в порядке упоминания работ в тексте статьи. Каждая работа имеет только один порядковый номер, в случае неоднократной ссылки на нее в тексте указывается каждый раз только этот номер.** В списке литературы название работы дается только один раз, в нем не допускаются указания «там же», «его же», «цит. по:» и т. п.

В случае, если источник имеет DOI, его указание обязательно.

– В тексте следует ссылаться следующим образом: в квадратных скобках ставится номер в порядке упоминания источника в тексте статьи с указанием страниц – [1, с. 34], (см., напр.: [2, с. 56]), (цит. по: [6, с. 88]), в случае ссылки на несколько номеров – [1, с. 55; 2, с. 346; 3, с. 78]. Если имеется в виду ссылка на работу в целом, то в тексте страницы допустимо не указывать. В списке литературы для статей обязательно приводятся первая и последняя страницы в журнале или в сборнике статей, для монографий указывается общее количество страниц.

– **Ссылки на нормативные акты** (включая законы, изданные отдельными брошюрами, конституции), архивные документы, рукописи, справочники, публикации из Интернета, газеты, иные источники, не имеющие авторства, на разного рода пояснения автора и т. п. оформляются в виде обычных постраничных сносок и **в список литературы не включаются.** При оформлении ссылок на газету необходимо указывать год, день и месяц ее выхода.

– Составленный по правилам список литературы должен иметь англоязычную версию, которая оформляется следующим образом: заголовки книг, статей, на которые дается ссылка, переводятся на английский язык, а названия журналов, сборников статей, на статьи из которых дается ссылка, – транслитерируются (стандарт BSI). Если журнал имеет официальное англоязычное название, оно указывается после транслитерированного через знак «=».

В качестве **образца** оформления списка рекомендуется использовать списки в статьях журнала, доступных по электронному адресу: enforcement.omsu.ru.

5. Процедура и условия публикации

Плата с авторов за публикацию не взимается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Статьи регистрируются редакцией. После регистрации поступившей рукописи определяется степень ее соответствия тематике журнала. Рукопись, не соответствующая тематике либо Правилам для авторов, отклоняется с извещением автора. Соответствующая тематике работа решением главного редактора или его заместителей направляется на анонимное рецензирование в соответствии с [Правилами рецензирования](#).

Датой принятия статьи в журнал считается день получения редакцией текста статьи (доработанного текста – в случае его доработки в соответствии с замечаниями рецензентов).

Отправляя рукопись в журнал, авторы принимают на себя обязательства отвечать на замечания рецензентов и вносить предлагаемые изменения, основанные на этих замечаниях. В спорных случаях, в том числе конфликта интересов, они могут обратиться в редакцию журнала с мотивированными возражениями или снять статью с публикации.

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики (COPE). Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат». В случае нарушения требований публикационной этики статьи, вышедшие в журнале, могут быть ретрагированы по инициативе редакции либо автора.

В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право», а также условиями лицензии [Creative Commons Attribution License](#).

Индексирование и присутствие журнала в базах данных

– Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утв. Минобрнауки России (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=91107547002&f=17883>).

Журнал имеет категорию K2 и согласно информационному письму Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 № 02-1198 приравнивается к изданиям категории K1

– Web of Science™ Core Collection: Emerging Sources Citation Index™ – международная база данных научных журналов (<https://mjl.clarivate.com/>)

– Международная база научных статей и их метаданных (<https://www.crossref.org/>)

– Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU (<http://elibrary.ru/>)

– AcademicKeys.com – межуниверситетская база поиска научных журналов в соответствии с профессиональной деятельностью (<http://www.academickeys.com/>)

– Open Archives – международная база данных (<http://www.openarchives.org/>)

– ResearchBib – международная мультидисциплинарная база данных научных журналов (<https://www.researchbib.com/>)

– Ulrich's Periodicals Directory – международная база данных периодических изданий (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/>)

– КиберЛенинка – научная электронная библиотека (<https://cyberleninka.ru/>)

– Google Scholar (Академия Google) – международная система поиска научных публикаций (<https://scholar.google.com/>)

– Bielefeld Academic Search Engine международная система поиска научной информации (<http://www.base-search.net>)